

Л
И
Ф
Ф
Т
•
Т
Ю
М
Е
Н
Ь

№1

1-ый все российский
литературный журнал

Тюмень
№1

2018

в с е р о с с и й с к и й
л и т е р а т у р н ы й ж у р н а л

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ
2018

Маргарита
Аль

Екатерина
Володина

Главный редактор: **Маргарита Аль**
Региональный редактор по Тюменской области: **Екатерина Володина**
Ответственный секретарь: **Ирина Дмитриенко**
Компьютерная вёрстка: **Дмитрий Филатов**
Связь с общественностью: **Анвар Альмухаметов**
Связь с регионами: **Марина Александрова**

Адрес редакции:
141402, Московская обл. г. Химки, ул Ленинградская, д. 29
Тел. +7 (926)524-56-62, e-mail: meta.al@yandex.ru
Адрес редакции регионального журнала «ЛиФфт» Тюмень
Тел. +7 (982) 968-38-72
e-mail: zubarevo72@mail.ru

Адрес журнала в сети интернет: info@liff.ru

Учредитель: ООО ДООС

Регистрационное свидетельство ПИ №ФС77-63346 от 16.10.2015 г.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право не вступать с авторами в переписку.

ISSN 2414-1348

© Редакция журнала «Первый Всероссийский
литературный журнал ЛиФфт»
© Редакция регионального журнала
«ЛиФфт» Тюменской области

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Главный редактор Маргарита Аль	4
Региональный редактор Екатерина Володина	5

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Тюмень	6
Тюменский район	32
Абатский район	40
Заводоуковский район	46
Армизонский район	74
Сладковский район	82
Бердюжский район	88
Ялуторовский район	92
Нижнетавдинский район	100
Ханты-Мансийский автономный округ	
г. Нижневартовск	104
г. Мегион	118
г. Салым	128
г. Ханты-мансийск	138
Ямало-Ненецкий автономный округ	148

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

Акростих	174
----------------	-----

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ-ЗАВТРА *(Обзор литературных событий Тюменской области)*

Поэт из Тюмени стал литературным академиком	178
---	-----

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА ЛИФФТ

Израиль	180
Болгария	184

КОЛОНКА КРИТИКА

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «ЛИФФТ»

МАРГАРИТА АЛЬ:

Дорогие друзья! Поздравляю вас с Первым номером журнала «ЛиФФТ» Тюменской области! Этот журнал часть большого литературного проекта «ЛиФФТ». В нашей стране восемьдесят шесть регионов, восемьдесят шесть литературных островов. И один из них – это литературный остров Тюменских писателей. Вопреки мнению, что литература переживает упадок, журнал ЛиФФТ показал обратное – невиданный рост поэзии и прозы. Одно дело, когда авторы печатаются от случая к случаю, выжидая годами приглашения, в надежде, что кто-то где-то обратит на их творчество внимание; и совсем другое дело, когда есть системный печатный орган, представляющий на равных условиях литературную площадку для всех регионов России. Ни один литератор, где бы он ни жил, в Москве или в далёком таёжном посёлке не останется не услышанным. Схема проекта «ЛиФФТ» проста и толерантна.

Это:

- Региональные журналы ЛиФФТ (издаётся 2 раза в год в каждом регионе)
- Всероссийский журнал ЛиФФТ (издаётся 4 раза в год).

- Антология «Писатели Современной Евразии

▪ Региональные Российские литературные фестивали ЛиФФТ (1 раз в год во всех регионах РФ)

- Ежегодный «Всероссийский литературный фестиваль фестивалей ЛиФФТ», куда приглашаются писатели и читатели всех республик, областей и краев, чтобы не только побороться за звание лучшего, но приобрести к поэзии необъятной российской культуре.

- «Евразийский литературный фестиваль ЛиФФТ»

Сегодня у нас всё сбылось! Проект «ЛиФФТ» отлично стартовал и набирает скорость по всем законам аэродинамики. Уже более 50 регионов России представлены на литературной карте нашей страны. Ещё раз поздравляю вас дорогие писатели и читатели с выпуском первого номера журнала ЛиФФТ Тюменской области! Ждём вас с 24 по 28 мая 2018 года на Третьем Евразийском литературном Фестивале «ЛиФФТ-2018» в городе Сочи. В Фестивале примут участие литераторы 50 стран Евразии и литераторы 86 регионов России.

Программа фестиваля и заявка в открытом доступе на сайтах <http://лиффт.пф/> <http://liff.ru/>

РЕДАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛА «ЛИФТ» ПО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА:

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

*«Лифтийцы, давайте – творите,
мечтайте, границ и барьеров не зная!
Не зная границы, летите, как птицы,
летите, как птицы, лифтийцы!»*

Тюменский регион с большой радостью присоединился к всероссийскому движению Лифтийцев.

Хочу выразить свое признание и уважение всем нашим авторам, художникам, фотографам, помощникам, всем тем, кто так ударно работал и ждал выхода первого номера журнала. Надеюсь на наше дальнейшее плодотворное сотрудничество с писателями Тюменской области. Давайте все вместе поднимать всё выше и выше планку нашего мировосприятия за счет расширения общего интеллектуального пространства. Дерзайте, пишите! «Лифт» ждет вас!

Желаю Вам приятного и полезного чтения!

Тюмень

Николай
Шамсутдинов

Александр
Новопашин

Леонид
Иванов

Антонина
Маркова

Маргарита
Лебедева

Вета
Моор

Александр
Мищенко

Светлана
Хохлова

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

Литературно-художественные переводы

БУЛАТ СУЛЕЙМАНОВ

СТРАНА СНЕГОВ

Полярный север... тундровый покров...
Зима хранит здесь мраку постоянство.
Раскинулась страна – Страна Снегов,
Заполнив свободное пространство.

Ни деревца здесь..., птицы не летят,
Взор белизной бредет, изнемогая,
И, как новорожденное дитя,
Страна Снегов лежит вокруг, нагая.

Спешит раздольный ветер по снегам...
То вдруг вскипает бешенством бурана,
То, вздыбленный, взметает к небесам
Взъярившуюся пену океана.

За горизонтом солнце..., гаснет зов...
Ни блика, ни луча – невыносимо!
И только белизна седых снегов –
Запомнил твердо я – неугасима.

Слепые ночи и слепые дни... –
Взор белизной бредет, изнемогая, –
О, как порой гнетут меня они!
Страна Снегов – безмолвная, седая...

БЕЛОКРЫЛЫЕ ЛЕБЕДИ

Белокрылые лебеди
вновь прошивают простор,
Возвращаясь домой,
покидая далекие страны.
Затуманились очи родимых –
забытых? – озер,
Весть об этом несут мне
знакомых ветров караваны...
Путь к Сибири – далек,
туда рвусь же я, нетерпелив...
Захватите с собою приветы мои,
да и сами,
Пролетев над аулом моим,
в знак того, что я жив,
Оброните приветное
белое перышко – маме!

Белокрылые лебеди снова летят,
бередя
Раны бедного сердца...
О, быстрые, легкие крылья!
Вслед за ними, услышав их клики,
в родные края
Проводил я тоску, подколотную –
да, проводил я...

В СИБИРИ

Сибирь моя – видна ли из Казани?
 Там – снегопад там – колдовство пурги...
 Дрожащий оленёнок – наказание! –
 Тоскуя, плачет посреди тайги.
 И хоть бы солнце дало весть какую,
 Что ищет оленёнок свою мать...
 Он тонко плачет, бедный он тоскует.
 Мрачна тайга в ней мать не отыскать...
 Беда скользит по следу волчьей стаей,
 Как страшно! Но – с дороги не свернуть
 И он пошёл, пошёл вперёд, листая
 Снега, снега...
 Стремится детство в путь.
 От грустных мыслей никуда не деться,
 Следы мои – перемела пурга...
 В тайге плутает, плачет мое детство...
 Необозрима – хмурая тайга.

ТЫ – СОЛНЦЕ МОЁ

В солнечных нежась лучах, не тая
 Счастья, цветы расцвели на полянах...
 Ты – моё солнце, родная моя,
 Солнце ты в жизни,
 как в белых туманах.
 Теплые ветры – дыханье твое...
 Как ни люгуют холодные ветры,
 Милая мама, ты – солнце моё,
 Сердце согрело дыханием мне ты...
 Небо с тобой голубое поёт...
 Кроме тебя, ничего мне не надо,
 Милая мама, ты – солнце мое,
 Не оторвать восхищённого взгляда!

РОМАН РУГИН**ЗВЕЗДЫ**

Как наливная морошка, рассыпаны
 Звёздные россыпи в небе ночном.
 Смотрят на землю,
 никем не сосчитаны, –
 Смотрим на звёзды и песни поём.
 Взглянешь с земли –
 они плавно вальсируют,
 Смотрят на нас через холод и мрак.
 В ритме одном они мягко пульсируют,
 Дышат, легки и загадочны, в такт.
 Может, на них, что
 в преданьях обласканы,
 Птицы щебечут, долины цветут.
 Помню, нас мама баюкала сказками,

О чудесах, что на звёздах живут...
 Верю я – к ним от рассветной отчизны
 Путь наш проляжет
 в раздавшейся мгле,
 Если во имя ликующей жизни
 Мы не дадим вспыхнуть новой войне!
 Альтернатива! – погибнуть нам либо
 Будет планета – землёю живых.
 Дети грядущие скажут: «Спасибо!»,
 Что сохранили мы Землю для них.
 И, улетаю к далеким созвездиям,
 В ночь, унося ходовые огни,
 Может быть, с грустью оглянутся, если
 Наши предания вспомнят они...

ТАЕЖНАЯ ТАМГА

Прозорлив и мудр, мой народ
 В старину тамги на кедрах ставил,
 Завещал их нам из рода в род
 И тамгами край родной прославил...
 Вот тамга – лисица.
 И теперь
 Знаю я, что метку вырезали,
 Чтоб ловушки не оскудевали,
 Чтобы не переводился зверь.

И когда охотник белковал –
 Метку ставил, ведь была забота,
 Чтоб по меткам каждый узнавал,
 Что была удачною охота.
 Как они бежали по стволам,
 Словно гнали зверя вдаль!
 И даже
 Вслед бежали дети,
 Старикам

Запах крови ноздри будоражил.
 Как Медвежий праздник ликовал,
 И плясать срывался с нами ветер!
 И тамги толпились – каждый знал
 Мощь неукротимого медведя.
 В постаревших тамгах мой народ
 О своих заботах нам поведал,
 Завещал их нам из рода в род,
 Ибо о грядущей жизни ведал...

Только путь к добыче никогда
 Мы тамгой в тайге не помечали,
 Чтоб чужой не знал пути туда,
 Чтоб костры чужие не пылали.
 Если по чужим следам идти,
 То не одолеть дороги дальней...
 И тамги, как звезды впереди,
 Манят неразгаданною тайной

ВЕСНА

По северной земле весна идёт –
 взгляни!
 И в небо бьёт листва
 из плотных, клейких почек
 Как лебеди, плывут – ясны и – дни,
 И сумрачная ночь становится короче.

Полозья не скрипят усталых,
 старых нарт...

Весенняя земля,
 твоё тепло – награда.

Уходит ночь, бледна,
 и дан рассвету старт,
 Нам головы кружит весенняя отрада.

Вся в солнечных лучах,
 будто в тугих сетях,
 Как рыба – чешуёй,
 весна горит, сверкает...

О, свежесть вешних дней!
 Ей целый мир пропах,
 Кровь горячит весна и души опьяняет.

Как девушки, белы берёзы поутру,
 Под тонкою корой –
 биенье жаркой крови.

Что шепчете – ах!.. –
 на медленном ветру

И чем томитесь вы?
 Весеннюю любовью?

Земле моей, лесам – цвести и зеленеть!
 Мне легче, легче жить,
 когда весна со мною.

Не стыдно перед ней
 свои мне песни петь,

Ведь рано, говорю,
 тягаться мне с весною...

АЛЕКСАНДР НОВОПАШИН

СИБИРСКИЕ КИТЫ

Меж волн осенних облаков
 Выныривая из небес пучины,
 Сверкая сталью плавников,
 Плыл кит в таёжные глубины.
 О валуны Рифейских гор
 Чесал прожорливое брюхо,
 Его не в силах до сих пор
 Наверхосытить с голодухи.
 Из всех стихий и всех краёв
 В Сибирь стремились неизменно
 Кто потерял тепло и кров,
 Сменив уют на перемены, -
 Авантюристы всех мастей,
 Нефтяники с трудом ударным,
 Картёжники в плену страстей,
 Геологи с душой гитары...
 Мальков немало и китов
 С тех пор проплыло по Сибири.
 И я хоть завтра плыть готов
 На Север, самый лучший в мире!

Приезжай в моё белое царство,
 Где в сугробах лежат облака,
 И в ветвях леденеет убранство
 Накрахмаленного куржака.
 Здесь восход полыхает морозом,
 Ночь, как зимник по тундре, длинна...
 И разлукой сквозит по торосам
 Оглушительная тишина.

СВЕТАЕТ

Светаёт. Утро фиолетово.
 Мерцает фосфористо снег.
 И неба синева рассветная
 В нём дивный отражает свет.
 И фонари голубоглазые
 Сонливы на своём посту.
 Спросонья здания угластые
 Клянут подъездный перестук.
 Скучают первые автобусы -
 Безлюден ранний их маршрут.
 И, разметав седые волосы,
 Деревья молодость зовут.

ВЕЛИКАЯ ЭПОХА

Ушла великая эпоха
 И дверь прикрыла за собой.
 Щеколды лязгнул ржавый грохот
 Вслед за скрипящею тоской.
 Прожитых лет густые тени
 Скользили в бездну забытья.
 Сопя в затылок в нетерпении,
 Толклись притворные друзья.
 И в спину острыми локтями
 Спешили подтолкнуть вослед
 Услужливые негодяи,
 Что сладко лстили много лет...
 Ушла великая эпоха.
 Была плоха иль хороша,
 Её проводим мы со вздохом,
 Достоинно, как велит душа.

Сжав в замок костяшки пальцев
Мёрзлых рук,
Ты молила о скитальце
На ветру,
Чтоб судьба его хранила
От невзгод,
Зная, что обратно милый
Не придёт.
И неважно, с кем по свету
Колесит,
В чьих объятиях он где-то
Сладко спит.
Было счастья между вами -
Через край!
Дважды встретится едва ли
Дивный рай.
Будешь радостью согретой
Жить, любя.
Никому не выкрасть это
У тебя.

ЗАПОЗДАВШАЯ ВЕСНА

Весна в Гыданской тундре,
Но не слышна капель.
Продрог в оленьей шкуре
Застуженный апрель.
И правит путь хореем
Каюра назло ветрам,
Чтоб зиму поскорее
Прогнать ко всем чертям!
Но не спешит быстрее
Сорвать снегов убор
Луч солнца, что не греет
Каюра до сих пор.
Весна в Гыданской тундре,
Но не слышна капель.
И царствует в округе
Коварная метель.

ДИРИЖЁР ОЛЕНЬЕГО СТАДА

Топот оленьих копыт
По леденистому насту
В воздухе мёрзлом гудит,
Взорванный лаем горластым.
И над скрещеньем рогов
Руки раскинув крылато,
Дарит он песням ветров
Музыку вольного стада.

ЛЕОНИД ИВАНОВ

БУДЕМ ЖИТЬ! ОТКРОВЕНИЕ

Оптимизму больных раком посвящается.

- Проходи, присаживайся, - Дьяконов показал на стул возле стола, за которым сидел. Отъехал в кресле на колёсиках к шкафу, достал бутылку Hennessy, два коньячных фужера. – Давай выпьем!

- А мне можно?

- Юра! – Дьяконов впервые за последние несколько лет назвал пациента по имени, а не фамилии. Посмотрел и повторил, - Юра! Тебе теперь можно всё! Может, я неправильно делаю, но не хочу обманывать. Ты мужик умный, грамотный, профессор, давно сам всё прекрасно понял. Думаешь, почему мы тебя тут держим и не оперируем? Да у тебя целый букет противопоказаний: и сахар, и анемия, и гемоглобин. Не окочурься у нас на неделе в операционной тот практически безнадежный, может и рискнули бы, но когда в отделении за неделю два летальных исхода, извини. Нас и так теперь с говном съедят. Давай, за всё хорошее!

- Ну, хоть перед смертью дорогой коньяк в первый и последний раз попробую. На профессорскую зарплату такой покупать не разбежишься.

- А ты думаешь, я бы стал на свою зарплату эту дрянь покупать? Лажа всё это! Ловкачи из одной бочки разливают, только бутылки да этикетки разные заказывают. Теперь ведь с день-

гами не проблема что хошь подделывать. Вот я как-то настоящий Hennessy пил, это был вкус и аромат! А тут - дерьмо! Коньячный спирт для кондитерских производств по дешевке закупают и делают потом из него контрафакт. А наши дураки покупают. Ты знаешь, я про коньяки могу целую лекцию прочитать. Но для нашего обывателя – это прозвучит, как песня на китайском. Вроде бы и мелодично, но ни хрена не понятно. Дорогие коньяки создаются на основе спиртов из винограда Grande Champagne выдержкой от 30 до 100 лет... Понимаешь, до ста лет! Но такие выпускаются в год всего несколькими сотнями или даже десятками бутылок и стоят десятки тысяч долларов. К приличным можно относить коньяки старше десяти лет. В наших супермаркетах таких не бывает однозначно. Ладно, будь здоров!

- Про здоровье – это шутка или издёвка?

- А знаешь, профессор, ты верь в чудо! У тебя сейчас иммунная система расшатана полностью. Постарайся восстановить. Я, как врач, не имею права тебе этого говорить, но всё же скажу. Попробуй народные рецепты. Наша официальная медицина очень много лет отрицала столетиями апробированное, но ведь это всё народная мудрость, многовековой опыт предков.

Попробуй! Ты, главное, не программируй себя на самоуничтожение. Я тебе ещё раз повторяю – верь в чудо. И знаешь, что тебе сейчас надо кроме всяких там болиголовов, окопников, маральных корней и прочих корней да травок, убивающих раковые клетки и восстанавливающих иммунитет? Кстати, не рекомендую жень-шень: он может спровоцировать новообразования. Об этом, кажется, даже в инструкции по применению препарата пишут. Тебе адреналин сейчас нужен! Экстремальные виды спорта, например. Во! Давай я сейчас позвоню своему приятелю. Он парашютистов готовит в авиаклубе. Ты с парашютом прыгал? Минуточку. Доктор взял телефон и начал тыкать толстым пальцем в кнопки.

- Серёга? Привет! Как ты? Ну, молодец! Слушай, у меня к тебе просьба великая. Надо одного человека из самолёта выбросить. С парашютом, конечно! Когда у тебя очередные прыжки? В следующие выходные? Отлично! Мужик он сообразительный, быстро научится, как ноги держать, как группироваться. Надо, Серёга, очень надо! Ему адреналин нужен. Договорились. Он тебе позвонит, - и уже обращаясь к Юре, сделал этакий широкий жест. – Видишь, как всё просто? Сделай несколько прыжков, потом снег выпадет, можешь на горных лыжах покататься. Тоже не катался? Научись. А ещё хорошо бы влюбиться. Вот где адреналин так адреналин! Эхххх!

- Спасибо! Это мы уже прохо-

дили. Не зря шутка такая есть, что любовь, как корь, чем раньше переболеешь, тем легче переносится. Я же, как последний дурак, влюбился в свои сорок с лишним. В свою студентку. И всё прахом, и любовь, и семья. Может, и здоровье пошатнулось именно на этой почве.

И Юра первый раз в жизни начал рассказывать про свою сумасшедшую влюблённость. Подробности этого романа профессора Цвигунова знал только его давний друг Славка. У них еще со студенческих пор не было друг от друга секретов. Собственно, потом именно Славка и отомстил этой коварной пассии, что разбила семью и чуть не довела Юру до самоубийства. Коньяк, пусть он даже и был контрафактным, а за время разговора бокалы поднимали уже дважды, приятно разливался по телу, Юра хорошо осознавал, что захмелел, но этот хмель не тяжелил, а, наоборот, бодрил и привносил необычайный душевный подъём, располагал к откровенности. Поэтому и рассказывал он о своём романе без тоски и самобичевания.

- Понимаешь, док, - Юра тоже перешёл на «ты», хотя обычно в разговоре с людьми такой фамильярности почти никогда не допускал. – Она появилась в моей жизни, как вспышка молнии. У нас же в основном парни учатся. Технари. Девчонок – буквально единицы. Ну, скажи ты мне, какой из девчонки инженер по обработке металлов? Вот ты знаешь, почему проволока именно так называется? Нет? Потому что её проволакивают. То есть

способ обработки волочением. Я ведь и докторскую именно по этой теме защищал. Изобрёл способ обработки титана волочением. Таким образом, чтобы этот капризный металл не терял своих свойств. Обычно он даёт микротрещины и так далее. Хотя, зачем я тебе всё это рассказываю? Так вот, эта группа появилась у меня на втором курсе. Представляешь, два с лишним десятка парней, и две девушки. И одна из них на мою беду та самая Лариса. Высокая, фигуристая, с большими карими глазами и копной длинных и черных волос. Школу закончила с медалью, но на этой специальности оказалась только потому, что на другие на бюджетное место по баллам не проходила. Но не давалась ей чисто мужская специальность! На коллоквиумах всё отмалчивалась, а спросишь, такую чушь нести начинала, что волосы дыбом. Начал я с ней дополнительно заниматься. И дозанимались! Собственно, она сама меня спровоцировала. Правда, и провоцировать особенно было не надо. Намёка было достаточно, чтобы я голову потерял. И закрутился у нас с ней бурный роман!

Причём, она не только не скрывала наших отношений, а, я бы сказал, даже бравировала ими, выставяла напоказ. Не знаю, как у вас, врачей, а в нашем научном гадюшнике полно завистников. Это, я тебе скажу, такой террариум, где многие просто готовы сожрать друг друга с потрохами. И как правило, это те, кто ничего из себя не представляет, ни как учёный, исследователь, ни как преподаватель. Ну,

не дал бог таланта, вот и исходят они желчью по поводу успехов других. И ищут любую возможность уку-ситься, подставить, скомпрометировать. Зачастую даже просто так, даже если это лично ему не приносит абсолютно никакой выгоды. Вот и у меня на кафедре есть такой. Мой ученик. Парень подавал надежды, я его в аспирантуру протащил, стал его научным руководителем, по сути, чуть ли не сам написал за него кандидатскую. И, наверное, это еще больше его распалило, когда понял собственную никчемность, как исследователя. А амбиций у парня на десятерых. К власти рвётся. Локтями расталкивает, а лезет. И он решил, что если меня этим романом скомпрометирует, то, как молодой и перспективный учёный, может занять моё место заведующего кафедрой. И начал писать во все инстанции, что профессор Цвигунов злоупотребляет служебным положением, склоняет студентов к сожительству и ставит им за это зачёты и отличные оценки. И знаешь, до чего подлым оказался, поехал к моей жене, она в другом институте преподавала, тоже профессор, и начал с ней якобы советоваться, как меня спасти от надвигающейся опасности из-за связи со студентками.

Жена устроила мне скандал, уволилась с работы, взяла дочь и уехала в Волгоград к матери. Устроилась там на работу в бизнес-структуру и стала получать в четыре раза больше, чем в университете. И от алиментов моих отказалась. А Лариса, как только полу-

чила в конце семестра «пятёрку», прекратила со мной всякие отношения. Мол, «пятёрку» свою она честно заработала если не мозгами, то телом, и я ей больше без надобности. И стала в следующем семестре охмурять моего друга, не зная о наших с ним отношениях. А я, даже не смотря на такую вероломность, продолжал её любить. Пожалуй, даже ещё больше, понимая при этом всю её мерзкую натуру и то, что она меня просто элементарно использовала. После того её признания я от горя напился, как сапожник. Даже хуже. Я беспробудно пил трое суток. А потом проснулся посреди ночи, вокруг только пустые бутылки, и начал трезво осмысливать всё, что со мной произошло. Наутро позвонил другу, попросил прийти. И всё ему рассказал, как на духу. Он не стал меня утешать, успокаивать, посидел молча, потом поблагодарил за откровенность и сказал, что зло обязательно должно быть наказано. Я тогда еще не знал, что она теперь ему откровенно глазки строит. А он уже задумал, как вероломной девице отомстить за друга. До лета он мне ничего не рассказывал, а только когда вокруг него скандал разгорелся, из которого он вышел с честью, раскрыл свои карты.

Он в ответ на заигрывания Ларисы начал отвечать взаимностью, но каждый раз, когда она вечерами приходила к нему на кафедру, открывая дверь, включал миниатюрную видеокамеру и записывал весь процесс общения. Точнее – обольщения. На четвёртый или пятый раз она, как

только щёлкнул дверной замок, бросилась моему другу на шею и заявила, что больше без него жить не может, что она влюбилась по самые уши и хочет быть его любовницей. Он пытался её успокоить, приводил веские аргументы против развития отношений, что он хоть и холостой, но жениться пока не собирается и так далее. Но она его дипломатичного отказа и слушать не хотела, тут же у дверей разделась и буквально набросилась на моего друга. Таких записей за семестр у него набралось десятка два. А к концу сессии у нас заговорили о системе объективизированного контроля знаний, которая прошла, все согласования и экспертизы и исключала участие преподавателя при экзамене, используя при оценке знаний только компьютер с тестовыми заданиями. И мой друг одним из первых согласился применить систему на своих студентах. Он ждал, что будет много «двоек», но получила неудовлетворительную оценку только Лариса.

Она буквально ворвалась к нему на кафедру и устроила настоящую истерику. Он успел включить камеру и спокойно объяснил ей, что ничем помочь не может, что если она не согласна с оценкой компьютера, можно пересдать комиссии. Комиссия оценила знания студентки еще меньшим количеством баллов, чем компьютерная программа. Короче, сессию девушка завалила и с бюджетного места вылетела. А поскольку всё пошло не по плану коварной студентки, то она придумала вариант

жестокой мести, пришла на кафедру, через несколько минут разговора прямо у двери рванула на себе блузку и с криками о помощи выскочила в коридор. А потом написала в милицию заявление о попытке изнасилования. Вот тут и пригодились те записи, что предусмотрительно делал всё время мой друг. В итоге дело возбудили не против него, а против неё за оговор, за попытку дискредитации и еще по каким-то статьям. Я не силен в юриспруденции. Но грозило девушке года два. Скорее всего – условно. Только от претензий мой друг отказался, но из университета Ларису выперли с треском. Вот такая, док, любовь! А ты говоришь, влюбиться надо. Не-е-ет, я теперь учёный. А жена ко мне так и не вернулась, - с горечью закончил свою исповедь Юра.

- Ну, теперь с большой долей веро-

ятности можно предположить, отчего у тебя злокачественная опухоль. Стресс! Хотя и существует много гипотез о природе возникновения раковых опухолей, но большинство врачей склоняются к тому, что первопричиной становится длительный стресс. Так что ты береги себя от лишних волнений. И еще от травм. Будьешь с парашютом прыгать, постарайся приземляться так, чтобы ноги-руки не ломать. В твоей ситуации это очень опасно. Ладно, давай еще по маленькой. Мне тут работы непочатый край. Из нас, хирургов, теперь писателей делают. А ты иди, отдыхай. И не забывай, что я тебе тут говорил. Иммунная система, адреналин и спокойствие. И самое главное – вера в чудо! Будьешь верить, всё ещё может по-другому обернуться. Живи с хорошим настроением! Живи, брат!

АНТОНИНА МАРКОВА

СТАРОЖИЛ

Солнце выплеснуло себя
В окна века былого.
Деревянной резьбой клубясь
В свете дня золотого,
Стародавний тюменский дом
Наблюдает неспешно,
Так ли, правильно ли живём,
По традициям здешним?

День погожий лелеет звон
Колокольни соседней.
Город радугой окрылён,
Что случилась намедни.
Старой улочки поворот
Бережёт старожила,
Где за вязью больших ворот
Время словно застыло...

ВЕЧЕРНИЙ САД

Свернулись мягкой кошкой облака
На узком подоконнике заката.
Жара спадала. Тонко пахла мята
В объятиях ночного мотылька.

Тащил фонарь из мошкары улов,
Стекло веранды затопило светом.
В игольное ушко небес продеты
Сверкающие паутинки снов.

Цветочность чая, снятого с огня,
О чашке позолоченной мечтает.
А память не спеша перебирает
Бирюльки угасающего дня.

ЧАЕПИТИЕ

Вот и время нам вечеровать.
Буду чай по чашкам разливать.
Аромат целебный, травяной
Поплывёт по кухне, как живой.
Станет вечер стариком седым.
Запоёт труба на все лады
Тёплым ветром. А огонь в печи,
Догорев, привычно замолчит.
Будет свет закатный истекать
С занавесок – прямо на кровать,
С покрывала – на пол, а потом
Растворится в сумраке ночном.
Золотинки звёзд лизнут окно,
Станет и прохладно, и темно.
Над столом луна, как шар, зажглась...
Жаль, тебя на чай не дождалась...

ЗАРИСОВКА О СНЕГЕ

Снег ждал подходящего часа и вот –
Свободный и смелый, и лёгкий идёт...
Окно, что научено только глазеть,
Расставило снегу искристую сеть.
Фонарь, что ночью хозяйкой забыт,
Всё крошечком белым под ноги сорит.
И ель, что зелёному цвету верна,
Под снег пятерни подставляла она.
И тополь, который поддался зиме,
Примерил пушистую шубу во тьме...
А снег среди ночи прогулку вершил
И тратил щедроты небесных вершин.
И я в это таинство вовлечена –
Всю ночь простояла я возле окна...

МАМА МОЯ, СТАРЕНЬКАЯ

Мама моя, старенькая,
Высохший колос ржаной.
Руки твои, маленькие,
Космос несут надо мной.

Волосы поседевшие –
Дыма осеннего прядь.
Мысли осиротевшие
Возрасту не отнять.

Памяти пряжа тонкая
Пугает узелки,
Воспоминанья ломкие –
Трепетны и легки.

Всё, что судьбой назначено,
Стало тебе не в новь,
только в душе не растрачены
Вера, Надежда, Любовь.

МАРГАРИТА ЛЕБЕДЕВА

ТОТ ДОМ

Вечером снова уходишь в тот дом,
Что рядом с моим,
В тот дом, где лишь холод и дым,
Где нет моего бессилья.
Там черные стены одни,
Печальны и глухи они,
Обои свои износили.
День ото дня от себя до себя
Тобою живу упрямо,
И в жизни четыре грани –
И каждая о любви.
В тебя заключила солнце,
Истоки всех рек вложила в ладони,
Что так теплы.
Ни грубости, ни хулы
Из уст моих не услышишь.
Ты неба хрустального чище,
Что божьей коснется стопы.

* * *

Вагон: четыре. Вечер: девять.
Вокруг спешащие.
А я
Стою блаженно под метелью
Двадцать второго декабря.

Кричал мужчина, кто-то плакал,
И мерз мальчишка-проводник:
Его пальто с одной заплатой
Не согревало. Он поник.
Ты не спешил. Мы долго ждали.

И проводник тебя все ждал.
Он был усталым, ты печальным,
А я кляла-кляла вокзал.
Вагон: четыре. Вечер: девять.
Ты был в купе своем.
А я
Шептала что-то вслед метели
Двадцать второго декабря.

ОКТАБРЬ

В октябре наше небо
с тобою такое серое,
Что сердце мое застилает
тугими тучами.
Взяла бы я руку твою.
Но прости, не верую
В то, что вдвоем нам счастливей,
Нежней и лучше.
В октябре наша память
с тобою такая грустная,
Как будто три года ее день
и ночь не лелеяли.
Взяла бы я руку твою.
Но прости, не чувствую,
Что жить без тебя не могу.
Вот дурная. Смелая.
Неужели октябрь станет
последним месяцем
В нашей с тобою любви,
что других вдохновляла?
Взяла бы я руку твою.
Но прости, нечестно все,
Когда я с тобою – одна,
а с собою – другая.

ДО ЭТОЙ ОСЕНИ

Я не чувствую смысла
писать о тебе километрами
Моих нервно измученных строчек.
Вот так просто.
Взяла засушила гербарий любви
в конвертике
И стою под дождем, гордая, ветренная,
И губы накрашила красно и сочно.
Как никогда до этой осени.
Я не чувствую смысла хранить то,

что было не прожито.
Мне в глаза чье-то счастье светит.
Вот так просто.
Юная женщина, тонкокукая
и белокожая,
Отмеряет по набережной
фарфоровыми ножками
Новые сердцу сети.
И ты снова будешь не в них.
Где-то осень напьется настойками
и зацелуется,
Сбросив сонное лето нагло.
Вот так просто.
Явно черт влюбленный беснуется
И тащит меня за волосы
по темнеющим улицам
К тебе, не ждущему и усталому.
Может, не черт, а сама?
Я не чувствую смысла писать
о тебе километрами,
Выламывать пальцы о строчки.
Вот так просто.
Ты взял засушил гербарий любви
в конвертике
И стоишь под дождем
в свершенном уверенный,
Но понимаешь, что любишь меня,
И мчишься ко мне,
Словно коней подгоняешь,
Упорно и срочно.
Как никогда до этой осени.

БЕТА МООР

ИСПЫТАНИЕ ОСЕНЬЮ

Капризная осень,
Коварная осень
Обрывки сомнений
Мне под ноги бросит.
Разбудит, расспросит,
Расстроит, расскажет...
И все позабудет...
Не в духе – накажет.
Кружатся листьями
Мои сновиденья.
Карабкаюсь вверх,
Обдирая колени.
Да, что там колени?
Душа кровоточит.
Дымятся поленья
И ножики точат.
И ищут козленка –
«Козла отпущенья».
Расплачусь, раскаюсь
За все прегрешенья.
Дородная осень!
Да ты плодовита:
Нет снова воды,
А жилище залито...

Живительное солнце,
Как глоток воды,
В конце зимы
Пустынной,
Леденящей!
Представилось:
Весна,
Цветут сады.
И счастье в будущем
И в настоящем.

Все отголоски прошлого во мне
Живут в любви. Переступая
Рубеж веков, не замечаю,
Что снег разлегся на земле.
Еще недельки две и он сойдет,
Как все приходит и уходит.
Любовь на счастье сподобит,
И смысл все приобретет.
Воспоминая светлые верну:
Дневник листаю – мир желанный.
А ты всегда, как гость неожиданный,
Мне даришь вечную весну.

Неласковой кистью рисует зима
Узоры на сонном окошке:
Рисует ресницы. Большие глаза
На чьи-то так странно похожи.
И эти глаза удивленья полны,
Увидев меня и растрогав,
Еще непонятное чувство вины,
Что кто-то стоит на пороге...
А кто-то не встречен был мною вчера
А что-то серьезно было.
Крепчает мороз, и улыбка твоя
На стеклах холодных застыла.

АЛЕКСАНДР МИЩЕНКО

НОЛЬ

Опыт реминисцентной прозы

По-аксакальски мудрый, Ахмадишин поддержал, приободрил в трудную минуту многих. Я запомнил высказанную им мысль, что счастье - как кусок золота, тяжелая это штука, и его надо еще удержать в руках. Невольно вспомнишь тут великого нашего полководца Суворова, который говорил: «Сегодня счастье, завтра счастье, помилуй, братец, надобно сколько-нибудь и ума».

Буровой мастер Борис Давыдов

Ноль – это образ жизни. Так определил его в своей трактовке Заки Шакирович Ахмадишин, ставший прототипом одного из главных героев моего романа «Большая охота». По пути с Северов заскочил он ко мне, и утащил я его на сутки на дачу. Щуплый, сухонький, но упругий, как молодая щучка, – таков он на вид этот человек, выжаренный на буровых жаркими сибирскими морозами. На семи ветрах наждачили наши зимы кремнистый его характер, шлифовали его философию. Он для меня что Диоген, жизнь которого – напряженное искание смысла ее, поиски ответов на толстовский вопрос: «Как жить человеку с человеком?» Предваряя раскрутку философии ноля, эскизно хотя бы обрисую веховые эпизоды его жизни.

После окончания института он работал на Ромашкинском месторождении в Татарии. В то июньское утро молодой буровой мастер ехал в кузове «ЗИЛа» на смену, а навстречу неслись дождевой стрекот кузнечиков и полынные запахи степи. И на крутом повороте вдруг машина перевернулась. Удар головой в стенку кювета, кинжально острая боль, темень. Сознание вернулось к нему через несколько дней. Повсюду слышался кошмарно-неистребимый шум воды, весь мир превратился в средоточие тысяч кранов, и вода льется из них, звенит. Тугие толчки сердца рождают колющую боль в плечах, ключице, затылке. Бесконечно несется перед глазами, завихряясь радужными разводами при каждом толчке, ярко-оранжевая лента. К постели его приковали сильнейшее сотрясение мозга и паралич левой стороны тела. Несколько дней оно не реагировало на боль, а зрачки глаз – на свет. Реаниматоры не отходили от пострадавшего, и вот он вернулся к жизни. Вспыхнули слепящие огни ламп и провалились в черную яму. Словно сотни иголок вонзились в голову ему, прошли вдоль спины тело. Глаза доктора глядят, не мигая. Заки ничего не видит кроме темных зрачков их и, холодея от ужаса, задает вопрос себе: «Неужели все? Неужели придется расстаться с буровым делом?» В забытье-полусне наплывает на Заки картинка детства. Вспухла от дождя горная речка Ая у голубых гор. Юркий,

как паучок, Заки собирает синие камни на берегу, накладывает в полу пальто их, словно это сокровища, идет дальше, и его колыхает из стороны в сторону от тяжести груза. На повороте плывет телега, у лошади только уши торчат. Вытащила она телегу на берег, мальчишка-возница распрягает лошадь, вскочил на нее и давай гонять, чтоб не простыла. Заки все это было знакомо, и он не удивился ни лошади, ни беготне ее. Неожиданно он увидел силуэт буровой вышки (не знал тогда, что же это такое), и екнуло сердчишко пацаненка от встречи с чем-то таинственным и удивительным, как луна, звезды, гудок паровоза. Невдомек было ему, мокроносому, что смотрел он в глаза судьбе.

Через три месяца Заки выписали инвалидом и долго еще продолжали лечить – массажами, токами, предписывали покой. А он каждое утро тайком от медиков делал гантельную гимнастику, ежедневно трусцой пробегал по пять километров.

Лежа в больнице еще, Заки прочитал очерк зарубежного журналиста о Тюмени. Ему запретили читать, и журнал с такой публикацией попал в палату случайно. Один абзац врезался Ахмадишину в память. Иногда, когда белые простыни, бинты и стены сливались в молочный туман, из него наплывали рубиновые огоньки строк: «Сибирский край – это жизнеутверждающий порыв, это жажда созидания нового, это повседневные усилия в покорении ранее недоступного материка, это русский вариант «Фаэ Уэста» – Дальнего Запада, это царящая повсюду трудовая лихорадка. На углу каждой улицы тебя поджидают перемены, каждый клочок земли живет, смотря в близкое будущее... Бурлящая земля вызывает у каждого страстное желание отдать все ради победы более высокой, чем он сам». «Ехать, ехать, ехать надо срочно в Сибирь! – молоточком стучало в виски Ахмадишину. – Не может без меня там свершаться великое дело. Не полна будет Сибирь без меня! Да-да, она без меня обойдется, я без нее – нет». Подобно, бескомпромиссно вела себя в два с половиной годика «божественная Амели» ныне, в пору писательской ее звездной поры. Удовольствие – это я. Есть удовольствие – есть я, нет его – нет меня. И младенец с удовольствием поглощал белый шоколад, что привезла ему бабушка. А голос кричал в голове юнчика: «Да здравствую я! Я такое же чудо, как и наслаждение, которое я только что открыла. Что такое этот шоколад без меня. Просто палочка, и все. Но стоит ее положить в рот, и она превращается в наслаждение. Она нужна мне, а я нужна ей». Подобное не нонсенс для мира природы. Та же лосиха Тачанда, одна из «персонажей» моего романа. Баловали в поселке Давше ее дети и взрослые, кормя сладостями разными, и стала она известной своими супер-капризами на все баргузинские веси лосиной мадамой: капризы потребностей, как гласят о том каноны классической педагогики – это капризы насильников. Я не привожу никаких аналогий на этот счет с честолюбивым и бескомпромиссным Заки Ахмадишиным, а просто делаю акцент на то, что

подобно юнчику Амели и лосихе Тачанде настроен был в эту пору своей комсомольской молодости мой друг. И вот зеленый поезд-мечта, вызванивая колесными парами на стыках рельс, мчит Заки на ударную комсомольскую стройку в Приобье. Расчет его был точен: специалисты тут на вес золота (в тайге легче встретить или медведя), в состоянии здоровья его никто не станет вникать. Доктор, вытащивший его с того света буквально, в шок мог бы впасть, прознав, что же удумал его пациент. Но Заки выжил (так перебунтовало его организм горячее сердце) и пробурил первую в Западной Сибири наклонную скважину. Его называли человеком-легендой. Потом наклонки стали здесь массовым явлением, архимедовым рычагом для вскрытия кладовых природы: двадцать скважин можно было пройти с одной буровой, раньше ж на каждую новую опять перетаскивались. И первая наклонка Ахмадишина жила уже только в его памяти. И простывал жестоко он на этой буровой, терял сознание на стальной площадке ее, десять дней лежал пластом в вагончике, но командовал операциями. И вновь окунался в обжигающий легкие морозяку: пройдет в мокрых от раствора валенках по железу – подошву кусками отрывает. По самую носопырку познал Заки, что такое холод по-сибирски., когда тело становится как пластмасса, а снег под ногами, как ртуть, чуть колыхнется.. Бузили у Ахмадишина некоторые его помбуры, когда засасывали на глубине глины колонну труб и выдергивать их приходилось, как из трясины: так, мол, и на макароны не заработаешь, драть надо отсюда. И страстной только верой в успех эксперимента обуздывал панику людей Ахмадишин. Потом у него были наклонки на Самотлоре. Был в его жизни такой день, когда лопались деревья в лесу от мороза и трещал лед на озерах, замерзали на лету вороны и мерзлыми комками падали с неба на землю, а заиндевелые самолеты в Нижневартовском аэропорту были похожи на мороженных рыб. Выдыхаемый воздух шелестел от мороза, когда шел он на Самотлор по зимнику, чтобы забурить там первую, историческую теперь скважину, к которой ездят сейчас министры, молодожены и всякий гостевой люд. На долю Ахмадишина выпало только начало бурения. В память об этой буровой остались у него склянка с нефтью и воспоминание о том, как после суточной почти вахты оттаивал он в заливной растворе обледеневшей спецовке на дизеле, провалившись в сон, и как парила она потом и клубился по-банному пар и ногами, животом и спиной чувствовал Заки, что высыхает, как поднялся он, хлопнул себя по робе и пыль столбом поднялась... И это был не первый сверхмороз, который испытал буровой мастер Ахмадишин в Сибири. И помнятся они всегда ему как звуковые явления.

Один из покорителей Северного полюса, пересекший Ледовитый океан пешком Уолли Херберт отмечал в своих дневниках, как плыла в небе в мире безмолвия при температуре минус 58 градусов полная луна. Было тихо, очень тихо. Каждый вдох вонзался в легкие жесткой полоской стали, и можно было

бы обморозить легкие. При слишком быстром шаге воздух потрескивал, как наэлектризованный. Довелось и мне испытать некогда на изысканиях северного газопровода колкие трески воздуха в замороженной до стона тайге. Но я-то был в движении, как и Уолли Херберт. А буровику не покинуть стальную свою площадку с фермами, брыкающим грязевым насосом и вворачивающейся в недра плетью труб. Сверхморозу буровики могли противопоставить лишь мужество... Благо сердце не подводило моего друга. А сердце – диктатор похлеще Нерона, и ультиматумов оно не приемлет. Готовя книгу о тюменском писателе-самородке Иване Ермакове, наткнулся на такую мининовеллу в одной из его записных книжек: «Человек сказал сердцу:

- Чего это я вечно возиться с тобой буду! И сердце перестало с ним возиться».

Сердце – это еще и солидарность с другими сердцами, и прав Поэт: одинокое сердце назвать сердцем нельзя. Заки поставил целью жизни, чтобы его сердце служило людям, любимой стране.

Ахмадишин с детства мечтал совершить для общества что-то большое, такое открыть, чтобы страна ахнула. В институт пришел Заки – шкет форменный, метр пятьдесят пять ростом, щуплый, в красной рубашонке. И тренировать себя стал, чтобы готовым к подвигу быть, гимнастикой занялся, борьбой. На гвоздях спал, как Рахметов. Мечтал, конечно, быть асом бурения. Жизнь показала, что корчагинский он имел характер. На первую наклонку к Заки ездил мой друг-поэт, с которым мы работали вместе в газете «Тюменский комсомолец», Борис Авсарагов. И стих горячий посвятил он тогда Ахмадишину:

Гремит буровая.
И молча кричит верховой.
И приступом нефти
Томится гортань буровой.
Раскосый философ
В балке замороженном спит...
И видит во сне он
Подземное действо,
И в нем буровик –
Дирижер.
Он молится молча.
Любая молитва – расчет.
Свеча за свечою –
Так дерево
В землю растет.
Балок – не молельня,
И сон ледяной –
Неглубок.

А дизель грохочет,
 Как громopodobный пророк.
 Проснется татарин.
 Он землю распнет сапогом,
 Уставится в землю,
 Как лазером,
 Черным зрачком...

Никого не удивляла на Северах образность и оригинальность мышления Ахмадишина. Многих людей привлекали именно эти его черты. Те же нижевартовцы хорошо знали его любимую притчу: «Дают двум людям по куску золота с лошадиную голову. Один донесет его до мастерской, откует, отчеканит, и пойдет вещь по белому свету радовать людей. А другой, слабый, не осилит ношу, уронит кусок золота, да еще, гляди, ноги себе отдавит. Народная мудрость гласит: счастье к каждому приходит, но не каждый его удержать может».

Мудрого, стареющего Заки Шакировича Ахмадишина все также волнует вопрос о счастье. Мы вышагиваем по желтой глиняной дамбе, оберегающей наши дачи от паводка Туры. Вдали у старых ив светится красным на берегу створный знак. Створ, это ясно же, путь. О пути и мы ведем разговор с Заки, но не о пути судов, а о пути жизни человека.

- Потеря – обретение ценности, - заявляет мой друг. – В инвалиды попал я и во всей глубине ощутил, какое же это счастье заниматься любимой работой.

- Я обезножил и год почти мог только ковылять на десяток-два метров, - вернуть мне пришлось свое. – Завидовать стал всем ходящим. Старушка одна безногая из Ишима с таким же чувством жила и воскликнула однажды, обращаясь к племянницам: «Девчонки, да я бы с вашими ногами земной шар не по разу бы обошла! Вы чего-то бухтите по мелочам разным при вашем счастье».

- Да, Александр Петрович, миллионы ходят на красивых ногах и недовольны жизнью бывают. Имея, не ценим, потерявши, плачем. А теряем мы часто оттого, что шарахаемся из крайности в крайность, хотя есть в жизни золотая, нулевая середина. Мэр Лондона Б. Джонсон на олимпийском мероприятии решил прокатиться на канатной дороге... и завис на середине пути. Чиновника, не потерявшего чувства юмора, сняли с высоты 20 м. А если бы потерял он чувство юмора?.

- Ноль, - спутник мой выкинул вверх указательный палец, - это образ жизни, начало конца и конец начала, нейтральная полоса.

Я потрепал за плечо Ахмадишина.

- Это интересно, но не очень пока понятно.

- Проще простого, - выбурился на меня Заки. – Весь мир пульсирует, все качается и ритмично колеблется. А середина, вокруг которой свершаются эти

движения, и есть нулевая линия. Чем больше амплитуда, тем больше издержки. Чем ближе к середине, тем более оптимальнее состояние индивида. Середина и есть ноль. Даже великое добро, оно оборачивается злом, когда слишком далеко отстоишь от ноля. Дон Кихот сотворил добро – его камнями побили. Так заплатил тот за рыцарскую свою душу. Есть бездонные пропасти человеческого падения и есть бесконечные взлеты духа, но они одинаково опасны, потому что рождают противостояния, конфликты и трагедии, оборачиваются миллионами человеческих жертв. Надо человеку на ноль себя чистить и строить. Возьмем современное потребительское общество на Западе. Россия сейчас этим заражается. Несколько машин модно иметь, на каждого члена семьи, иностранную телеаппаратуру в каждой комнате, виллы на Кипре и в Барселоне. А надо ли это? Знаем мы, что Георгадзе в социалистические времена пописывал массу художественных ценностей. Он грабил, по существу, интеллектуалов, которые создавали эти шедевры. Но накопления Георгадзе далеки от разумных потребностей человека, от гармоничной нейтральной линии. Истинно так, Заки Шакирович! Выступая на Пасху-2012 в сюжете «Вестей», Патриарх Кирилл говорил о бытовании в жизни нашей такой философии: «Если ты раскрепостил свои потребности, ты свободен». Он сказал, по сути, несколько слов, которые сводились к тому, что раскрепощая свои потребности, человек попадает в капкан, в плен, в кабалу. Действительно, человек становится узником собственных потребностей. Как тот же Георгадзе. Ее, конечно, никогда не достичь, она неисчерпаема, как атом, но стремиться жить по «золотому сечению» необходимо. Создания разных искусств и ремесел: одежда и утварь, дома и картины – сколь превосходит все это в многообразии своем простые потребности наши, и в мирской нашей жизни, и в церкви... От души взяли мастера мерил для создания красивых вещей, но не взяли мерил для пользования ими (бл. Августин, «Исповедь»). Я лично «пасусь» теперь около ноля и детям проповедую: «Умеренность – вот норма жизни». Приезжал в Советский Союз один индийский мудрец и развивал такую теорию, демонстрируя себя. На мне, мол, набедренная повязка, накидка – все богатство. Я нищий, но я самый счастливый человек на земле. Пословица шумеров гласит: «У кого много серебра, возможно, и счастлив; У кого много зерна, возможно, доволен; Но крепкий сон у того, у кого нет ничего». Он, конечно же, ближе к нолю, чем мы.

- Ты слышал, Заки, об основателе ордена нищенствующих Франциске Ассизском?

- Даже читал его в изложении.

- Так вот он, принимая решение отказаться от отцовского наследия и посвятить себя религии, заставил товарищей сволочь с него всю одежду, чтобы он мог встретить смерть голым на полу хижины. Спал он всегда на голой земле, памятью о нищете Христовой.

Поэт нас в створе держит:
И кто определит, где середина,
Тот избежит ненужного экстрима.

Не удержаться Автору от лирического всплеска по поводу этого, одного из самых известных и почитаемых в России святых. Христианский религиозный подвижник, философ, поэт, Франциск Ассизский превратил свою жизнь в поэзию. «... Вместо того, чтобы петь хвалы бедности, он предпочел сам раздеться донага и быть бедным; вместо того, чтобы воспевать милосердие, предпочел ухаживать за прокаженными и замерзать от холода, отдав одежду нищему; вместо того, чтобы громко восхищаться цветами и птицами, горами и лесами, предпочел жить среди них и стать для них своим» (М. Стикко). Однако, Ахмадишин:

- Рахметов спал на гвоздях. Но я, Саша, не фанатик.

- Извини меня, Заки Шакирович, может, я в розовых очках воспринимаю мир, но ты в борьбе за идею по моему чувству – славный рыцарь Ланселот наших дней. Такая самоотдача, стремление к полному самоосуществлению на благо Отечества.

- Ты мне льстишь, Александр Петрович.

- А ты скромничаешь. Неистовый Аввакум призывал: «Смело дерзайте, но не на пользу себе!».

Параллелился призыв Аввакума с проповедью царевича Сиддхартхи Гаутамы, который в 29 лет решил на бегство из отцовского дворца и отказался от роскоши и неги. Блюдя крайний аскетизм, он съедал в день лишь одно зернышко проса, и через шесть лет, во время медитации у подножия дерева бодхи на него снизошло просветление, и стали его с той поры именовать «Просветленным» - Буддой. «Отказ от внешнего, - станут потом проповедовать последователи Сиддхартхи, - ведет к богатству внутреннему». Физика чистая: где что убудет, в другом месте прибудет.

- Не знал я этого его призыва, но фактически ему следую.

- Пушкинское, Заки, «Духовной жаждою томим» очень сопрягается с каноном, которому ты следуешь.

- Тут, Александр Петрович я, пожалуй, и соглашусь с тобой. Но продолжу. Я не за такую нолизацию общества, но что потребности нам нужно умерить – факт. Когда в Краснодаре я жил, в пятницу уезжал в деревню, где дом приобрел... Покупаю два подовых хлеба, три литра молока у соседки, отстоится оно, есть у меня и сливки. И этой пищи за глаза на три дня мне хватало, до рабочего понедельника. Я не скопидомничал, нет: зарплата была у меня теми, настоящими деньгами 1,5-2 тысячи рублей. Просто не нуждался я в излишествах. Мыслями богатеть – это другое дело.

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧИ ЛЕТ...

Мы уйдём в никуда и придём ниоткуда.
Через тысячи лет, может, встретим друг друга.
Среди тысячи звёзд, среди млечных путей,
Ты меня будешь звать: «Прилетай поскорей!»

Пыль от звёзд на кольце у Сатурна лежит,
На твоём же кольце лишь слезинка дрожит...
Как бы ни был путь труден и очень далёк,
Ты меня будешь звать, чтоб услышать я мог.

Как мы счастливы были на планете Земля,
Знали раньше мы оба: знала ты, знал и я.
Звёзд мерцанье далёких в ночной тишине,
Милый образ я вижу, но только во сне.

Он мне душу тревожит, за собою зовёт,
И душа за тобою стремится в полёт:
Посредине миров будем в вальсе кружить
И друг друга средь звёзд, бесконечно любить.

На крутых виражах среди звёзд и планет
Мы отыщем друг друга через тысячи лет.
Будем яркими звездами путь с небес освещать
И друг друга любовью среди тьмы согревать.

Чёрный космос нас манит притяженьем планет...
Мы отыщем друг друга через тысячи лет.

Тюменский район

Екатерина
Володина

Светлана
Костенецкая

Наталья
Колесова Шварц

ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА

Морозные кедры растеряны,
Остолбеневаёт тайга:
Кем, душу врачуя, расстелены
Такие большие снега?

Они, словно вечность, – бескрайние,
Слепят белизною невест.
Как песнь колыбельная, тайная,
Баюкает сказочный лес.

Я верю: нам будет спасение
От этих бездонных ночей
Почти в коматозном забвении,
Жду первых апрельских лучей.

Летняя память,
 не преломляясь в лицах,
В полдень, в жару,
 в июле варим варенье.
Перелистнув очередную страницу,
Словно роман – вишнёвое сотворенье.

В сладкие пенки оса погружает лапки,
Смело копаётся в липкой тайне,
И поднимаются вверх кипучие шапки,
Жизнь обретает новое содержание.

Как расточимы подтеки страсти,
 сласти,
Не обжигаться мы зарекались впредь,
Это варенье – воспоминанье счастья,
Им одиночество сможем
 зимой согреть.

Вот он, Север, суровый край.
Судьбы, корни сплотились в земле.
Жизнь свою, свою душу отдай,
Видишь искры в шаманском костре?
В древнем стойбище тишина...
Живы, живы седые преданья.
Вынга пур, Ульт ягун, Торум ма.
Как прекрасны твои названья.
Белый чум в ночной тишине.
Мир, спеленатый в теплые шкуры.
Колыбельная песня слышна —
Той, реликтовой, древней культуры.
Спи, мой сын, сон тебе крепких сил
Даст, чтоб ветры тебя не сломили.
Лютый холод, большие снега,
Твои беды тебя позабыли.
В неге мать, засыпает дитя.
Огонек новой жизни в руках.
Им покой и надежда одна —
Небеса на оленьих рогах.
Держит крепко седой олень,
Дышит теплое мирозданье.
Добрый духом Югра живет,
Укрепляя свое сознание.
Утро, солнце — молочное дно,
Пробуждается новый рассвет.
От заснеженных далей светло —
Будет день на тысячи лет...

Февраль. Интерпретация
 хрупких снежинок,
Полуоттаяв чувства,
 опять устремляются в детство.
В калейдоскопе праздника
 льдистых искринок,

От меланхолии –
 самое верное средство.
 Опыт обратен, с весной
 снега вновь растают,
 Призрачна прелесть мерцанья
 изящных кристаллов.
 От дуновенья с перчатки
 легко слетает,
 Белое чудо!.. И за секунду его не стало.
 Неистошима зима со своею свитой,
 Вьюги, мороз, метели –
 служители злого рока,
 И до озноба с судьбой
 давно уже квиты,
 Каждая из снежинок
 более чем одинока.

Солнечно, сладостно
 у весны в объятьях,
 Сердце и чувства опять
 тяготеют к выси,
 Прошлые годы, эх!..
 Повернуть бы вспять их,
 Вечность и время
 снова приводят к мысли –
 Всё подчиняет в жизни тебе, светило,
 Мудрые притчи и летопись
 страстных романов,
 Всё под твоими лучами, когда то было,
 Было... и будет! Под сенью
 цветущих каштанов.
 Скоропись времени,
 снова двоятся прогнозы,
 Что будет потом...со мной, с тобою?
 Нам не известно,
 но неизбежно точно –
 Чувство предчувствия,
 предвосхищенья весной!

Пройдет первый дождь
 Пробужденной весны,
 Ворча, там, где небо темнее.
 И стигнут за ним блекло-зимние сны,
 И день зазвучит веселее.

Я даже забуду, что рядом не ты,
 Прошло лет пятнадцать – не так ли?
 Пушу свой кораблик
 По лужам весны,
 Попаев под последние капли.

Живу? – плыву против течения,
 Что силы иссекают – вижу.
 Далекий мой берег... Тем не менее
 Люблю и, каюсь, ненавижу.
 Спасет ковчег?
 Но он не нужен...
 Влекума правдой, ровно целью,
 Плыву... И лодка моя служит
 И гробом вам, и колыбелью.

Сосульки с крыш заглядывают
 в окна...
 Звенит в сердечном клапане капель,
 И в воздухе – любовные волокна,
 И ты, родной мой, –
 воплощенный Лель.

Весна! Полет твой на запеве года!
 Долой бездушный Word
 и Яндекс прочь!
 Вот – одухотворяемая природа,
 Мне приворот её не превозмочь.

СВЕТЛАНА КОСТЕНЕЦКАЯ

* * *

Чайка –
Медитативный ритм:
Цветка,
Песка и
Камыша – у ног –
Недвижным
Отраженьем
Опрокинут в
Атласную кайму
Осенней шали...
Сквозь кружевной
Туман, издалика,
Фактуры леса
Сенью задрожали и
– Близ!..
Движеньем
Медленным в
Немом
Полёте –
– Чайка –
Крылом
Заломленным,
В кайму, –
Чертит
Узор
Свой!

* * *

Наша вселенная
Ты видишь!
Пирея,
Пристанью
Длинной,
Навстречу,
Иду к тебе.
В руке моей
Ангел, литой
Из глины,
Сделанный в
Беотийской
Земле.
По белому грунту
– Цвета раскраски
И маленькое
Отверстие
На спине.
Очень легкий он,
А крылышки
Красные и
Красный хитон
На мне.

* * *

Земля
 Земля моя!
 Богом данная:
 Небес и озер –
 Синь;
 Необъятная,
 Обетованная –
 Источник
 Живых
 Сил;
 Ты – в печали мне утешение,
 А в радости –
 Рай:
 России, –
 Украшение –
 Благословенный
 Край!

* * *

Дыхание зимы:
 Погасли дни и
 Травы –
 Гаснут, и
 Старцем
 Мудрым
 Смотрит
 Лес, и
 Кристаллическая
 Влага –
 Летит – с
 Классических,
 Небес.

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА ШВАРЦ

ИНЫЕ ДЕТИ... ИЛИ БЕЙСЯ СЕРДЦЕ, ВСЕМ БЕДАМ НАЗЛО (История из жизни)

Вера и надежда на лучшее – это зачастую то единственное, что порой остается у маленького человека в этом большом, непростом и достаточно суровом мире. Конечно, ничего не стоит разрушить эту веру парой слов и доказательств, разбить вдребезги надежду, но...

Меня удивляло ее поведение. Маша, девочка лет четырех, постоянно без спроса брала мои вещи из тумбочки. Мы лежали с ней в одной палате с диагнозом «пневмония». Эта

худая девочка с печальным и совсем не по годам серьезным взглядом, с тонкими ручками, слегка прихрамывала и была нелюдима. Мы привыкли, что дети – это открытые, солнечные существа, которые привносят в наш мир искреннюю радость, но Маша была иной. В ее серых глазах мелькало что-то отличное, не характерное для детей. Мне хватало терпения объяснять ей, что стоит только спросить меня, и я с удовольствием поделюсь с ней и своими цветны-

ми карандашами и бумагой, и даже красивой книжкой с картинками. Но Маша каждый раз поступала по-своему: втихоря вытаскивала мои вещи из тумбочки. Я обратила внимания, что за все время пока мы были в больнице — никто не пришел ее навестить. Никто. Кроме добродушных медсестер, приносивших ей сладости и женщины, которая явно не была ее родственницей. Я старалась разговаривать ее, рассказывала ей придуманные мною сказки и истории из жизни. Через пару дней, Маша уже стала привыкать ко мне и иногда отвечала на мои вопросы.

Она поведала историю своей непростой жизни... Историю, которая запала мне в душу, тронула до слез, историю, которая повлияла на мое мироощущение (в дальнейшем я тоже порой сталкивалась с такими детьми, судьба, словно специально подбрасывала мне истории тех или иных трагических жизней). Был глубокий вечер, но спать не хотелось. Мы разговаривали друг с другом и тут... внезапно Маша начала рассказывать что-то уж совсем непонятное. «А потом мама закрылась подушкой и кричала, она плакала!», - проговорила Маша задумчиво. «Маш, а почему мама закрылась подушкой? Она защищалась от чего-то?», - постаралась выяснить я. «Слон сказал, что она вернется», - продолжала Маша, словно не слыша моего вопроса. «Слон обещал...». Маша посмотрела в окно, помолчала пару секунд и ответила на мой вопрос: «Мама закрылась

подушкой от папы. Папы взял нож и стал ударять маме в живот», - она говорила это тихо, словно находилась не со мной сейчас в палате, а в другом месте... Меня охватил ступор, такое состояние оцепенения, что я не знала, что ей на это сказать. «Маш... ты это сама все видела?», - только и смогла я тогда выдать из себя. «Да, мама пыталась закрыть меня, спрятать», - ответила девочка. Я пыталась рассмотреть ее лицо, хотя было темно. Ее задумчивые глаза... я помню их до сих пор... Ком подкатил к горлу, и невидимая рука сжимала мое сердце, словно пытаюсь раздавить его, превратив в нечто аморфное и непонятное!

«А ты сейчас, где живешь? Где твой папа?», - спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. «Папу посадили в тюрьму», - проговорила Маша так, словно и не понимала в свои четыре года значения слова «тюрьма». Наверное, она и правда не понимала. «А...мама?», - уже боялась спрашивать я, но все же уточнила. «Они сказали, что мама в больнице. Те люди в белом», - оживилась Маша. «Она вернется, мы скоро с ней увидимся. Она в больнице», - в ее голосе появились нотки надежды, нет, даже не надежды, а твердой убежденности, что так оно и будет. Что добрая, надежная мама всегда возвращается. Ведь так оно и должно по идее быть. Я присела поближе к девочке, стараясь не подавать вида, что беспокоюсь или сомневаюсь в ее словах. «Маш, а сколько твоя мама уже в больнице?», - осведомилась я. «Давно... уже

год...», – Маша снова впала в какое-то состояние то ли оцепенения, то ли глубокой задумчивости. «Как так!! Она ведь даже не знает, что никогда не увидит уже свою маму! Что мама убита. Мама — мертва. Что ее не выпишут из больницы, потому что она уже не в больнице!», – что-то кричало во мне, стремясь сорваться этим криком отчаяния и невыносимой боли с моих губ. Но ведь вера и надежда – это зачастую то единственное, что порой остается у маленького человека в этом непростом и недостаточно суровом мире. Конечно, ничего не стоит разрушить эту веру парой слов и доказательств, но... «Вернется», – сказала я тихо, спустя некоторое время. Девочка скоро поймет, что мамы больше нет. Это будет тяжелым ударом для нее. И, надеюсь, что она с этим справится. Нужно быть сильной. Нужно постараться. Постарайся, Маша, ладно? Пусть твое сердце бьется всем бедам назло. Тихая грусть поселится в ее сердце и, возможно, так и будет иногда отражаться в ее взгляде.

Маша оживилась, встрепенулась, подняла голову и начала взхлеб рассказывать о каком-то Слоне. «Слон говорил мне, что все будет хорошо. Мама меня любит. Я люблю маму и папу», – щebetал ребенок. Из диалога я выяснила, что Слон – это ее любимая мягкая игрушка. Только позже я поняла, почему девочке казалось, что Слон с ней разговаривал. Дети, у них есть такая особенность – наде-

лять свои игрушки своими мыслями и эмоциями. У Маши не оказалось никого рядом в тот момент, кто мог бы сказать ей такие слова. Поддержать ее. Поэтому она придумала, что Слон защищает ее и произносит такие слова. Девочка в красках описывала Слона, его доброту. Девочку отправили в детский дом. А ее привычка вытаскивать из тумбочки втихаря чужие вещи... все сразу стало понятно. В детдоме дети не всегда относятся друг к другу хорошо. «Они не всегда дают со своими игрушками поиграть», – говорила Маша.

Наступило утро и все пошло своим чередом. Дети идут в школу, взрослые торопятся на работу. Рекламные щиты привлекают все новых потребителей к покупке товаров. Зачастую ненужных товаров. Но что же еще нельзя купить? Искренние улыбки. Солнце. Воздух. Детский смех. Люди, олимпиады олимпиадами, концерты, выступления, ваши достижения – да, все это хорошо. Но есть и иные стороны жизни. Радость всегда идет нога в ногу с печалью, счастье со страданием.

Берегите детей, не только своих, но и тех, кого мы порой не понятно, почему называем «чужими». Им и так непросто в этом большом мире. Вы и Ваши дети достойны лучшего. Маша, девочка лет четырех, и такие же ее сверстники...разве они не заслуживают понимая, любви и того, чтобы быть в безопасности?

Абатский район

Ирина
Андреева

ИРИНА АНДРЕЕВА

ЧИРОК

Фамилия у дяди Геры самая обыкновенная, русская – Груздев. Только мало кто называл его по имени и по фамилии, по-за глаза для всех он был Чирок.

Утка чирок – самая маленькая из всех водоплавающих птиц. Людская приметливость очень часто бьёт не в бровь, а в глаз: дядя Гера маленький и щупленький, как эта дикая утка. Необыкновенно подвижный и ловкий. Живые чёрные глаза, чёрные как смоль волосы на маленькой голове его торчат шапочкой-козырьком надо лбом и вихорком на макушке – ни дать ни взять утка чирок.

Немногие птицы обладают способностью стремительного вертикального взлёта и посадки, утка чирок – из числа виртуозов, благодаря узким заострённым крыльям. Эдак же виртуозно Чирок управлял техникой. Работал он в совхозе трактористом, на гусеничном и колёсном тракторах, в зависимости от сезона и производственных нужд.

Совхоз процветал, строился. Красный лес для этих нужд заготавливали по зимнику за восемьсот-тысячу километров, не гнать же трактор в такую даль: не жечь лишнюю солярку, не рвать гусеницы понапрасну. Чирок с эстакады загонял трактор в кузов задом, ставил «на скорость», таким образом застопоривая его движение. Не положена по технике безопасности такая манипуляция с дизелем, тем не менее, это работало, и, слава богу, не случилось ни одного эксцесса. Сам тракторист вольготно размещался в тёплой кабине с водителем.

В тайге мужики сбегались посмотреть, как на спектакль, на приземление Чирка на гусеничном тракторе с кузова тягача в сугроб. Кроме сноровки нужны были смелость и решительность.

Тракторист подгонял трактор к самому краю кузова, дальше надо было суметь так сбалансировать трактор, на такой скорости «прыгнуть», чтобы не лёг он на бок, не перевернулся, не ткнулся носом или не встал «на дыбы», одним словом, «спланировать».

Чирку эта «посадка» всегда удавалась безупречно. Эту же науку он потом и

сыну передал. Как знать, возможно, хорошая реакция и юркость и спасли его однажды от лютой, нелепой смерти.

В тайге дело и было. Работал Чирок на трелёвке леса. Переезжал он на полном ходу на новую делянку. Трактор, известное дело, не танк, всего и сходства-то – стальные гусеницы, а «броня» не крепка – днище слабое, дыры у рычагов.

Крепкая орясина напрочь пробила доньшко, острым концом выскочила, встала дыбом наискосок, упёрлась трактористу чуть ниже кадыка, в самое уязвимое место. Как только муфту тормоза успел выжать?! Выгнулся до предела, вытянулся до дрожи в теле, чтобы удерживать эту муфту. Сидит вжатый в сидение до отказа ни жив, ни мёртв, руки, по причине малых «габаритов», не могут дотянуться до рычага скорости, двигатель заглушить тоже не может, молотит он на полных оборотах.

Как ребятам дать знать о беде?! Отпустить муфту тормоза? Трактор рванёт вперед, кол проткнёт его насквозь. Не помнит, сколько просидел так, с жизненно мысленно прощаясь, потом липким весь покрывся.

Кто-то из ребят-вальщиков обратил внимание: что-то больно долго трактор стоит на холостом ходу. Случилось чего? Бросились, открыли кабину, отключили движок, помогли бедолаге выбраться.

Обратно из тайги трактор загружали в кузов уже со снежной эстакады. Сворачивались работы по заготовке леса ближе к весне. За зиму снежный пологий сугроб нагребали, утрамбовывали надёжный, тут и природа в помощь, оттепель-мороз делали свое дело – снег слёживался, приобретал прочность.

Один недостаток был у Чирка: ходил он круглый год в засаленной от мазута, масла и соляры спецовке, в зависимости от сезона: летом – в чёрном комбинезоне, зимой – в фуфайке и ватных брюках. Глядя на этого тракториста, можно было сделать вывод, что эта профессия самая грязная, чернорабочая. Мужики иногда шутили: «Герка, ты в огне сгоришь, а вот в воде точно не утонешь, тебя масло наверх вытолкнет».

Дело, однако, было в не обиходной жене Чирка. Был он женат на рыхлой, неповоротливой бабе, которая нарожала ему четверых ребятишек, кое-как управлялась по хозяйству, а вот до супруга руки не доходили.

А уж как заболела супруга, и спросу с неё не стало. Ушла безвременно. Остался Чирок один, дети свои семьи имеют, из гнезда улетели. По русскому сердоболию жалеют Чирка люди, мужик-то работающий.

Приняла его вдова Феша, женщина до работы двужильная: в доме порядок, подворье образцовое. Известное дело: русская баба коня на скаку остановит, медведя при случае ухайдакает, из пекла вызволит, но разве плохо иметь в хозяйстве мужские руки? Вот и решила с Чирком сойтись.

Как взялась она за нового мужа, обстирала, обчинила, приодела, стал Чи-

рок пригожий, каким его отродясь деревня не знавала. Опять же в природе чирок-селезень хорош и окрасом, и голосом, не зря народная молва ему такое ласковое прозвание дала.

Дети, а на двоих у них десять человек получилось, прознали про «молодожёнов», в штыки встали.

Фешины: «На кого ты отца променяла?!» «Дак ить, дети мои, ни на кого я его не меняла, верой и правдой всю жизнь при нём прожила. А теперь одна осталась, у вас семьи-дети, опять же разъехались вы все. Кто же мне кружку воды подаст, когда немощь придёт?» – пыталась облагоразумить детей мать.

Отпрыски Чирка от такой непрухи тоже ругать отца взялись. Кто их знает, амбиции взыграли или так, обида какая вспыхнула-всплыла, только гонять его стали от «невесты» как дикого прибившегося к домашней утице селезня. По деревне слухи да толки поползли: видано ли дело, чтобы яйца курицу учили?! Ан не дались «молодые», продолжали жить вместе. Чем дальше, тем дружнее. Вроде и дети смирились.

Пришли лихие девяностые, тяжёлым катком по России прокатились: распался Союз, и совхоз канул, но Чирок успел приватизировать двухосный тракторок-колёсник с прицепом. Для крестьянина в хозяйстве это ведь такое подспорье: дрова, сено заготовить-вывезти. Грузи хоть землю, хоть навоз, мусор, любой строительный материал, вези, подсказывай на кочках, хочешь песенку напевай: «По полям, по полям синий трактор едет к вам».

Лето выдалось засушливое, опять трактор выручил. Раздобыл Чирок небольшую цистерну, установил в кузов, воду в нее заливал из действующей ещё водокачки. Не то ли что мелочь хозяйке в огороде поливал, отдалённое картофельное поле приноровился «орошать». Соседи просить стали о подобной услуге. Не за так, конечно, за копейку небольшую, но при умелом «учёте финансов», она, как известно, рубль бережёт.

Задумала младшая дочь Феши строиться, сколько ей Чирок леса, пиломатериала до соседней деревни перевозил! Сорок пять километров, скажете, не соседняя деревня? Ну, это как сказать. Ему и четыреста нипочём – ездил на колёснике до областного центра, опять же пиломатериал возил, когда сын Фешин строился. Даже четыреста с гаком, за городом дом стоит. Скажете, всё она «одеяло на себя тянет» – своим детям помогает?

Геркина-то родова подалась аж за Волгу на жительство, а Фешины тут, в Сибири, остались.

Опять же посудить, Феша-то не спустя руки сидела. Он отработает, она банькой парной, горячими пирогами встречает, ухоженный да обстиранный мужик ходит.

Вот бы и ладно, удалась жизнь. К старости вместе пришли. Но случилась

беда: Фешу приступ инсульта хватил. Увезли дети в областной центр, в лучшую клинику устроили, «откапали», подняли на ноги, а потом заявили: «Хватит, мать, наломалась на деревенских работах, будешь жить с нами». А Чирку, стало быть, на двери указали: «Убирайся, дом не твой, мы в нём выросли, мы его и продадим!» Сильно сник он, совсем потерялся, жаловался землякам: «За что? Как же я теперь, куда теперь? Знамо дело: пришёл я к ней в дом, да разве мало тут сам рук приложил?!»

Оклемалась Феша, встала на ноги окончательно, вернулась в деревню, слово своё крепкое сказала: «Больше я из родного дому никуда!»

А что же Чирок? Так и живёт при ней, Бог с ними.

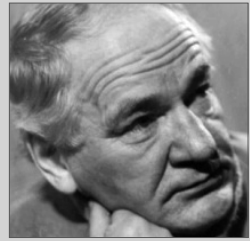
Чирок – малая птица семейства утиных, за миниатюрность в народе она и получила такое ласковое, детское название. А мясо и яйца этой утки деликатесом считаются, стало быть, дорогие. Так ведь и золотник в механизме – мал, да дорог! И дядя Гера не из последних на селе, даром, что век Чирком прозывается.

Заводоуковский район

Владимир
Кушнарёв

Зот
Тоболкин

ВЛАДИМИР КУШНАРЁВ

Идут с севера облака,
К утру выпадет первый снег.
Затаилась земля пока,
И на ней не спит человек.

Верит он, что пролог тепла
Со снежинки начнёт отсчёт,
Что в ладонях его была,
Так и не превратившись в лёд...

ПРО ДОМ

Продали дом –
Запустовавший, старый.
Без всяких споров
Деньги подела,

Легко вздохнули:
Всё на место стало –
Тревоги ночи
И заботы дня.

А он, большой,
Смотря в родные спины,
Уже не слыша
Шедших голоса,

К подслеповатым стёклам
Крышу сдвинул –
Как встарь хозяин –
Кепку на глаза.

БЕЗМЕРНОСТЬ

Зелёный поезд –
Красные огни.
Прогромычал,
Вползая в жёлтый вечер.
А мне оставил тишь.
Она сродни
Отставшей пассажирке
В подвенечном.
Исходит кровью
Редкостный закат,
В когтях у ночи
Расточая силы.
На тёмно-синий,
С бахромою, плат
Упала бисеринка.
Засветилась.
Над головой
Рождается узор
Векам привычный
И...неизъяснимый!
Я жду.
Ловлю упрямо
Чей-то взор –
Такой далёкий
И такой ранимый...
Давным-давно
Пылинкой среди звёзд
Моя планета
Тонет
В чьём-то взгляде:
Там тоже жаждут
Разрешить вопрос
О Тайне Жизни,
Обо Всём Укладе...

В ЗЕНИТЕ

Мерцает бликами река,
 Над Уком – змей бумажный.
 Его заждались облака,
 А он, позёрствует слегка,
 Медлительный и важный.
 Ползёт, зазнайка, в небосвод,
 Карабкаясь к зениту,
 А в глубине прохладных вод
 Речной чешуйчатый народ
 Ему вослед глядит сердито.

НЕВОЗВРАТНОЕ

Мне не встретить
 Тебя никогда –
 Ни на улицах,
 Ни на вокзалах:
 В небе мгlistом
 Сгорела звезда –
 Словно чиркнули
 В Высях кресалом...

ЗОТ ТОБОЛКИН**ЖУРАВЛИ**

Драматическая поэма
 в двух частях с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЮБАВА СОХИНА.
 МАТРЕНА ЕЕ МАТЬ.
 РУШКИН (АЛЕКСАНДР).
 ГАЛИНА ЕГО ЖЕНА.
 ИВАН ЕГО БРАТ.
 ЛИЗАВЕТА СЕСТРА ГАЛИНЫ.
 МИТЯ ДУТЫШ.
 СЕРГЕЙ.
 ХУДОЖНИК.
 ТАНИЮШКА ДОЧЬ АЛЕКСАНДРА РУШКИНА.
 АННА ВАСИЛЬЕВНА.

ПРОЛОГ

У окна, за рабочим столом, - И в а н. Ему лет тридцать. Седина, затаенная
 печаль в глазах и сила, уверенная сила в руках, в лице, в голосе, негромком, как
 бы перетряхивающем всю жизнь.

За окном снег.

И в а н (посмотрев в окно). Под горку зимушка тронулась. Снежок этот -

чистое баловство. Уж воды клекочут, уж прелью запахло... На земле пока грязновато. Весна... А вот погоди: причешет она кудерышки, глаза распахнет - залобуешься... если выберешь такую минуту. Председателю некогда весной любоваться. А иной раз не удержишься, впадешь в лирику. Притворилась простушкой, посконное платьишко надела... Да знаю: махнет одним рукавом - снегу не станет, другим махнет - гуси-лебеди полетят. И журавли, и журавли... (Задумался, опустив голову.)

А с небес подали голоса птицы, прилетевшие из теплых стран.

(Страхивая с себя задумчивость.) Вон они тянут, залетные! Слышишь, гуси летят? Слышишь, гуси летят... Как тогда, как тогда, много весен назад... Не из их ли стаи та отставшая журавлиха? Минувшей осенью нашла ее тетка Матрена у Пустынного озера.

Высвечивается угол комнаты в деревенской избе, здесь живут мать и дочь Сохины. В комнате Л ю б а в а.

Входит М а т р е н а.

М а т р е н а (в руках ее раненая птица). Вот, у Пустынного подобрала. Еле живенька...

Л ю б а в а (ей под тридцать, но возраст угадывается лишь по горечи возле губ, по усталым глазам). Может, отходим?

М а т р е н а. Канет. Эта уж не жилица.

Л ю б а в а. Птаха-то очень добрая. Верная птаха.

М а т р е н а. Верная, да к одиночеству несвычна. (Хлопочет над птицей.) Это бабе любая тоска посильна. Будет гнущься, будет былинкою вянуть, изовет ее всю, иссушит, иссеребрит, исскуластит, а она - судьбе поперек - топчет многотрудную эту землю. Топчет, а тоски-то, а боли-то черпать не перечерпать.

Л ю б а в а. Это ведь только в молодости все розово, все надежно. А если молодость жеребенком-стригуном ускакала? Не дозовешься, не вернешь...

М а т р е н а. А дозваться бы, Любушка! А вернуть бы! Хоть ненадолго вернуть!

Л ю б а в а. И чего ты вдруг запричитала? Терпела же... Ну и терпи. Сама говоришь, бабе любая тоска посильна...

И в а н, М а т р е н а и Л ю б а в а у озера.

И в а н. Три сына, три света погасли в чужой, неприветной земле. Три раза по разу умирала тетка Матрена. Воскресла однажды, встретив на станции до синевы выжатого, ветром качаемого Павла Сохина. Из четверых Сохиных только муж и воротился с фронта. Еще и не оклемался, еще и раны не заживил, а уж впрягся в тяжкие председательские оглобли. Что тяжкие - свидетельствую: на собственной шкуре испытал. Через год прямо на поле прорвался осколок, открылось кровотечение. Умер Павел Сохин, зажав в окровавленном кулаке едва налившийся ржаной колосок. (Вытянув шею, прислушивается.) Сели. На

журавлином болоте сели. Стало быть, задержатся. А что, место умно выбрано. И не нынешней стаей, даже не прошлогодней. Испокон тут садятся. Одни - только передохнуть, а утром, зорю подняв на крыльях, улетают дальше. А эти, верно, надолго. Ишь как по-хозяйски галдят! А та журавлиха не дождалась их прилета.

Ивановы мысли спутав, смолкнул вдруг хор журавлиный, будто устыдился чего-то. И над тихой тишиной, над сиреневым ветром, притаившимся меж бородавчатых бурых кочек, и надо всей землей возник одинокий, печальный стон. Сперва низко и рядом, потом выше и дальше. Все трое увидели вдруг над собой одинокого журавля.

Как усидишь дома, когда больно кому-то? Журавль тревожно и чутко завертел узкою головой, словно верил еще, что найдет что-то, давно потерянное, и трубил, трубил...

Л ю б а в а. Мам, уж не подружку ли он свою ищет? Не нашу ли журавлиху? Не забыл ведь, прилетал сюда из дальних, из заморских стран...

М а т р е н а. И горе свое принес, будто у нас горя мало...

Л ю б а в а. Мало-много - не в том суть, мама. Совсем не в том...

М а т р е н а. Тоскливо мне что-то. Под сердцем сосет. А он еще тоски нагоняет.

Л ю б а в а. Мечется, плачет... Ах, бедняга! Эй, не задень за каланчу!

М а т р е н а. Заденет - песне конец. Ну, чего расстонался? Нету ее, журавушки-то! Нету! В прошлом году сгинула.

Л ю б а в а. Возьми меня, горюн! Полечу... Возьми! Вдвоем веселее.

М а т р е н а (уловив смену ее состояния). Давай-ка поплачем, дочь. Давай поплачем.

Л ю б а в а (качает головой, а слезы текут, текут). Нет, видно, не летать мне журавушкой.

М а т р е н а (гладит ее растрепанные волосы сухой жесткой ладошкой). Зачем, Любава? Земля-то для нас. Вот и ходи по земле.

И в а н. На болоте затишье. Устали птицы после долгого перелета. А этот все еще носится, зовет подружку.

Выстрел. Загомонила, взроптала птичья стая и снялась с облюбованного места.

Матрена и Любава кинулись на звук выстрела. Любава первой подбежала к искалеченной груди перьев. Еще недавно это была красивая, гордая птица. Беспомощно, словно цветок на сломанном стебле, завернута голова. Неестественно выгнуты крылья. Сердце пока колеблется...

Л ю б а в а. Жив еще... бьется сердечко!

М а т р е н а. Глохнет. Вон и глаза потускнели. Сердце не маятник, не раскачайшь.

Л ю б а в а. Не дрогнула рука у кого-то.

Входит М и т я Д у т ы ш. Он с ружьем.

М и т я. Чо сцапала? Не для тебя подстрелил. Перо-то председательше на перину. (Глумливо подмигнув.)

Л ю б а в а (яростно опечатав его по щеке). Нна, нна, погань!

М и т я (кляцнув затвором). Уг-гроблю-ю!

Любава, впадая в неистовство, бьет его справа, слева. М и т я, кинув ружье, убегает. Уходит и М а т р е н а.

И в а н. Это встреча-прощание. Ею закончится наша история...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Застолье. Провожают новобранцев. Вокруг стола в с е д е й с т в у ю щ и е л и ц а. Тосты. Молодежь поет одну за другой веселые песни. И в а н в стороне. Тут он лет на десять моложе.

И в а н. Деревня наша - Чалдонка, колхоз «Заря». Только на моей памяти раз восемь менялись в «Заре» председатели. Сколько раз менялись, столько же раз переносили правление колхоза из Чалдонки в Локтанову, в соседнюю бригаду. И наоборот. Смотря по тому, откуда родом был председатель: отзвуки давнего соперничества деревень, которые ни в чем не желали уступать. Раньше, бывало, ссорились по всякому поводу, увечили друг друга, бороды драли. Теперь присмирели. Времена изменились. Да и молодежи, вспыхивающей как порох, поубавилось. В двух бригадах едва ли полтора десятка парней наберется: миграция. От этой миграции у многих председателей мигрень разыгрывалась. И жить стали лучше, а не держатся люди. Школу кончают - в город. В армию уйдут - не воротятся. Вот и из нашей партии новобранцев вряд ли кто вернется в колхоз. Председателем нынче, девятым по счету, мой брат Александр.

Р у ш к и н (врезаясь в песню). Служите там, себя не роняйте. А срок выйдет - домой. Землю надо пахать. И хлеб выращивать надо.

Г а л и н а. Себе-то пореже наливай.

Р у ш к и н. Это я от расстройства. Кадры безвозвратно теряю.

С е р г е й. Пой, ласточка, пой. Мы уйдем - другим петь будешь...

Р у ш к и н. Бегунок! Весь в отца! Тот тоже где-то на стороне удачу ловит.

М и т я. Удача не блоха: в своем вороте не поймашь. Я вот, примерно сказать, пол-эс-эс-эра изъездил, пока тут корни пустил.

Р у ш к и н. Пустил, а что пользы? Сорняк...

Л и з а в е т а. Переключайтесь! Ребят провожаем.

Г а л и н а. У кого что болит.

С е р г е й (лихо). А я говорю, на Лиговке такие кабаки...

Молодежь подхватывает: «Кабаки...», «Какие кабаки!..»

М а т р е н а. Раньше на проводинах грустное пели. Теперь блажат, ровно на покос едут.

Р у ш к и н. А немногим дальше. Отдежурят три года - и гуляй. Это нашего брата прямо с колес на позиции бросали. Мы с твоим Андрианом еще и винтовки в руках не держали, а попали сразу в пекло.

М и т я. Мне во сне довелось повоевать. А то бы необходимо отличился...

Г а л и н а. Ваня, ты чего там прячешься? Подсаживайся ближе да спой!

М а т р е н а. Петь-то он мастер... Эй вы, глотки драть не устали?

Л з а в е т а. Была бы причина... петь согласны хоть до второго пришествия.

Р у ш к и н. Кабы путное что пели, а то про какую-то Лиговку. Спой, братан, что-нибудь позадумчивей.

И в а н. Не умею я при народе.

Г а л и н а. Застеснялся, до самой маковки покраснел.

Р у ш к и н. Чего краснеть? Другие вон совсем без голоса - рычат по радио и нисколь не тушуются.

М а т р е н а. Пой, пой, Ваня!

Иван смотрит на Любаву. Та шепчется о чем-то с Сергеем.

И в а н (под баян).

«Гуси-лебеди летели и кричали,
Видно, дальнюю почуяли беду.
Только люди ничего не замечали,
Мирно женщины пололи лебеду».

Л ю б а в а (тихо). Как-то неудобно, Сережа. Все здесь, а мы исчезнем.

С е р г е й. Проститься-то надо.

Л ю б а в а. Тогда идем на наше место, к Пустынному.

Л ю б а в а и С е р г е й под шумок исчезают.

И в а н (не заметил их ухода, он весь отдался песне).

«А во ржище ребятишки голосили,
А отцы их возводили новый дом.
Эй вы, люди! Что ж вы, люди? Вся россия,
Вся россия уж охвачена бедой.
Птицы вещие, скажите им, скажите,
Чтоб оставили меж бревен топоры.
Эй вы, милые! Идите же, сушите
Своим суженым в дорогу сухари.
Гуси-лебеди летели в чистом поле,

Протрубив в тот час нам дальнюю беду.
Мы резвились, наши матери пололи,
Наши матери пололи лебеду».
На берегу пустынного озера.

С е р г е й (расстелив пиджак на траве). Травешка проклюнулась. Через неделю посевная начнется.

Л ю б а в а. До чего зеленая - трогать боязно!

С е р г е й. Слезы-то к чему? Хорошо ведь.

Л ю б а в а. Потому и слезы, что хорошо.

С е р г е й. Любушка, заветная моя!

Л ю б а в а. Подснежники, Сереженька... Тут подснежники, не сомни.

С е р г е й. Закрой глаза! Я прошу, закрой!

Л ю б а в а. Милый, милый... единственный!

С е р г е й. У меня такое предчувствие, будто вот-вот все это кончится.

Л ю б а в а. Да как же кончится, если мы сами не захотим? Сроду не кончится, Сережа!

С е р г е й. Три года солдатскую лямку тянуть... три года! За это время всякое может случиться.

Л ю б а в а. Ничего не случится. Я ждать буду. Сколько понадобится, столько подожду.

С е р г е й. А если вдруг?.. Мало ли... Мне верной останешься?

Л ю б а в а. На всю жизнь. Я это умею.

С е р г е й. Люблю тебя! Даже не знаешь, как люблю.

Л ю б а в а. Знаю. Теперь я все на свете знаю. (Поднимается, оправляет платье. Увидав измятые цветы, виновато.) Цветы-то, Серега, подснежники-то... зачем мы их? Все измяли, извозили...

С е р г е й. А, пусть. Нарастут другие.

Л ю б а в а. Другие, да не такие.

С е р г е й. Ну что ты, право! Цветов ей жалко! А меня увозят - не жалко.

Л ю б а в а. Грустно мне, Сережа. Будто обронила что и найти не могу.

С е р г е й. Если меня обронила, вот он я, Любушка. Можешь поднять и поцеловать.

Слышно, как их зовут.

Пойдем.

Л ю б а в а. Давай здесь простимся. При людях не хочу.

С е р г е й. Да ведь не краденое. Через три года поженимся.

Л ю б а в а. Вот через три года и пусть все узнают. А пока... давай здесь.

Снова зовут. Издали под гармошку слышится частушка:

«Милый в армию уехал,
Сам замочек мне купил.
Только ключик от замочка
Взять с собою позабыл».

С е р г е й. Лизавета дробит. Вот кому весело-то! Птаха бездумная.
Л ю б а в а. Это только кажется так. Ты ее просто не знаешь.
С е р г е й. Чего там! Вся на виду.
Л ю б а в а. Пиши каждый день. Ладно?
С е р г е й (кивнув). И ты пиши. Не скоро увидимся.
Л ю б а в а. Постарайся в отпуск приехать.
С е р г е й. Если отпустят. Армия ведь. Там с нашими желаниями не считаются. Ну, помни об этом дне, Люба. Слышь?
Л ю б а в а. Лишь бы ты не забыл. А я не забуду.
Зовут. Поцеловав ее, С е р г е й уходит. Его подхватили приятели. Любава смотрит им вслед.
Подходит И в а н.
И в а н. Ищу тебя везде, а ты прячешься.
Любава молчит.
Расстроена... Серега обидел, что ли?
Л ю б а в а. Никто меня не обидел. Никтошеньки...
И в а н. Ну добро, коли так. (Сжал кулак.) А то я... Все, значит, как надо?
Л ю б а в а. Все, как надо.
И в а н. Что ж ты скрываешься? Если б не узнал издали по платью - уехал бы, не простившись. Как лилия, белеешь... (Увидел, что платье перепачкано и смято.) Эх, Любушка...
Л ю б а в а (резко, замахнувшись на него). Чего ты прилип ко мне? Чего прилип?
И в а н. Лучше б ослепнуть. Или родиться слепым. (Пятится от нее.)
Любава наступает.
Приближается Л и з а в е т а.
Л и з а в е т а. Вот они где воркуют, голубчики! Клюв в клюв! Сладко-то как!
Ах, как сладко!
Иван отпрянул.
Куда ж, думаю, Ванечка запропал? А он тут любовь крутит! Схлестнулись, стало быть, не оробели? Скоро вы! А я там чирикаю, народ потешаю...
И в а н. Молчи, Лиза!
Л и з а в е т а. Не глянется? А Любе ничего, видать, поглянулось. Может, мне в сторонку отойти, Любушка, подружка моя дорогая? Моргни, я отойду. Могу и ладошкой прикрыться. Любитесь, пока я добрая!

И в а н. Лизавета, лучше помолчи!

Л и з а в е т а. Они тут в лошадки играют, а я молчи! Стыдливые какие! Не буду молчать! Кричать буду, чтобы все знали про вас, про бесстыжих!

И в а н (тряхнув ее). Скоро уймешься, сверчок? (Оттолкнул.)

Л и з а в е т а (увлекая его за собой, падает). Би-ить?! Меня бить? За Любку? Ну, бей, бей, собачья душа! Пинай! Топчи! Вот ее, любовь-то мою, как попирают!

И в а н. Отпусти! Вцепилась... словно в добычу.

Гудок паровоза.

Л и з а в е т а. Не беги, не беги, ягодка! Побудь... не со мной, так с Любовой. Вы с ней пара на все сто.

И в а н (освободившись). Из-за тебя к поезду опоздаю. (Уходит.)

Л и з а в е т а. Скажи мне, подружка... скажи: было у вас с Иваном?

Л ю б а в а. Не тронь меня, слышишь? Я и без вас счастливая.

Л и з а в е т а (едко). Еще бы! Вон как тебя осчастливил... Платье-то ввек не отстирать.

У Сохиных. Л ю б а в а перебирает письма. Диктор по радио сообщает о событиях на восточной границе.

На улице И в а н. Он без погон, но в форме. Сидит на лавочке. Одна нога гнется плохо. И потому он с палочкой.

И в а н. А трех лет я не прослужил. Как-то с обхода вернулся, спал. Команда «В ружье!» разбудила. Вскочил, а там уж через границу лезут... Ранили меня. Недавно из госпиталя выписался.

Подходит М и т я, мелкорослый, щуплый мужик, в нелепой шапке.

М и т я. Отдышался, вояка?

И в а н. Почти что.

М и т я. Дай-ка папироску, а то я спички дома оставил. (Закуривает.) Выздоровливай, да шуруй ко мне в помощники.

И в а н. В начальство выбился?

М и т я. Выдвигают. А выдвигать перестанут, я живо председателя свергну.

И в а н. Да ну?

М и т я. Не веришь? А до Александра восьмерых кто сверг? Необходимо я. Речугу на собрании выдам - народ сразу ухо вострит. А я помолчу да еще раз выступлю. Тут уж мнение складывается. Мнение в наше время - все! Потому и угождает мне начальство. Тот же Александр... Тебе, Митрий, нельзя тяжелое подымать, говорит. Мы, говорит, необходимо руководящую должность по твоему уровню подыщем.

И в а н. И подыскали?

М и т я. Спрашиваешь голодного про аппетит... А кто щас на ферме ночным заведующим? То-то. Есть при мне вакансия кочегара... Устраивайся!

И в а н. Я уж как-нибудь на тракторе.

М и т я. Не хочешь в кочевары - иди бригадиром или учетчиком... с пула не сорвешь. У нас все мужики в командном составе. Мало их, мужиков-то, беречь надо.

И в а н. Женщин, по-твоему, беречь не надо?

М и т я. Что их беречь? Сами уберегутся, пилы деревянные. Моя вон семь раз меня пилила... пока к другому не ушла. Тот чудик света при ней не взвидел. Говорят, два раза из петли вытаскивали. А я ничего, здравствую. Служба не пыльная. Днем свободен. Могу на охоту смотреть, могу книжку почитать. Культура!

И в а н. Книжки почитываешь, а газетку вчерашнюю читал?

М и т я. Политинформация не по моей части. Про шпионов - это да! Или еще про инопланетные полеты.

И в а н. Образованный! А что под носом творится - не знаешь. Корма-то опять на ползимы заготовили!

М и т я. Америку открыл! Меня это не прижигает. Даже лучше еще: к весне кон-тин-ген коров поубавится.

И в а н (сердито гасит папироску, закуривает снова). Поустрадавались на теплые места. Женщины хрипок за вас гнут.

М и т я. Всяк за свою должность в ответе. Коров у меня не крадут, телят - тоже. Так что все в полной номенклатуре. Дай-ка еще одну на дорожку! (Берет папироску, закладывает за ухо.)

Но Иван выхватил ее, смял и, стуча палкой, ушел. В избу Сохиных входит М а т р е н а, стонущая, согбенная. Долго и остервенело трет распухшие суставы. Располневшая Любава вытирает слезы.

М а т р е н а (оглядев дочь). Вот она, жисть-то, вертит как! Неласкова она к бабам. Опять письма перечитывала?

Л ю б а в а. Что мне еще осталось?

М а т р е н а. В институт свой когда поедешь?

Л ю б а в а. Не поеду, стыдно мне там.

М а т р е н а. В деревне не стыдно? Больше того, поморгать пришлось! И поделом. Знала, на что решалась. Собирайся давай! Без учения человек хуже крота.

Л ю б а в а. Как я одну-то тебя оставлю?

М а т р е н а. Как раньше оставляла? Сдашь экзамены - и домой. Собирайся! Я грузков достану из погреба. В тягости завсегда тянет на соленое. (Уходит.)

Любава собирает чемодан.

(Возвращается. Чашку держит локтями.) Я тут ма-ахоньких навывбирала. Махонькие-то доле сохраняются. (Морщится от боли, чуть не опрокинула чашку.) У, холера!

Л ю б а в а. Чего ты, мама? Чего морщишься?

М а т р е н а. Лестница эта чертова! Сколь раз заменить хотела... С верхней перекладки в погреб ухнула. Недотеха!

Л ю б а в а. Ушиблась?

М а т р е н а. Ушибчись вроде не ушиблась. А тут вот вроде хрустнуло.

Л ю б а в а. Надо Лизавету позвать! Вдруг сломала...

М а т р е н а. Так уж и сломала. Груздки-то в банку сложи да прикрой получше. И всяким там не раздавай, самой пригодятся. Ну, посиди перед дорожкой!

Л ю б а в а (неловко спохватилась). Я книжку у Лизаветы оставила. Очень нужная книжка.

М а т р е н а. Вечно у тебя не слава богу! Беги живо!

Л ю б а в а уходит. Матрена, укачивая поврежденные руки, чуть слышно стонет, выглядывая в окно.

Вскоре появляются Л ю б а в а и Л и з а в е т а, гибкая, быстрая, как электрическая искра.

Л и з а в е т а. Шла из Локтановой от больного. Дай, думаю, тетушку проведаю. Как-никак на ее руках выросла.

М а т р е н а. Так я и поверила! Поди, на свиданку к кому летала... (Любаве.) Книжку-то взяла у нее?

Л ю б а в а. Позже возьму. Лиза, посмотри, что у мамы с руками?

Л и з а в е т а (ощупывая руки). Оплошала, тетушка? Ай-ай! Похоже, перелом. В больницу надо.

М а т р е н а. Придумала - в больницу! Коров-то я на кого брошу! И дом без присмотра.

Л и з а в е т а. Не заботься. Найдут замену. За домом я пригляжу.

М а т р е н а. На тебя понадейся! Устроишь тут ералаш. Ехать мне, что ли, дочка?

Л ю б а в а. Поезжай. А то будешь тут маяться.

Л и з а в е т а. Не тяни, тетка. Как раз машина едет в район - добрыят.

М а т р е н а. Тогда вместе поедем. Одевайся, Любава!

Л ю б а в а. Я не поеду.

М а т р е н а. Это как - не поедешь?

Л ю б а в а. Вот так - не поеду, и все.

М а т р е н а. Ремня захотела? Не погляжу, что сама без малого мать. Высеку! Ой, ручки-то мои! О-ох, дух задавило!

Л ю б а в а (подмигнув Лизавете). Лиза учебник мой не нашла... Вот найдет - и поеду. Завтра поеду.

М а т р е н а. Ну, гляди. Только до завтрава. Ты, Лизка, хоть тресни - найди ей книжку.

Л и з а в е т а. Найду, найду. Никуда ваша книжка не денется.

Л ю б а в а (поспешно одевает мать). Лечись там, за меня не волнуйся. (Почеловала, вывела на улицу. Возвратившись, оглядела себя в зеркале.) С приездом, Любовь Павловна. (Достала письмо Сергея, читает, не глядя в листок.) Я думал, любовь - одна только радость. А вот люблю - и грустно. Пройдет еще много-много дней до того часа, когда мы свидимся и тоска наконец утихнет. Ведь так просто: приехать и увидеться. Но мы не вольны. Мы только ниточки в громадном и сложном клубке мира. И что бы мы ни хотели, что бы ни думали - все будет так, как предусмотрено логикой клубка. Я только хочу верить, что предусмотрено все разумно и справедливо. И ничто не мешает нашему счастью. А ты веришь, родная?..» (Заплакала.)

В дверь без стука просунулся Р у ш к и н, щекастый, улыбочивый.

Р у ш к и н. Здорово ли живешь, Любава?

Л ю б а в а. Вашими молитвами. Проходите, Александр Семенович. (Собрала письма, спрятала.)

Р у ш к и н. Газетки почитываешь? (Достал папиросу, нерешительно замялся.)

Л ю б а в а. Курите.

Р у ш к и н. Так вот я и говорю... в свете последних событий... Коров доить некому. Тетку, слышал, в район увезли. Одна доярка в декрет ушла. Две в город увистели. Аховая создалась ситуация! Ты, Любава, девка образованная, на зоотехника учишься... советуй. Как выкарабкаться из нее?

Л ю б а в а. Ума не приложу.

Р у ш к и н. Стало быть, один я должен прикладывать.

Л ю б а в а. Прикладывать или прикладываться?

Р у ш к и н (словно не понял). А?

Ответа нет.

В институт когда поедешь?

Л ю б а в а. До весны отложила.

Р у ш к и н. Да ну?! Вот удача! Может, заменишь ненадолго Матрену? В конторе-то обойдутся без тебя. Счетовода легче найти. А доярки у нас ценятся выше, чем балерины. Нету их в колхозе. Нету, так в кузнице не выкуешь. И на базаре не купить. А кадры, как известно, решают все.

Л ю б а в а. Что ж, придется идти в доярки. Раз они выше, чем балерины.

Р у ш к и н. Выше, Любушка, много выше! Те только и умеют ногами дрыгать. А эти - кормилицы наши! Выручай, а то ведь я задымлю с горя.

Л ю б а в а. Сейчас-то по какому поводу выпил?

Р у ш к и н. Сын у меня родился! На пять килограммов боровок! Пахарь будущий! Уж его-то я не пущу в город! Я его землю пахать заставлю!

Л ю б а в а. Значит, вашего полку прибыло?

Р у ш к и н. Полк не полк, а пол-отделения наберется. Пять солдатиков да две девки!

Л ю б а в а. Поздравляю. Надо бы что-нибудь подарить новорожденному.

Р у ш к и н. Ты уж подарила... выручила - вот и спасибо. (Собирается уходить.) Да, я вот еще что хотел спросить... не сердчай за любопытство. С братом моим ты что сотворила? Спать разучился... отаптывает по ночам твои завалины.

Л ю б а в а. Пускай возьмет сонных порошков у Лизаветы.

Р у ш к и н (невесело). Шутишь? Х-ха-ха. А ему не до шуток.

Л ю б а в а. И мне не очень весело, Александр Семенович. Душа кровью исходит, а я молчу.

Р у ш к и н. Моя бы Галина так помалкивала... Чуть чего - зубы показывает.

Л ю б а в а. Поменьше за воротник заливай.

Р у ш к и н. Не пил бы... жизнь вынуждает. Вон он, колхоз-то, весь разохся. А я как-никак председатель. Стало быть, больше всех в том повинен. Ну, Люба, не подведи виноватого.

Л ю б а в а. Придется выручать... в свете последних событий. (Надев на себя материнский халат, уходит.)

2

Прошли дни.

Л ю б а в а, еще более располневшая, кормит М а т р е н у поздним ужином. Переступает осторожно, хранясь.

М а т р е н а. Училась - не доучилась. Как я же, темной останешься. Для того ли гнулась я на тебя?

Л ю б а в а. Шаньги-то стыннут, мама. Холодные шаньги вовсе и не шаньги. Кушай на здоровье!

М а т р е н а. Чего ты меня наталкиваешь? Дите я, что ли? Сказывай, как жила без меня.

Л ю б а в а. Жила не хуже людей.

М а т р е н а. Материна работушка по душе?

Л ю б а в а. Хочешь верь, хочешь нет, а мне нравится.

М а т р е н а. Ехала бы ты в свой институт. Поди, не поздно еще?

Л ю б а в а. Теперь уж до весны не поеду. Я так и декану написала. Весной сдам за оба семестра.

М а т р е н а. Что за девка, что за самовольница! Вон чего выкомаривает. Иди-ка сюда, я тебя за патлы твои оттаскаю! (Погладила дочерины волосы, иссеребрянную головою уткнулась в набухающую грудь ее.)

Л ю б а в а (теперь она гладит мать по голове). Мам, а помнишь, как ты мне в детстве красных петушков приносила?

М а т р е н а. Нашла о чем поминать!

Л ю б а в а. Гостинцы-то дорогие были, мама. Не за деньги дорогие! (Стелет постель.)

Г о л о с И в а н а. Верно, Любушка, верно! Бывало, нагрузит мать телегу картошкой и тащит на себе верст за двадцать. Тащит да покряхтывает. Ни грязь ей, ни лужки с протоками - не препятствие. Довольна: сумела уломать бригадира - отпустил на базар. Старается не замечать, что ссохшиеся бродни растерли до крови ноги, что вспух и горит багровый рубец от заплечного ремня, что резкая боль в затылке... Тащит мать, а дороге конца не видно. Терпение женщины длинней самой длинной дороги. (Пауза.) После воротится домой, перешагнет порог, руку из-за спины - и явит Любаве диво невиданное: сладкого петуха на палочке. Ах, как чудно блеснет петух холеным гладким крылом своим! Как повернется на единственной ножке... но не вскрикнет. Зато вскрикнет Любава от счастья и, трепетно приняв его, ткнется пенною головенкой в гудящие материны ладошки. (Пауза.) Ах, петухи, петухи, гордцы леденцовые! Добрая, светлая душа вас придумала! Сколько душ детских обласкано вами! Сколько глазенок ясных светилось вот так же радостно и зоревато! Петя, петушок, непростой гребешок! Махонькое сладкое чудо нашего нелегкого детства!

Любава стелет постель: себе на голбце, матери - на кровати.

Л ю б а в а. Ложись, мама. Небось отвыкла от домашней постели?

М а т р е н а. Маленько с богом поговорю. (Становится перед иконой Троеручицы.)

Л ю б а в а. С войны не молилась. Что вдруг к богу потянуло? Нету его, мама. Все это выдумки.

М а т р е н а. А может, и есть, Любушка! Может, он властен над людьми. Или уж помер навсегда в человеке и впредь не воскреснет?

Л ю б а в а. А хоть и так, какая в нем польза? Мы много теряли, мама. Потерять то, чего никогда не было, не жалко.

М а т р е н а. Помолюсь. Меня не убудет. (Молится, но очень неловко. Огрубевшие пальцы никак не складываются в крест.)

Любава ложится.

(Отговорив путаную свою молитву, замирает. Пальцы прижаты у лба. Медленно поднимается с колен.) Спишь?

Любава не отвечает.

На цыпочках крадется к ее постели, благословляет и останавливается подле портретов мужа и сыновей. Свет выхватывает теперь только лица: уплаканное Любавино, скорбное - матери и лица на снимках.

Из черной тарелки радио - жирное меццо: «У любви, как у пташки, крылья...» Радио вдруг захлебнулось, захрипело. Матрена выключила его.

На улице всхлипнул баян, слышится песня. Голос Ивана: «Гуси-лебеди летели и кричали...»

М а т р е н а (подойдя к окну). Дурашка ты! Чего гоняешься за ней? Ведь ей родить скоро... (Выключает свет.)

3

На ферме.

Л ю б а в а моет после дойки руки. Тут же М и т я.

М и т я. Бабы сопляков своих так не обихаживают, как ты коровенок. Да хоть бы коровы-то путные, а то все ребра на виду.

Л ю б а в а. Когда-то и они были путными. А если руки приложить - будут еще.

М и т я. Фан-та-зии! Но вообще-то старайся. Хозяйка из тебя необходимо дельная выйдет.

Л ю б а в а. Шел бы ты в конюховку, картежники тебя заждались.

М и т я. Двину. Я везде поспевать должен: народ веселю. Где я, туда все сбегаются. Слышь, Любава, а что, если мне в артисты податься? Им, говорят, большие тыщи платят?

Л ю б а в а (оглядев его). Забракуют тебя.

М и т я. Рылом, что ли, не вышел?

Л ю б а в а. Рыло тут ни при чем. Артисты тоже некрасивые бывают. Вся загвоздка в шапке. Увидят - враз забракуют.

М и т я. В шапке, значит? Ну, шапку можно и сменить. Правда, ум в ней большой заложен. Сам-то я придурок. А шапка умная. Она все решения за меня принимает.

Л ю б а в а. То ли ты напускаешь на себя, то ли в самом деле немножко... того?

М и т я. Любопытно? Что ж, займись моим инте... ин-тел... интервьюером.

Л ю б а в а. Мудреный ты человек. Иной раз такое загнешь - диву даешься.

М и т я. Во всей этой диалектике бабы виноваты. Сама посуди: ребяенок еще во чреве, а уж ему вся женская вздорность с кровью передается. Мужики тут непричинные. Они вроде поливальщиков. Ежели куролесим порой, ежели на дыбки становимся - бабью породу вина во всем в этом.

Л ю б а в а. Говоришь ты много... И часто глупости говоришь.

М и т я. От скуки, Любава. Атмосфера вокруг такая скучная. Мне бы на войну, хоть паршивенькую. Там бы я себя показал! Ведь я первостатейный стрелок! Белке в глаз попадаю.

Л ю б а в а. Болтун ты первостатейный! Болтаешь чепуху, а в глазах - тоска желтая.

М и т я (благодарно). Пожалела?.. Ну... не забуду. Сонька-то бросила меня. Как сыч живу, щели на потолке считаю... (Уходит.)

Г а л и н а пришла. Она уплакана.

Л ю б а в а. Ты чего, Галя? Что случилось?

Г а л и н а. Опять загуля-ял... неделю не просыхает.

Л ю б а в а. Это пройдет, пройде-ет! Он у тебя добрый, честный. И любит. Сама слыхала, как он говорил: я-де во всем белом свете одну-единственную женщину уважаю.

Г а л и н а (перестав всхлипывать). Уважает, а сам ударил вечер.

Л ю б а в а. Спьяна, что ли? Поди, пьяного пилила?

Г а л и н а. Был грех. По косточкам все достоинства разобрала.

Л ю б а в а. Пьяного-то какой прок воспитывать? Ты трезвого жучь.

Г а л и н а. Он ни трезвый, ни пьяный не понимает. Одно на уме.

Л ю б а в а. Войди в его положение, Галя: колхоз на плечах. Целый колхоз! У тебя семеро ребятишек - и то жалуешься.

Г а л и н а. Правда, Любушка, твоя правда! Так-то он сроду не буянил. Выпьет - хоть лен из него мни. А вечер пришел после правления расстроенный. Да я накинулась...

Л ю б а в а. Ты лучше поддержи его лишний раз. Ссориться-то не хитро.

Г а л и н а. Язык - комар. Ты-то, Любушка, где всему этому научилась? Все разумно у тебя, все к месту.

Л ю б а в а. Где, как не у матери? Она сроду отца худым словом не попрекнула. Потому и жили душа в душу. А уж мама за себя постоять умеет.

Появился Р у ш к и н. За ним, тузя его по спине, семенит Л и з а в е т а.

Л и з а в е т а. Опять надрызгался, христовый!

Р у ш к и н. Пьют и звери и скоты. Мне по должности положено. Должность такая каторжная! Вчера опять четверо заявления об уходе подали.

Л и з а в е т а. Еще десятеро подадут: вот гулянок-то будет!

Р у ш к и н. Тогда кину все к чертям собачьим... в свете последних событий!

Л и з а в е т а. Не кинешь. Ты человек несвободный. А Гальку не тронь. Затуркал ее всю, разогнуться не даешь.

Г а л и н а. В своей семье обойдемся без указчиков! Вышли из возраста.

Р у ш к и н (удивленно). Гляди ты, жена-то у меня... Галина-то... по-государственному мыслит?! Эй ты, пичуга! Учись у старшей сестры!

Л и з а в е т а. Детей плодить да от мужа колотушки получать? Это не про меня.

Р у ш к и н. Без детей, без мужа хошь жизнь прожить? На корню засохнешь.

Л и з а в е т а. Зато сама себе госпожа. И ребра никто не считает.

Р у ш к и н. Вон вы как повернули! Я ее раз в жизни толкнул... и казнюсь, казнюсь, Галя! Хошь, на колени перед тобой стану? (Стал.) А ты наплюй мне в глаза. Наплюй, милка!

Л и з а в е т а. Кабы в твои щелки можно было попасть! Не глаза ведь - намек только.

Г а л и н а. Помолчи. Не тебе нас судить. Помолчи.

Р у ш к и н. Лапушка! Ла-апушка.

Л и з а в е т а. Трудно ей тут, Александр Семенович! Все-таки семеро на шее. Ты восьмой.

Л и з а в е т а. Те хоть сосут - и ничего больше, а этот еще и брюхатит.

Р у ш к и н. Лизка! Ты меня доведешь!

Л и з а в е т а. Вымотали ее ребятишки. Неужели не можешь определить, где полегче?

Р у ш к и н. И определяю! Ей-боженьки, определяю, ежели такая думка появилась!

Г а л и н а. Да что вы заладили? Мне и здесь не пыльно.

Р у ш к и н. Ну, гляди ты! Золото баба, чистое золото!

Л и з а в е т а. С тобой и золото помедует.

Р у ш к и н. Ух и варначка ты, Лизка! Изварначилась со своими клизмами! Бери с Галины пример. Может, человеком станешь.

Л и з а в е т а. Какой я ни есть худой человек, а водку по утрам не хлещу. Где опять насосался?

Р у ш к и н. Пуртова провожал. В леспромхоз наладился Пуртов.

Л и з а в е т а. Скатертью дорога.

Р у ш к и н. Скатертью?! Да он лучший мой тракторист! Ежели все лучшие побегут, с кем останусь? Тебя на трактор не посадишь.

Л и з а в е т а. Митю вон посади. Ходит, углы огибают.

Затемнение.

Г о л о с И в а н а. Так вот нешумно живет обезлюдевшая моя деревенька. Текут будни день за днем. Порою праздники случаются. В первую зиму мою после армии собрались мы у брата. Лизавета пригласила сюда тетку Матрену и Любаву.

В комнате Рушкиных. У стола хлопочет Г а л и н а. Тут же тихонько прикладывается к рюмочке сам х о з я и н, делая вид, что помогает жене. Здесь Л и з а в е т а и гости, М а т р е н а и Л ю б а в а.

Л и з а в е т а. Ну вот, гостей привела. Явились, идти не хотели.

М а т р е н а. До гостей нам... девка (взглянув на дочь) последние дни дохаживает.

Л и з а в е т а. Самое то. На глазах у нас будет. Хуже, если загуляем - она там одна, возьмет и распростается.

М а т р е н а. Гуляйте. Сама догляжу.

Л и з а в е т а. Не упрямясь, тетка! Будешь упрямитесь - живо укол воткну!

М а т р е н а. За какие грехи? Я не хворая.

Л и з а в е т а. А вот поставлю - и не пикнешь. Я фельдшер и шприц всегда при себе имею. Вот он, чик иголочкой - и не поморщусь.

М а т р е н а. С тебя станется. Всю задницу исколола - сесть не могу.

И в а н, войдя, теряется, не зная, чем занять свои руки. То трет родимое пятно у переносья, то гнет в руках вилку. Сел.

Р у ш к и н. Шарахни, брат, для смелости! Не робей, шарахни! (Налил, поднес и себя не обидел.) Повторим?

Г а л и н а. Но-но! Присоседился!

Р у ш к и н. Не прерывай, Галя! Стих нашел.

Г а л и н а. Ты уж давным-давно все лимиты выбрал. Поставь!

Р у ш к и н. Уравняли вас... на свою голову! Теперь гнетете мужскую половину.

Л и з а в е т а. Начались дебаты! Гляди, Ванечка, и на ус мотай. Вот она, жизнь семейная!

И в а н. Мотаю, потому и в холостяках.

Л и з а в е т а. А если все же надумаешь жениться - бери меня. Донимать не стану. Будешь играть мне, я петь да плясать. Развеселая получится семейка!

М а т р е н а. Братьям-то можно ли на сестрах жениться?

Л и з а в е т а. Мы люди без предрассудков. Мы на это глядим сквозь пальцы. Правда, Ваня?

Р у ш к и н. Была правда у Петра да у Павла. Петра хватило до третьих петухов...

Г а л и н а. Не задевайте парня. Он и без вас докрасна раскалился. Усаживайтесь да начнем.

Р у ш к и н. Золотые слова. Вовремя сказаны.

Г а л и н а. А ты, муженек, первую пропусти.

Р у ш к и н. Это почему же такое вопиющее неравенство?

Г а л и н а. Пропусти - сохранишься дольше.

Л и з а в е т а. Не скажи. Проспиртованные-то дольше живут. У нас в училище все наглядные пособия в спирту. Как живые гляделись.

Р у ш к и н. Очень даже правильные мысли.

Г а л и н а. Не нарушай порядок. Большинство голосов решили: не пьешь первую. Ну, за старый год, что ли? Скончался он, и - пухом ему земля!

Пьют.

Г а л и н а. Сыграй нам, Ваня! Лизка, подай баян!

И в а н (не сразу).

«Упали бомбы в синеву,
На доброту упали нашу,
На неизмятую траву,
На недосеянную пашню.
Сибирь была синя-синя,
И радости, и хлеба вдоволь...
Что ж нынче плачут у плетня,

Заламывая руки, вдовы?
Страну, где небо всех добрей,
Сплошь затянуло черным дымом.
На волос русских матерей
Упали первые седины...»

Р у ш к и н (хриплым шепотом). Вот так, значит... в свете последних событий.
(Стакан в его руке крупнул.)

Всхлипнула Галина, заморгала Матрена, невесело задумалась Любава.

Л и з а в е т а (тихо). Ты руку порезал.

Р у ш к и н (не слыша ее). Родня ведь мы... все люди - родня. На одной планете живем... А что она такое - жизнь? В чем ее главная сердцевина? Ты погоди, братан, ты скажи мне: в чем загадка жизни? И человеку какого неба надо еще, ежели синее над головой плохое?

М а т р е н а. И под синим небом горе черное. Черное и - другого цвета ему не придумали.

И в а н. Я не мастер загадки отгадывать. Знаю одно: жить надо. Надо стать в этой жизни чуточку лучше, чем ты есть. Вот и все. Это ведь каждому по силам.

Л и з а в е т а (смеется). Взять и стать - чего проще?

Г а л и н а. Смеешься, а смеху-то нет.

Р у ш к и н. Иван правильно толкует: все лучшее человек может. Ведь смог же он из обезьяны, из образины волосатой... превратиться в себя теперешнего! Смог! Значит, и еще многое сможет.

Л и з а в е т а. Сможет, сможет... снова в обезьяну превратиться. Да иные и превратились почти... только что волосу поменьше.

Р у ш к и н. Это смотря у кого. У тебя, к примеру, волосу в избытке.

Л и з а в е т а. Вашему брату это нравится... В субботу из области ехала... один студент привязался... до самой Чалдонки провожал.

Г а л и н а. Бездумно живешь, сестра, безоглядно! Влюбилась бы хоть в кого, что ли.

Л и з а в е т а. Да уж в Ваню влюбилась. Так он сторонится меня, ровно жулик милиционера. (Встряхнув головой.) Видно, придется жить без любви. Проще так.

Р у ш к и н. Н-ну, врешь! Вон Любава...

Стон. Любава, до боли закусившая губы, качается из стороны в сторону. Все всполошились, увидев ее перекошенное лицо.

Л и з а в е т а. Любушка! Бедная ты моя! А мы сидим тут, лясы точим...

Л ю б а в а. Домой хочу... проводите меня домой.

Г а л и н а. Здесь-то чем хуже? Если началось - оставайся здесь. (Мужчинам.) Уходите отсюда. Шевелитесь!..

Л ю б а в а. Д-домой...

Л и з а в е т а (Рушкину). Эй, губернатор! Тачка твоя на ходу?

Р у ш к и н. Щас... щас... заведу. (Уходит.)

Женщины одевают Л ю б а в у, выводят. Иван потерянно ходит вокруг стола; с плеча свешиваясь, волочится баян.

Р у ш к и н (входя). Перепугался, братан? Привыкай. Я вот привык. Что ни год, то и наследник. Как опята плодятся.

И в а н. Человек же... ребенок! А ты его опенком.

Р у ш к и н. Опенок - гриб очень даже замечательный. Особенно для закуски. (Выпил, подцепив гриб, закусил.) Ты не дрейфь, братан. Наши бабы рожать умеют...

И в а н. Странно как-то: не было человека - и вдруг появился. Будет расти, лепетать...

Р у ш к и н (бережно). Отвыкал бы ты, Ваня, помаленьку. Маешься, а у ней другой на сердце. Переломи себя! Весь исхудал, поблек...

И в а н. Я не тростинка прошлогодня, Саша: захотел - переломил. Человек я. А человек, он привязчив. Он сам себя жилами к судьбе привязывает.

Р у ш к и н. Судьба-то... на другого рассчитана.

И в а н. Ты про Серегу? Не выйдет у них с Сергеем. Нашел он себе подружку. В Чалдонку уж не вернется. Я письмо получил.

Р у ш к и н. Не вернется, значит? Ну, этим меня не удивишь. Все они летуны, все без корня... У них и фамиль-то к месту: Иноземцевы.

Диктор поздравил с Новым годом. Зашипев, пробили часы. Стремительно бегает Л и з а в е т а.

Л и з а в е т а. Сын! Голосистый такой парень! Тетка сама на руки приняла.

Р у ш к и н. Что ж, дернем за парня... в свете последних событий.

Выпили.

Сомлел. Пойду вздремну. (Уходит.)

Л и з а в е т а. Любишь ее? А ведь я во сто крат лучше. (Подбоченясь, прошла перед Иваном.) Гляди!

И в а н. Пусть на тебя студент глядит. Или другой кто.

Л и з а в е т а. Врала я тебе, Ваня! Все врала! Никакого студента не было! Позлить хотела.

И в а н. Злишь, а во мне зла нет к тебе. И других чувств тоже.

Л и з а в е т а. Я, Ваня, жить без тебя не могу. Заболела тобой... смертно.

И в а н. Выздоровеешь. Это кровь бродит по молодости.

Л и з а в е т а. А если неизлечимо... заболела?

И в а н. От любви только в книжках умирают. В жизни клин клином вышибают. Клиньев вокруг много. Выбирай любой.

Л и з а в е т а. Может, и правда, советом твоим воспользоваться? Вдруг полегчает?

И в а н. Не теряйся. Время быстро бежит: не успеешь оглянуться - тридцать стукнет, потом сорок. И бабьей жизни конец!..

В избе Матрены.

Л ю б а в а качает зыбку. В комнату входит М и т я. Он нарядился, приобрел новую шапку. Выставив пол-литра на стол, сел в переднем углу.

М и т я. Я за тобой, Любава.

Л ю б а в а. За мно-ой?!

М и т я. Оно. Сватать пришел.

Л ю б а в а. Ты, должно быть, воротами спяна ошибся.

М и т я. Тут ведь Любава Сохина живет? Тут вроде. Стало быть, попал по адресу. А цель моя такая: жениться хочу.

Л ю б а в а. Но я не хочу замуж. И кроме того... дала слово Сергею... Останусь до конца ему верной.

М и т я. Серге-то? Вот нужда! Он живет себе, в ус не дует, а тебе надо парнишку растить.

Л ю б а в а. Как-нибудь выращу, не переживай.

М и т я. Намек-то, кажись, не в мою пользу? А?

Л ю б а в а. Это не намек.

М и т я. Значит, прямой отказ? Необходимо отказ. Дела-а... А ведь ты меня обнадежила, Любава.

Л ю б а в а. Чем? Я будто ничего не обещала.

М и т я. Тем, что пожалела меня.

Л ю б а в а. Я и сейчас тебя жалею. Глупо живешь, не по-людски.

М и т я. Вот и направь меня... по пути истинному.

Л ю б а в а. Поищи себе... другую регулировщицу.

М и т я. Насмехаешься? Вот все насмеваются. Оно, конечно, с виду я неказист, умом особо не выделяюсь. Но душа-то во мне человечья, Любава! Душа другую душу ищет! Я ведь не пустышка, поверь! А что ряжусь под дурачка... так ты правильно угадала: с тоски ряжусь.

Л ю б а в а. Ты умный, Митя. И тоска твоя мне понятна. Но со сватовством ничего не выйдет.

М и т я. Не верю я, что Серегу любишь. Наверно, Ваньку Рушкина, а?

Л ю б а в а. Не все ли равно, кого? Не тебя, главное. На том и кончим.

М и т я. А если я его с пути уберу? Мне это проще, чем муху раздавить.

Л ю б а в а. И чего ты этим достигнешь? Я-то все равно за тебя не пойду.

М и т я. Зато и ему не достанешься.

Л ю б а в а. Надень шапку-то! И... дверь закрой с той стороны.

М и т я. Погоди, Любава, не горячись. Я без ума это сморозил. Никого не трону, клянусь! Только скажи: надеяться можно? Могу десять лет ждать, могу двадцать.

Л ю б а в а. Не надейся. Так будет лучше.

М и т я. Это последнее твое слово?

Л ю б а в а. Самое распоследнее.

Митя подошел, стиснул ее руки. Любава смотрит на него молча, не двигается. Руки его сами собой расцепились.

(С ненавистью.) Прошло? Теперь двигай отсюда. И больше никогда не смей заходить.

Входит Л и з а в е т а.

Л и з а в е т а (оценив обстановку). Тут никак сватовство? Совет вам да любовь.

М и т я. Заткнись, мымра!

Л ю б а в а. Нету здесь любви, и совета не будет.

Л и з а в е т а. А чем плох жених? Все при нем, и должность подходящая - ночной заведующий.

Л ю б а в а. Довольно зубы-то мыть!

Л и з а в е т а. А ты поразмысли, Любка! Не век молодой будешь! Молодость наша как дым: раз - и улетела! Мне человек один... недавно напомнил об этом.

Л ю б а в а. А я и сама помню. Только это ничего не меняет.

М и т я. Любава - девка вострая! Тебе тропинку перебежала.

Л и з а в е т а. На Ваню глаз положила? Ваню я тебе не отдам. Так и знай, Любушка.

Л ю б а в а. А мне и не надо его. Никого не надо.

М и т я. Знаю я вашу женскую породу! Вся порода с двойным доньшком! Знаю! (Шагнул к двери.)

Л и з а в е т а. Ты не горюй, Митя!

Митя остановился.

На твой век девок хватит. Тебе ведь пятидесяти еще нет? Возраст самый жениховский.

М и т я уходит.

Л ю б а в а (смеется). Не выгорело, сватьяшка? Напрасно старалась. Ведь я понимаю, из-за чего ты старалась. Ступай-ка отсюда. Мне Володьку усыпить надо.

Л и з а в е т а сердито фыркнула, уходит.

(Распечатав бутылку, плеснула в стакан.) Выпить, что ли, по этому поводу?

Входит Т а н ю ш к а.

Т а н ю ш к а. Водку пьешь, тетя Люба?

Л ю б а в а. Ага, пью. Вот надрызгаюсь и начну хулиганить.

Т а н ю ш к а. И Володька начнет. Мамка говорит, ребятишечкам хмель с молоком передается.

Л ю б а в а. Не знаю, Таня. Наверно, так оно и есть.

Т а н ю ш к а. Раз Володька пьет... вместе с тобой, то ему и закусить надо. Папка всегда закусывает.

Л ю б а в а. Он закусил уже... молочком. Он хорошо у меня закусил.

Т а н ю ш к а. Покачать его можно?

Л ю б а в а. Покачай, Танюша. Покачай, детка. (Убирая со стола, неловко опрокинула чашку с огурцами, бутылку.) Ф-фу, неповоротливая какая!

Т а н ю ш к а. А я вот верткая! Смотри, тетя Люба! (Покрутилась на одной ножке, затем стала подбирать огурцы, бормоча.) На полу валяется соленый огурец. И никто его не ест.

Л ю б а в а. Стихи?

Т а н ю ш к а. Ага, я девушка умная.

Л ю б а в а. Ой, совсем заговорила! Ведь мне на ферму бежать надо.

Т а н ю ш к а. Он ротик разевает. Голодный, поди?

Л ю б а в а. Я только что его накормила.

Т а н ю ш к а. Голодный, вижу.

Л ю б а в а. Потерпит. Побудь с ним часок, ладно? Я только на ферму схожу.

Т а н ю ш к а. Побуду. Я девушка послушная.

Л ю б а в а. Вот и умница. Я тебе после конфет куплю шоколадных.

Т а н ю ш к а. За конфеты-то я целый день могу посидеть.

Л ю б а в а уходит.

Затемнение.

Г о л о с И в а н а. Кочегара в тот день подменял Митя. Расстроившись после неудачного сватовства, он запил. Котлы выстыли, и у многих молочных телят отнялись ноги.

М и т я и М а т р е н а у входа на ферму.

М и т я (под глазом у него синяк. Отступая, огрызается). Ну и выпил. Ну и что? Такая, значит, комбинация. Имею полное право.

М а т р е н а. Право? Телята падают - это право? Ты у меня в два счета поймешь, что право, а что не право! (Замахивается.)

М и т я. Пуцай падают. Я не кочегар. Я сторож ночной. Да! День мой: хочу гуляю, хочу - детективы читаю.

М а т р е н а. Под суд тебя, блоходава! За то, что над животными изгиляешься! Дуй в котельную! Ишь вырядился!

М и т я. Я тебе не подчиненный. Я самому Рушкину подчиняюсь. Непосредственно и персонально.

М а т р е н а. Отборных телят приморозил, лодырь!

Входит Л ю б а в а.

Л ю б а в а. Кто приморозил? Чьих телят?

М а т р е н а. Известно кто - вот этот мытарь. Все телята от твоей группы.

Л ю б а в а (забегает на ферму, тут же возвращается). Надо в тепло их пере-

нести! Мама, позови кого-нибудь! Пускай помогут.

М а т р е н а. Вот он и перенесет. Непосредственно и персонально.

М и т я. Не понесу я. Я вам не подчиненный.

Л ю б а в а (с ненавистью). Не тронь ты его! Он счеты со мной сводит. Пойду котлы подшучую.

М и т я. А допуск к котлам имеется? Вот так-то: нет допуска. Так что не подходи. (Стал в притворе.)

Л ю б а в а, отпихнув его, убегает в котельную. Матрена двинула его кулаком. Не тронь меня. Ответишь. Я при исполнении.

М а т р е н а. Это ты за все ответишь! Много валандались с тобой... хватит!

М и т я. Напужала! Выговор дадут, что ли? Так он для меня - тьфу.

М а т р е н а. Держат тут всяких... Вымести его из колхоза метлой поганой, и весь разговор.

М и т я. Сам хоть сейчас уйду. Вы попробуйте найти замену!

М а т р е н а. Свято место пусто не бывает.

М и т я. Будет, необходимо будет. Народу-то нету! Весь народ по пальцам пересчитать могу.

Из котельной шум.

М и т я. Эй, Любава! Котлы не взорви!

М а т р е н а. А поди ты! Ничего с ними не станется, с твоими котлами!

Шум пара сильней.

М и т я. Поаккуратней там! Воду-то накачала хоть?

Матрена. Тебе сказано - не лезь!

М и т я. «Не лезь, не лезь...» Котлы дохлые. Им много ли надо?

Матрена. Шуруй, Любава! Нагоняй пару! Я за Иваном схожу.

М и т я. Вот он, Иван. Пусты, тетка, я сам покочегарю.

Приходит Иван.

М а т р е н а (оттолкнув Митю). Хватился после времени-то!

М и т я. Хоть дай проверю! Там уж стрелка, наверно, за последнее деление перескочила... Слышь, Любава! Скажи, где стрелка находится?

Г о л о с Л ю б а в ы (из котельной). Там, где положено. На манометре.

М и т я. Взорвете - сами отвечать будете. Иван - свидетель...

Его слова заглушает взрыв. Пауза.

Затемнение.

Г о л о с И в а н а. Когда я подошел - старенькие два котла тужились из последних сил, дрожали. Что-то огромное колотилось в их изношенных грудных клетках, сумасшедше приплясывала стрелка манометра, перескочив за крайнее деление. Около дверей канючил Митя. У котлов хозяйничала Любава. Неосторожно хозяйничала... Левый котел взорвался. Ее ошпарило и сильно ударило в грудь колосником.

У Сохиных. Люба ва в постели. Возле нее - Т а н ю ш к а и И в а н.
Т а н ю ш к а. Худо тебе, тетя Люба?
Люба ва. Конфет-то я тебе не купила... Ну, в другой раз куплю.
Т а н ю ш к а. Подожду. Я девушка терпеливая.
Люба ва. Володька не плакал?
Т а н ю ш к а. Не-а. Я его огурцами накормила. Он смешно так чмокал.
Люба ва (перемогаюсь). Ему же нельзя, Таня! Он же грудной...
Т а н ю ш к а. Мне - можно, ему - нельзя? Как-то не так, тетя Люба.
И в а н. Беги домой, Танюша! Тебя уж, наверно, потеряли.
Т а н ю ш к а. Меня никогда не теряют. Прокати на тракторе, дядя Ваня.
И в а н. Не приставай. После, после.
Т а н ю ш к а. Все вы обманщики. Обещал прокатить - не прокатил. Тетя Люба конфет не купила.
И в а н. Не до тебя сейчас, глупая!
Т а н ю ш к а. А когда до меня?
И в а н. Когда?.. Сам не знаю. На вот рубль: купи конфет или еще чего. И не вертись под ногами. Видишь, тетя Люба болеет?
Т а н ю ш к а убегает. Слышится плач ребенка.
Люба ва. Мне нужно ребенка покормить.
И в а н. Я помогу, Люба. Ты меня не стесняйся.
Люба ва (сквозь зубы). И белье сменить надо... уходи! Слышишь?
И в а н. Ладно. Я Лизавету сейчас пришлю. (Уходит.)
Люба ва поднялась, упала подле кровати. Входит М а т р е н а.
М а т р е н а. Лежи, не двигайся! Куда наладилась? (Помогает Любаве лечь.)
Люба ва. Худо мне, худо, мама! Хотела Володьку покормить.
М а т р е н а. Не послушались Митьку - делов натворили!
Люба ва. Ты сильно не убивайся. Заживет... срастется.
М а т р е н а. Пока срастется - сколько мук примешь. Кожа-то вон как ошпарена.
Вбегает Л и з а в е т а.
Л и з а в е т а. Глу-упая, моя Любка! Чего ради увечишь себя! За это памятник не поставят.
Слышится писк ребенка.
Да успокой ты его, тетка!
Люба ва. Принеси сюда... покормлю.
Л и з а в е т а. У тебя грудь вся растрескалась... Молоко течет с кровью.
Люба ва. Он есть хочет. И мокрый, наверно. Надо перепеленать.
Л и з а в е т а. Не суетись, бога ради. Сейчас санитары придут с носилками.
Вот неотложка подъехала.
Люба ва. Володьку оденьте потеплей.

Л и з а в е т а. Не поедет с тобой Володька. Тебя бы живой довезти.

Л ю б а в а. Как же не поедет? Лиза, почему не поедет? Я не могу без него...

Л и з а в е т а. Сможешь. (С болью.) Бережешь вас, бережешь... Сами-то себя когда беречь научитесь?

М а т р е н а. Ох, господи! Изувечили девочку!

Л ю б а в а. Принесите... проститься хочу.

Л и з а в е т а. Через недельку увидите. Чуть-чуть поправишься - привезем тебе Володьку.

Л ю б а в а. Земля плывет... черно! Помру, наверно...

М а т р е н а. Дочь, доча! Ты чо задумала?

Л и з а в е т а. Рассолодела! Ты всех нас переживешь! И жизнь свою всех лучше устроишь.

Затемнение.

Г о л о с И в а н а. Она права оказалась. Отчасти права. Любава не умерла. Зато бабка с внучонком своим хлебнула горя. Не пошли ему впрок Танюшкины огурцы. Отравился, что ли? Еле отстояли. Но, бывая в больнице, тетка Матрена бодрилась, виду не показывала. А когда беда миновала - не выдержала, расплакалась старуха. И про Серегу сказала...

Л ю б а в а и М а т р е н а выходят из больницы.

Л ю б а в а. Не плачь, мама. Ведь обошлось же. Все обошлось.

М а т р е н а. Обошлось, бог пронес. А тут еще Серьга этот треклятый... кровососы они, изменщики!

Л ю б а в а. Сергей?! Он что, приехал?

М а т р е н а. Показался. Да опять уехал...

Л ю б а в а. И ко мне не зашел...

М а т р е н а. Он не один приезжал, Люба... с невестой. Я потому и смолчала. Не поддержи ее мать, Любава упала бы.

Л ю б а в а. Солнышко падает! Поддержи, мама!

М а т р е н а. Примстилось тебе, Любушка! Солнце на месте! Вон оно, солнышко! Сияет себе... и нам сияет.

Л ю б а в а. Сияет, а на земле так пасмурно. И в душе пасмурно, мама.

М а т р е н а. Садись в машину, доча. Не держи народ. Народу ехать надобно.

Л ю б а в а. Пусть едут, пусть... А мне некуда. Некуда-а-а!

М а т р е н а. Господи, господи! Ей-то за что? Карай уж меня, ежели в чем согрешила. Карай, я привычна. Любаву оборони. Пойдем, доча. Пойдем помаленьку. А люди пушай едут. Им, людям-то, ехать надобно.

З а н а в е с

Армизонский район

Галина
Белова

Зинаида
Попова

Юрий
Баранов

ГАЛИНА БЕЛОВА

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Под фатой из утренних туманов
Застеснялись жёлтые леса.
Яблоком румяным спозаранок
Покатилось солнце в небеса.

Петухи задиристо горланят,
Стадо гонит на поля пастух.
Так светло, но что-то сердце ранит:
Тополь у дороги вдруг потух,

Голым сучьям под ветрами худо,
Тополь знает зимнюю тоску.
Подхватила тяжкую простуду
И хрипит ворона на суку.

А туманы потихоньку тают,
Небеса осенние пока,
Но уже о вешних днях мечтает
Клин, рванувший к югу в облака.

ЛОГИКА СЕРДЦА

Женская логика -
Логика сердца.
Всё неожиданно -
Сладкое с перцем.
Слёзы за хохотом,
Нежность без меры,
Музыка с грохотом,
Ревность и вера.
Всё перепутано:
Хаос с порядком,
В шпильки обута,
Но розы на грядке.

ДОЖИВЁМ!

Доживём мы до южного ветра,
Черноты придорожных полей,
До гусиных былинных приветов,
До журчанья родных журавлей.

Надо только ещё поднапрячься,
Надо только ещё подождать,
И апрельское ясное счастье
На всём сущем поставит печать.

Бархатистая зелень обочин,
Воробьиный немолчный галдёж,
И волненье напрягшихся почек -
Вот весна! Но чего-то всё ждёшь.

СНЕГИРИ

Опять примчались снегири,
Мелькая шустро по крапиве,
Как будто капельки зари
Застряли у бурьяна в гриве.

Предзимье - тяжкая пора:
Лишь серость, холод, ветер, скука.
Но гость румяный у двора,
Как весть от северного друга.

Улыбка дружбы на пути,
Подаренная просто встречным.
Легко по серости идти,
Любуюсь стайкою беспечной.

ЗИНАИДА ПОПОВА

МНЕ ДЕРЕВЦЕ СТУЧИТ В СТЕКЛО

Мне деревце стучит в стекло
Багряной веткой.
Вновь ветром тучу принесло -
Сюрприз не редкий.
Померкла осень. Из-за туч,
Тяжёлых, пухлых,
Пробьётся еле тусклый луч,
Трава пожухла.
Дождь хлынул. Зонттик рыжий свой,
На гриб похожий,
Спеша раскрыл над головой
Седой прохожий.
Льёт за окном дождя поток,
Не иссякая...
...Ложится строчка на листок,
За ней - другая...
Трепещет, бьётся о стекло
Лист, неприкаян...
Наверно, времечко пришло
Среди развалин
Порядок навести в душе,
В том разобраться:
Каким пора на снос уже,
Без апеллий.
Не сможет дождик мне помочь,
Принять решение,
Печаль мою не смое прочь
Он, к сожаленью.
Шуршат мне годы за стеклом
Листком багряным,
Что время осени пришло
Моей упрямо...

СЕГОДНЯ Я В ГОСТЯХ У СНЕГОПАДА...

Сегодня я в гостях у снегопада.
Он магией своей меня увлёл.
Снежинок закружились мириады...
Мир спешки и забот сейчас далёк.

Одна брожу
в заснеженных владеньях,
В волшебных,
параллельных нам мирах...
Летающая завеса - наважденье:
Забыла о проблемах и делах.

Потеряна во времени,
пространстве...
Смогу ли я сама себя найти?
У снегопада нету постоянства-
Придёт, когда захочется прийти.

А думы так легки и безмятежны.
Я, словно в невесомости, плыву.
Царит вокруг спокойствия
безбрежность.
Мир снегопада - сказка наяву...

Вдруг вижу дом родной.
Как это странно!
Дорога рядом и полно людей.
В снегу я вся, он даже есть
в карманах...
Где снегопад – волшебник – чародей?

ЮРИЙ БАРАНОВ

ПАСЫНКИ СУДЬБЫ. МАРИМЕЯ.

Быль

Уже светало, когда на соломенной крыше колхозной овчарни зашевелилась чья-то смутная тень и послышался шорох. И вдруг, с поистине дерзкой четкостью на фоне чуть посилившего неба хищно обозначилась округлая голова зверя. Плавно и зловеще сместились в темноте пара тусклых огоньков и погасли. И опять шорох. Это из дальнего ряма зашла в деревню владычица ночного сумрака трехлетняя волчица. С нетерпеливой сосредоточенностью она торопливо разгребала для себя пролаз. Нет нет да и перестанет копать. Повернет голову в сторону неподвижно темнеющей сторожки, послушает ленивый перебрех деревенских собак и опять за дело.

Через несколько минут, с набившейся в шерсть половой, зверь мягко спрыгнул, вниз, в смрадные потемки помещения.

С дробным глухим топотком сотенная овечья ватага в ужасе шаркнулись в сторону от нее, и тесно сучилась в дальнем углу пригона. Но хищница мощным броском сразу сбила с ног одно из крайних к ней животных и, придавив его передними лапами к земле, мощно полоснула клыками по горлу. Потом жадно лизала горячую кровь, хлынувшую из широкой раны жертвы. К рассвету

вокруг зверя неподвижно лежали семь трупов зарезанных ею животных.

Была ясно видна каждая соринка на толоке, когда сытая волчица легко и пружинисто выпрыгнула из овчарни с ягненком в зубах. Закинув добычу на загривок, она серой тенью воровато затрусила в светлеющие поля. Никто не послал в ее сторону ни одного бранного слова. Завернувшись в старую шубу, сладко похрапывал в чабанском вагончике колхозный сторож Архип.

Через версту, у межи волчица остановилась, и настороженно проводив взглядом бесшумно мелькнувшую утреннем мороке сову прислушалась. Слышно было, как утолено и глухо стучало в груди ее сердце. От черного леса тянуло сыростью. С минуту она стояла неподвижно и смотрела туда, где низко желтило пространство знакомое займище. Камыши, кочкарник и осока всегда готовы здесь стать для нее ухоронкой.

На краю захламленного старым валежником ряма, среди водянистого утреннего света, сочащегося сквозь сплетения черных ветвей тальника, матерая задрала голову к небу и заунывно провыла. И тут же из глубины трещобника, раздался радостный скулеж ее четырех голодных волчат.

Судили не пьяницу сторожа, проспавшего разбойничий налет

волчицы. Судили, бригадира животноводства Ивана Крашенинина, не сумевшего обеспечить, сохранность колхозного скота.

Его жену Маримею, оставшуюся без мужа с четырьмя детьми на руках, правление не замедлило отчислить из колхоза с позорным клеймом жены врага народа. У некоторых присутствующих на заседании были некоторые сомнения по этому поводу, но председатель был тверд и настоял на своем. Он не мог простить ей женской гордости. А через неделю, когда она, под птичий трезвон, шла по залитой солнцем деревенской улице к торговой лавочке, чтоб купить на последние деньги керосина и сахара, ее остановил Николай Ударцев

- Слушай меня внимательно, Маримея. Сегодня к тебе придет комиссия описывать все твое имущество.

Слова деда, словно током ожгли сердце женщины. Она побледнела. Ноги у нее подкосились, но она сумела устоять. Посмотрев на Николая долгим непонимающим взглядом, спросила

- За что?

- Да, моим простым умом тут, милая, не понять.

Страдая и замирая в душе, с болезненным ощущением вопиющей несправедливости, совершенной по отношению к ней и к ее детям, она почти бежала к своему дому. Но успела спрятать в старой огуречной грядке только швейную машинку Зингер.

Ей не оставили ничего. Отняли дом

вещи, и даже огород. Блеск в ее глазах померк, а в черных волосах засверкала первая седина.

Она не впала в безумие. Осенью ходила по дворам и просила разрешения покопаться в уже убранных людьми картофельных огородах. Надвигалась суровая сибирская зима, и надо было каждый день чем-то кормить своих детей. Жить долго у родственников, которым и самим-то было трудно повернуться в доме от тесноты, потому что в нем и без ее оравы было семеро по лавкам. Маримея устала выслушивать бесконечные, хоть и сдержанные до поры до времени упреки.

В конце сентября, по случаю тепла и суши, она ушла пешком в Бердюжье. Шагала бессознательно быстрыми шагами на своих маленьких ножках, проклиная и волчицу и сторожа и мужа, что не присмотрел за работой Арихипа. Черные косы раскачивались на спине в такт ее движений. Была у Маремеи тайная надежда найти справедливость в райкоме партии. Ведь муж ее при жизни был коммунистом. В 1921 тревожном году, во время крестьянского восстания, на свой страх и риск подпирал плечом советскую власть.

Уже в полдень остановилась на вершине степного гребня. По правую руку, за дрожью испарений, серело крышами село Калмак. Поджав ноги женщина, присела на обочине дороги. Пахло примятой травой и спелыми хлебами. Ветер холодил ее щеки, раскачивал ветви недалекой пожел-

тевшей дубравы, и было хорошо слышно, как самая близкая из осин тревожно роптала о какой-то своей, одной ей известной, лесной печали.

Без крика трепетала над сухим блестящим жнивьем пустельга. Прилетела откуда то невесомая паутинка. Коллебясь и закручиваясь в воздухе, она коснулась волос уставшей путницы, и прервала свой полет. Маримея осторожно сняла с волос паутинку, поправила черный платок на голове и посмотрела вдаль. Что-то обещающе синело там, за дальними лесами, звало ее и будто кто-то мягко, но настойчиво толкнул ее в грудь, призывая идти дальше и надеяться на лучшее. Проезжающий мимо нее возница, искоса посмотрел на сидящую, но встретившись с ее отрешенно сосредоточенным взглядом, равнодушно отвернулся.

Переночевав у бердюжских знакомых, она уже на следующий день сумела добиться приема у секретаря райкома партии. С дрожащим от волнения голосом рассказывала ему обо всем, что случилось с ней и ее семьей.

Секретарь слушал ее сбивчивый рассказ, прищурившись и чуть наклонившись грудью над полированной крышкой стола. Время от времени Савельев посматривал на свои часы и опять переводил свой взгляд на посетительницу. Встречаясь с ее черными глазами, в глубине которых плескалась тревога, думал ли он в тот час, сколько таких, как она просителей по всей великой России ходили и обивали в те дни чиновничьи пороги с

единственной просьбой – спасти.

У него был не приемный день. Но горячая настойчивость Маримея заставило его сделать исключение. Еще не успев закончить своего монолога, она не смогла не заметить, плохо скрытое раздражение, промелькнувшее на не улыбочивом лице своего собеседника. Голос ее задрожал от волнения, глаза наполнились слезами, но она продолжала рассказывать.

Секретарь, конечно, хорошо понял всю абсурдность ситуации, в какую попала эта женщина, да и председателя того крупного колхоза, откуда она пришла, Савельев тоже знал не понаслышке. Мужик там работает жесткий. Иногда и перегибает палку. Но чем, же я могу помочь ей, думал он, поправляя косой ворот своей рубашки. Ведь борьбу с кулачеством и другими врагами народа, ведет не какая-ни будь неизвестная никому безучастная сила, ее ведет авангард рабочего класса – партия большевиков, частью которой является он сам.

Ленин вполне ясно выразился, когда сказал, что революцию в белых перчатках не делают. И мы не допустим ошибки Парижской коммуны, в которой французский пролетариат проявил излишнее великодушие, вместо того чтобы истребить своих врагов, старался морально повлиять на них. Страна сейчас строит золотой мост в индустриальную эпоху. Возводятся сотни новых заводов, закладываются фундамент для создания тяжелой промышленности, и все что стоит сейчас на пути партии и

народа к сплошной коллективизации в деревне, сметается и будет сметаться без всяких колебаний. 16 съезд большевиков открыто, на весь мир заявив, что их партия не допустит реставрации капитализма в России, и принял решение о политической ликвидации кулачества, как последнего эксплуататорского класса в стране.

Из Аромашеского района уже выслано 250 кулацких семей, из Голышмановского 203, Сорокинского 76...

Маримея перестала говорить, потому что на хмуром лице секретаря уж слишком откровенно читался готовый для нее ответ.

- Гражданочка, так вы хотите, чтобы отменил решение правления вашего колхоза?

- Но если даже вы не сможете его отменить, тогда убейте меня вместе со всеми моими детьми! Убейте, сразу всех, раз уж мы стали такими опасными людьми для советской власти. Зачем же мучить нас? Без ограда и работы нам все равно не прожить. Впереди только одно - голодная смерть!

Будто кусочек льда растаял под

сердцем Маримеи, когда она выходила из кабинета секретаря. Он пообещал помочь ей всем, что в его силах и полномочиях. И сдержал свое мужское слово.

Маримею восстановили в колхозе и выделили ее семье угол.

Много раз улетаи с тех пор на юг и возвращались с полуденных морей на свою северную родину птицы.

И пришло время, когда старший ее восемнадцатилетний сын Алексей ушел на фронт. Это случилось в 1942 году. Враг рвался к Волге. Алексей попал туда, где в те дни великая русская река уносила в Каспийское море разлившуюся на ее поверхности нефть пополам с потоками красной солдатской крови. Н защищал он там не тех односельчан, что выгоняли когда-то его семью на улицу из обжитого дома, и не тех из них, что на правлении голосовали за исключение Маримеи из колхоза. Он защищал свою мать, своих братьев и сестер, защищал ту тропинку, по которой он в детстве ходил в начальную школу, то озеро, в котором он каждое лето купался со своими друзьями.

Сладковский район

Надежда
Крымова

Валентина
Картишкина

ВАЛЕНТИНА КАРТИШКИНА

М. ШАГАЛ. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Пытались вы когда-нибудь летать?
 На цыпочки - еще... Еще и - в небо!
 Тяжеловесно? Глупо? И нелепо...
 А если душу отпустить, дать крылья...

Еще попробуй, важен не разбег!
 А точка невозврата и вера,
 Что возможно!
 Возможно воспарить однажды

Над миром, над собой! - Не можешь?
 Но хотя бы сохрани
 Возможность эту!
 Малoverные! Не поднимаем лица,

Жмемся к земле, и ускользает
 Желание - стремиться ввысь
 и разглядеть себя,
 И уплощаем все изображения
 Под однобокий взгляд!

Спасибо за мистирию, шагал,
 Дерзнувший оторваться
 От непреложности суждений,
 Поверить в точку невозврата;

Летать дерзнувший !
 О нет, тяжеловесен человек,
 Машинами и дачами обросший,
 Еще и островами;

Забывший, что душа крылата!
 Но отрекся,
 Как исав библейский,
 С легкостью отрекся первородства.

Уйди и не смотри шагала!
 Плотнее дверь закрой!
 Считай купюры...
 Пусть плачущие скрипки над тобой

Торжественную мессу не играют,
 Не будоражат твой заплывший дух!

ПАСТОРАЛЬ

Когда, насытившись,
 стада бредут домой
 И солнце разольет
 румянец свой вечерний
 На каждую травинку и степной
 Орел покачивает небо
 взмахом мерным,

Величием пространства зазвучит
 Земля во вздохе ласковой прохлады,
 С былинкой каждую меня объединит,
 И в этом братстве выше нет отрады!

Ромашкою качнувшись на ветру,
 Прислушаюсь
 к вселенскому звучанию
 И тихо, и торжественно замру
 В восторженной
 молитве мирозданию.

ТАКОЙ ВОТ МИР, И В ЭТОМ МИРЕ МЫ

Такой вот мир, и в этом мире мы
Живем, себя порой не замечая,
Юродствуя, страдая и мечтая,
Устав, надуманно собою воплощая

Правила «трагической вины».
Надменной важностью и пошлостью дыша,
Комическая маска мне в лицо хохочет.
Сомкнется круг, замрет навек душа,

И будет так, как эта маска хочет.
Круг разорви и все начни с нуля,
Свободой испытай себя на прочность.
Лишь к Небу обратись, о помощи моля,

Познав, как зыбок мир и уз его порочность.
И тихое сияние любви затеплится в ночи,
И тьмою не объемлет
Робкий пламень маленькой свечи,
Несущей свет тому, кто свету внемлет.

Не выясняй, кто прав, кто виноват;
Присяду, разведу огонь в печи.
Язык огня неприязательностью свят,
Умей молчать и видеть свет в ночи.

Все просто. Мудрость – в простоте.
Не надо фраз красивых. Помолчи.
Дай сердцу отдохнуть. Дай место красоте
Обычных слов и дел. Подбрось дрова. Молчи.

Бердюжский район

Николай
Денисов

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

ПРЯМОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СТРОКИ

Мартены и те заглушили,
И в каждый уезд и улус
Коммерческих флагов нашили.
Верните Советский Союз!
Хватало и стали, и бронзы,
И славы, добытой трудом.
Взорвали партийные бонзы
Страну, как ипатьевский дом.
И так раскурочить Россию
Хазарский сумел каганат,
Что даже с шунтами бессилён
Кудесник Акчурун Ренат.
Так пусть же войдут в кровотоки
Стальные, как сталинский ус,
Прямого воздействия строки:
Верните Советский Союз!

1997

О НЕДРУГАХ

Глаз коли, ни просвета, ни звезд,
В небе сонмище бесов и гадов.
С электрички иду. И мороз
Раздражает, как власть «демократов».
Вот приду я и печь натоплю,
На поэзию душу настрою,
И о недругах думу свою
Деревенским чайком успокою.
Вот один, как бессмертный Кашей,
В сопредельной избе обитает:
Дернул рюмку, натрескался шей,
Может, в баньку сходил, обсыхает.
Знаю, он в небесах не парил.
Не достиг и подножий успеха,
Но каких мудрецов обдурил,

На хромой кобыленке объехал.
В лад бы времени вышел портрет,
Да с героем случилась промашка:
Там, где раньше носил партбилет,
Нынче булькает плоская фляжка.
В пору зла и крушенья систем,
Где кувшинные властвуют рыла.
Сколько разных неслыханных тем
С перестройкой возня породила!
Да вот здесь же, весной удалой,
Цвет черемухи – божье творенье,
Наш герой поперечной пилой
С похмела раскромсал на поленья.
Улетели от наших оград
Даже птахи, разор не прощая...
Снег скрипит. Чьи-то окна горят,
Переулоч глухой освещая.
Вот и сам содержатель избы,
И момент воровской, подходящий:
Где-то добыл колено трубы,
Только валенки трюхают, тащит.
Окликаю: «Бог в помощь, сосед!»
С перепугу прибавил он шагу,
Не узнал будто, отклика нет,
Но, скорей, пронесло бедолагу...

1999

ПУТИНА

– Эй, на плашкоуте! –
в сумерках крик.
Вышел приёмщик в резине до пят.
К борту с уловом пристал неводник,
Будто кабанчики, нельмы пыхтят.
Морды налимы зевают лениво,
Пену роняют, как в жар быки.
Диво! Великое рыбное диво!
Р-раз! И кладут на весы рыбаки.
Борт наклонился к воде. Похоже, –
Шепчется с нею. И нужен глаз!

Шуки, пружинно взывав в мереже,
 Освобожденно пустились в пляс.
 После башлык отсчитает «гроши»,
 После возьмем и весомей куш.
 Славьтесь – язёвый замёт хороший,
 Тяжесть тугих осетровых туш!
 Эй, водяной, отложи коварства,
 Завтра хоть шторм, хоть шугу сули.
 Рыба ж сегодня нужна государству,
 Чтобы прилавки икрой цвели.
 Чтобы сиял золотым отливом
 Щёкур луны с прииртышских круч.
 Невод чтоб наш стрежовой,
 двукрылый,
 Был, как в путинные дни, везуч!

2

Кипели от стужи зеленые брызги
 И стыли, бросая на палубу лед.
 Над мачтой норд-оста
 звериные визги
 И белого снега гусиный полет.
 И трюмы, и бочки
 наполнены рыбой,
 Мы плыли с путины богатой домой.
 Толклись штормовые
 иртышские глыбы,
 В пучину бросали нас вниз головой.
 Винты за кормою – игривые кони! –
 Бурунами пенили путь добела.
 Скакали по волнам мы,
 как от погони,
 Фарватер держа, закусив удила.
 Мы были от зорь
 в эйфории и трансе,
 И духи витали над бурной рекой.
 Вослед нам глядели охотники-манси,
 Хантыйки-рыбачки махали рукой.
 В преддверье зимы
 подступали морозы,

На стеклах кают рисовали цветы.
 Поодаль на круче стояли березы,
 Совсем не стеснясь своей наготы.
 И тоже по-бабьи платками махали, –
 Остатней листвою знобщей поры.
 А ветры сияния звезд раздували,
 И где-то геологов рдели костры.
 Мы верили: скоро –
 веселая дума! –
 Европы стекутся сюда! А пока –
 Блестела излучина саблей Кучума,
 Луна багрянела, как щит Ермака.
Август 1963 года

ПОД ЛУНОЙ

Ах, луна! И в селе, и во поле
 Разбросала свое добро.
 На шершавых ладнях тополя
 Студит росное серебро.
 А на озере, как латунные,
 Лодки поздние рыбаков
 «Едут» желтой дорожкой лунною,
 Звонко чалятся у мостков.
 Там девчата в припевки новые
 Сыплют ласковые слова.
 Комары, уж на что бедовые,
 Прячут ножики в рукава.
 Но парней не найдешь застенчивых,
 Нынче всякий, кому не лень,
 С молодою луной повенчанный,
 Ходит – кепочка набекрень.
 И гармошка не зря старается.
 Ублажает июньский рай.
 До утра поет, заливаётся
 Голосистый мой лунный край!

Ялutorовский район

Ольга
Губина

Бородкина
Наталья

Татьяна
Кошкина

ОЛЬГА ГУБИНА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕТРА

Мне поёт колыбельную ветер
Длинной ночью январской стужи.
Бесконечный разлился вечер,
И фонарь за окном простужен.

С хрипотью, а то со всхлипом,
Под скрипенье уставшего ставня
Он поет мне о том, что видел,
Что был счастлив еще недавно.

Обещает весну и солнце,
Журавлиного перезвона.
Что заглянет ко мне в оконце
Птица синяя, а не ворона.

Что тепло под метелью белой
Мчаться ввысь, упиваясь снегом.
Только нужно быть очень смелой,
Кучу глупостей вдруг наделать...

Засыпает глаза мне блеском,
А фонарь занемог и гаснет.
Далеко, за синеющим лесом,
Белым зайчиком скачет счастье.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Среди лесов, у озера в глуши,
Притихла деревенька-недотрога.
Она милее всех мне для души,
Тропинка узкая от отчего порога.

Далеко от больших городов
Ты тиха и скромна, как Россия.
Только там - дом родной, отчий кров.
Ты меня так любить научила.

Там рассветы багряней и ярче,
И роса на траве там свежей,
Песня льётся привольно и жарко
В той глубинке, деревне моей.

То раздольная, то с проголосом,
Тишь вечернюю вдруг разорвет
Там в деревне моей русокой
Задушевно Россия поет.

И куда не уйду, ни уеду,
Моё сердце все ж связано с ней,
С деревенькою-недотрогой
Средь лесов и широких полей.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь и ярче, и короче.
Она прощальный свет, что на пороге ночи.
Глоток воды, оставшийся на дне,
Последний он. Но и вкусней вдвойне.

ДЕТСТВО

Я в детство снова возвращаюсь,
Девчонкой в платьице в горох.
Где отчий дом в сиянье тает
В венце из белых облаков.

Комолая корова Юлька
Устало, глубоко дыхнет,
И молока парного струйка
В подойник звонко пропоет.

И слезы горькие рассыпав,
Уткнувшись носом в теплый бок,
Шепчу ей про свои обиды:
«Веснушек яркий хоровод.

Чего я рыжая такая?
Что делать мне с моим лицом?
Веснушек этих рыжих стая.
Их больше, больше с каждым днем!»

Проснусь от шума городского,
Подушка мокрая от слез.
Из зеркала глядит с укором
Лицо в венце седых волос.
Ну, где же вы теперь веснушки?
Остались в детстве, далеко.
Комолая корова Юлька
Вас уронила в молоко.

ПОКРОВ ПРОШЕЛ

Покров прошёл, а снега нет,
Во всю еще гуляет осень.
И, оставляя тихий след,
На небе облачная проседь.

Рябин кораллы разбросав,
Узорный лист багрянцем светит.
С берёз натекшая листва
Подошвы шепотом вновь встретит.

Вечерней зорьки огоньки
Закат осветят, как мечтою.
И скоро полетят, смотри,
Снежинок хрупких хороводы.

Укроют ласковым ковром
Кораллы, яхонты и золото.
И будет всё белым-бело
В лучах багряного заката.

ЗАПЛУТАВШИЙ СНЕГИРЬ

Ранний снегирь на ветке.
Сон или явь? Не пойму.
Листья ещё не опали,
Где он увидел зиму?
Может, как я, перепутал,
И по судьбе заплутал?
В красном своем свитерочке
В осень нежданно попал.
Вздрогнул, чуть-чуть встрепенулся...
Снова сорвался в полет.
Милая, светлая птаха,
Кто нас с тобою поймёт?

БОРОДКИНА НАТАЛЬЯ

СОВРЕМЕННЫЙ БАЛ

Мелькнули, словно тень, минувшие столетья.
И как бы мир живых страстей их не алкал,
Не оживёт их пыл, их пламенные сплетни
За мрачной пустотой магических зеркал.
Не сдавит кринолин в тисках живую душу.
Не скатится слеза на бархатный манжет.
Фальшивый бриллиант, лучом терзая уши,
Увы, не оживит манерный менюэт.
Мелькнёт среди живых оптическим обманом,
Повеяв холодком, таинственная тень,
И, проходя сквозь свет, развеется туманом,
Едва прильнёт к ноге подвальная ступень.
Глубоким декольте и кружева шуршаньем
Не возвратит в наш век изысканных манер.
Не взглянет уж с таким невинным обожаньем
На визави свою надменный кавалер.
Не зазвонят слугой начищенные шпоры,
И не подаст манто услужливый лакей.
Иные времена... Иные разговоры...
И вместо «Да» звучит нелепое «O, key!»

ПРОХОДИТ ВСЁ

Проходит всё – и молодость, и страсть,
Дней безмятежных чистая отрада,
И сколько раз бы не пришлось упасть,
Ни в чём не упрёкай себя, не надо.
Проходит всё, и время, как палач,
Спешит в вино любви добавить яда.
От близких скрой печаль свою, не плачь,
И горьких слов не говори, не надо.
Хоть многое пришлось перетерпеть,
К чему корить свой век многострадальный?
Ни дня, ни строчки в жизни не стереть.
Жизнь коротка, но путь наш – дальний, дальний...

ТАТЬЯНА КОШКИНА

А ЗИМА ПРЯДЕТ КУДЕЛЮ

А зима прядет куделю.
Прялка снежная полна.
Позакутались все ели,
До бровей.

С веретена
Тонкой нитью
Жизнь струится.
Околели воробьи.
Вьялица* - то злится, злится.
Нет покоя до зари.

Замело все:
Жальник**, речку,
Избы,
Трубы лишь видать.
Забусил рассвет,
И печку
В темноте растопит мать.
А зима прядет куделю.
И собаки во дворе
Воют, как лесные звери,
На потеху детворе.

* вьялица - вьюга

** жальник – погост, кладбище.

ДАР ГОСПОДНИЙ

«Мой дар тебе! -
Сказал Господь. -
Возьми, не бойся.
Моя любовь тебе -
Мой дар!
Возьми, откройся.
Дари ее, приумножай.
Не ведай страха».

Господь!
Ты режешь без ножа.
И что? На плаху?

«Свой крест несу я за тебя.
Подставь плечо мне.
Иначе жизнь твоя
Совсем будет никчемной.
А тем, кто все растоптал
Твои надежды,
Даруй прощание.
Они в любви - невежды.
И не хули того, кто слаб.
Душа – потемки.
Душа у них, как вечный раб
Страстишек темных.

Возьми любовь!
Она твоя!
Она – подарок!»

Господь, ну как же?
Я одна,
Мне надо пару.

«Совсем слепы твои глаза, -
Господь промолвил, -
Любовь покоится в сердцах.
СВОЕ ОТКРОЙ МНЕ».

Я ТОНУ В ТВОИХ СНЕГАХ, РОССИЯ

Я тону в твоих снегах,
Россия.
Не барханы и пески -
Мороз и иней.
Шляпы белые на крышах,
И безмолвье.
На полгода...
На века...
Такая доля.

По щеке моей слеза,
Россия.
Или может это небо синее
Разверзается своими хлябями.
И тоскливо...
Заунывный норд
Держит нескончаемый аккорд.

Я люблю тебя,
Моя Россия!
Шум ручьев весенних,
И снегА.
Я хочу, чтобы ты стала
Сильной!
Чтобы радовались трели
Соловиной
Все! От мала и до велика!

Красно солнышко!
Моя Россия!
Ты прекрасна в одеянии
Любом.
Поднимайся!
Набирайся силы!
Мы с тобой!
И ты - наш Отчий дом!

Нижнетавдинский район

Елизавета
Фоминцева

ЕЛИЗАВЕТА ФОМИНЦЕВА

О ЖЕНЩИНАХ

Весна в душе, весна в глазах,
Весна везде, всегда и всюду!
Весна, как женщина, в слезах...
В слезах любви, в стремленье к чуду!
Пусть в каждом сердце и в душе
Любимых женщин, нежных, верных
Цветут цветы, горят мосты
Для новых встреч обыкновенных!
Но судьбоносных, несравненных,
Таких, чтоб раз и на всю жизнь.
Весна, как женщина, бесценна,
Её любовь удержит...

БЛАГОСЛОВИТЕ ЖЕНЩИНУ

Благословите женщину,
идущую на подвиги,
Вооружившись верностью,
бесстрашием и гордостью,
В кулак всю волю сложивши,
к молитве обращённую.
Благословите женщину
на исповедь, крещёную.
Она пришла замаливать грехи
пред святым образом,
Пред батюшкой покаяться
всем сердцем, а не образно.
Благословите женщину,
что с Богом, не на паперти,
Ранимую, особую –
ей предстоит стать матерью!
Родит сыночка - лапушку
в страданиях, мучениях,
Положат его рядышком.

И жизнь пойдёт течением:
Ночей бессонных очередь,
пелёнки спозараночку.
Была любимой дочерью,
теперь вдруг слышит: «Мамочка!»
Растёт сынок, взрослеет сын,
похож на папу личиком.
Для мамы он такой один,
слывёт в школе отличником!
Гордится сыном женщина,
ребёнку жизнь отдавшая.
А в личной жизни – трещина,
живёт, любви не знавшая.
Любимым своим брошена
без жалости, без совести,
Он гостем был непрошеным,
героем другой повести.
Случайным пассажиром стал
в судьбе её, залётчиком,
Не зря шутил, не зря шептал,
что был когда-то лётчиком.
Благословите женщину,
на подвиги готовую!
Жизнь даст крутую трещину –
она построит новую.
В автобусе, на пятницу,
среди прохожих утренних,
Иль в храме у распятия
на праздничной заутрене,
Забьётся сердце нежное,
ранимое, прекрасное
И вострепнётся птицею
от взгляда в толпе ясного.
Она опять поверила глазам
бездонным, омутам,
Открылась вся, доверилась,
вновь чувствами ведомая.
Промчится время быстрое,
уже и внуки радуют...

То солнышко лучистое,
 то вдруг дождинки падают.
 Нет у природы возраста –
 у женщины нет старости:
 Всё тот же трепет в голосе
 и руки без усталости.
 Смеётся, улыбается,
 на жизнь свою не сетует,
 Всем угодить старается,
 не мучает советами.
 Она для мужа – спутница,
 надёжный тыл отчаянный,
 Но только пред разлучницей
 вся робкая, печальная.
 Стоит она покорная,
 как ангел перед Господом,
 Лицо слезами горькими
 насытилось уж досыта.
 В молитве ей спокойствие,
 терпение, спасение.
 Благословите женщину,
 готовую к прощению.

Вербное святое воскресение
 Наступает с солнышком, рассветом.
 Только в вере вижу я спасение,
 Только в храм иду я за ответом.
 Только сердце верит в созидание,
 В сотворение Господне изначальное.
 Когда было все для понимания,
 Когда счастье было идеальное.
 Мир принадлежал мужчине

с женщиной,

Что в раю купались, как в источнике.
 Было миром им владеть завещано,
 Только вера их дала проточину...
 Новый мир в проточинах скитается,
 Неприкаянным, обиженным
 отшельником.

Каждый в нём лишь
 для себя старается,
 Много места в нём лжецам,
 мошенникам.
 Только сердце верит в созидание,
 То, что изначально Богом создано.
 Все мы Господа единого создания,
 Кто миряне в нём, а кто – апостолы,
 Кто – монахи, в кельи заточённые,
 Кто – учёные, с лихвой
 в науку спрятаны.
 Но Отцом своим мы все прощённые,
 Кое-как грехи свои залатаем...
 В новый день идём опять,
 как странники,
 Без зазрения порой, без сожаления.
 Нет, не видим и не знаем мы заранее –
 За раскаянье положено прощение.
 Воскресенье вербное с надеждою
 Жду, как чуда, всей душою веруя,
 Что под грязными,
 тяжёлыми одеждами
 Бьётся сердце чистое и смелое.
 Значит, снова шанс есть на спасение,
 На защиту, на святые помыслы.
 Ведь Господь – любовь, прощение,
 А не вымыслы, не чьи-то домыслы.
 Верим в лучшее мы, все мечтатели,
 В мир, что будет Богом созданный.
 Мы творения единого Создателя,
 Кто – миряне в нём, а кто – апостолы.

Счастье мое, кусочкооблачное,
 То серединное, то серёдочное.
 То на краю, то с краю спрятанное.
 Счастье мое... Недолатанное.
 Спрячу тебя от молвы людской...
 Рядышком я – дотянись рукой.

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

г. Нижневартовск

Марина
Александрова

Журавушка
(Лидия Журавлева)

Светлана
Рамазанова

Путина
Татьяна

Роза
Салах

Василий
Зозуля

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА

СИЯНИЕ

Море и небо - две глубины сиянья.
Не успеваю переводить глаза
С неба на море. Им горизонт -

слиянье.

Им уступают алмазы и бирюза.

Вечные волны, брызги -

штормами - в небо.

Им - воспаренье к небу

и облакам...

У Херсонеса в храме святая треба -

Повод к счастливым длинным
хмельным строкам.

Не помогают крылья,

летающей мыслью

Только стараюсь тронуть

бездну и небеса,

Линию горизонта.

В строки пытаюсь втиснуть

Небо и море, вечные - в полчас.

Берег - ладонью.

Пляжи и порты - рядом.

Свет-Севастополь,

праздничен твой наряд.

К морю и небу

ты обратился взглядом.

Небо и море - здесь принимай парад.

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Мой город, улицами светлыми

Иду для дел, свершений, дней:

Твоими мыслями заветными,
Судьбой ты делишься твоей.

Твой ритм, твой пульс, твоё дыхание –
Мой день, дыхание моё,
И в час ночной, и в утро раннее
Моё счастливое житьё.

Когда в спокойствие вечернее
Концертом фестиваль поёт,
Прольётся общее влечение
В салюта праздничный полёт.

И снова – будней нетерпение:
Твой пульс, работа, чёткий ход,
И трезвый день, и взлёты гения –
До фестиваля целый год!

* * *

«Пишущий - да напишет.»

В. Шемшученко

Всё начинается с правды,
Младенцы кричат: «Живу!»
Глушатся канонады,
Новенький крикнет: «Надо -
Солнце, деревья, траву!»

Старенький просит: «Люди,
Тоже хочу успеть
До выстрелов из орудий,
Без выстрелов из орудий
Песню сложить и спеть!»

Счастье, когда услышат.
Пусть - переврут, потом!
Пишущий - да напишет!
Ветер листву колышет!
Счастье - да входит в дом!

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Слово чисто, рукотворно,
 осязаемо, соборно,
 но в руках не унести.
 Господи, меня прости.
 Затянувшиеся споры,
 Ожиданья, разговоры
 Тех, кто навсегда уйдут:
 Здесь и стыд, и правда тут.
 Есть всему причина – слово,
 Что сорвалось и готово
 Горе с радостью плести.
 Господи, людей прости.
 Книгами, строкой, словами
 Навсегда останусь с вами,
 С теми, кто живёт не зря,
 Будущее СОтворя.
 Каждому воздастся. Боже,
 Милосерднее, нестроже
 Утиши и награди...
 Господи, меня прости.

**ЖУРАВУШКА
(ЛИДИЯ ЖУРАВЛЕВА)****МАТЕРИНСКОЕ**

Оказалось, что доля матери -
 Пуповину рвать вновь и вновь.
 Не считая себя виноватою,
 Приглушив, изменить любовь.

Из слепой её сделать зрячею,
 Все подпорки порушить в прах,
 Чтобы стало дитя - ходячее
 На своих окрепших ногах.

И смотреть теперь, словно издали,
 Как по жизни будет идти,
 Что сумел он постичь сызмала,
 И чего он достиг в пути.

Но не выдать себя нисколючко,
 А неслышной тенью лететь,
 Чтоб ему в час бессонной горечи
 Колыбельную песню спеть.

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ ДОМОЙ

Собирались журавушки в стаю
 На восходе с весенней зарёй.
 Погостили они в дальнем крае,
 Сердце просит вернуться домой.

Пусть прекрасны моря,
 Где закаты горят,
 Но милее родная земля.

Журавлей не пугает дорога,
 Пусть ненастна она и трудна.
 Долететь до родного порога
 Есть у стаи задача одна.

Пусть прекрасны моря,
 Где закаты горят,
 Но милее родная земля.

Ждут их рощи, поля золотые,
 По утрам рос медвяных разлив.
 Нет преград для сердец, в них отныне
 Словно компас, родимый мотив.

Пусть прекрасны моря,
 Где закаты горят,
 Но милее родная земля.

НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ СЕРЫХ ЗЕБР

На свете не бывает серых зебр.
И наша жизнь, как зебра, полосата.
Как много в ней
 полосок чёрных – стерж,
А белыми она не так богата.

Но знаю я: как день сменяет ночь,
Так радость к нам приходит
 вслед за горем.
Когда душе отчаянно невмочь,
Представь: струится радуга
 над морем...

Взлети по ней над серой суетой,
Сними с души недужный груз
 печали –
И ты тогда увидишь мир цветной,
Где радостны открывшиеся дали.

ОДА БАЛКУ

Слово «балок» появилось в Сибири.
В северных наших суровых краях
Так называли жильё, что срубили
Наскоро, временно и впопыхах.
Те, кто приехал сюда «за туманом»
В семидесятых, - не «бабки срубить»,
Помнят балки за «дорогою пьяной»,
Что помогали в мороз зимовать.
Дом на полозьях. Да что там? –
 Избушка.
Без курьих ножек, но окна и дверь
Есть. И – труба, если печка послушно
Топится в зиму. Тепло!.. Уж поверь.
Сколько в балках было песен пропето!
Сколько детишек увидели свет
В домиках этих! А помните, летом

И огород тут, – готовый обед!
Только со временем, как с сорняками,
Стали бороться, пуская под снос
То, что всегда называли «балками»,
Круто решая «жилищный» вопрос.
Грусти нет места, но в памяти цепко
Домики старые будут для нас
Местом, где юность мужала и крепла.
Жили там честно и не напоказ.

ТЕПЛО СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ

Тепло случайных встреч
 не удержать в ладонях -
Сквозь пальцы просочась,
 уходит, как песок.
И только поутру тебя печаль догонит
И на излёте снов
 вдруг застучит в висок.
Случайно в мире всё –
 из тысячи касаний
Ты выберешь одно.
 Пошлешь ему в ответ
Внезапный быстрый взгляд
 и взрыв твоих желаний,
Найдя бикфордов шнур
 в листе опавших лет.
Расплещется огонь,
 сметая всё, что было,
И отрицая всё, что завтра может быть.
Солжешь ли ты, поверив в то,
 что полюбила?
Но точно не сумеешь так легко забыть.
Тот вечер, что тебе пригрезился
 в тумане,
Объятая сильных рук и крепкое плечо,
Возникнув миражом, поманят –
 и обманут,
И сердце замолчит, горячее ещё.

ПУТИНА ТАТЬЯНА

РАДИ ТАКИХ МОМЕНТОВ СТОИТ ЖИТЬ!

Ради таких моментов стоит жить!
Когда ты смотришь с высоты на город,
Когда бежишь к закату ты навстречу,
Когда влюблен ты в облака.
Когда аккордам песен lumen,
Внимаешь ты со всей душой
Когда ты жить не можешь без огня,
Ради таких моментов стоит жить!
Когда прикован взглядом
Ты, к луне золотистой,
Когда звезда в небесной выси
Завораживают душу
Когда в моменты эти ты СВОБОДЕН
Паришь над всеми высоко,
И только в те моменты,
Мы становимся такими,
Какие есть на самом деле.
Кто-то пройдет равнодушно глядя,
Кто-то улыбнется про себя невпопад,
А кто-то как я,
Будет смотреть и смотреть в небо,
До тех пор,
Пока глаза не заболят.

Я ЖЕЛАЮ БЫТЬ САМОЛЕТОМ

Я желаю быть самолетом!
И беспечно летать над Землей.
Чтобы дом мой был – аэропортом,
Облака мне бы стали – семьей.
Я желаю быть самолетом!
Удивляется всему и везде!
Не скучать в голубом небосклоне,
И ходить на свиданье к звезде.

Я желаю быть самолетом!
Жизнь в полете прожить свою.
Возьму радугу главным пилотом,
И украсу планету всю.

ЖИТЬ!

Пробовать!
Пытаться!
Взлетать и падать!
Начинать всё с начала!
Стараться.
Строить, ломать!
Любить, ненавидеть!
Прощаться...
Идти вопреки всему.
Развиваться
Побеждать!
Улыбаться

* * *

Какое блаженство Тобой не страдать,
Какое везенье в толпе не узнать,
Ты знаешь, довольна я жизнью вполне
Что не грущу по ночам о Тебе.
Я Тебе не дарила весной сонеты,
Осенью я не жду писем Твоих,
Мы не гуляли с Тобой по проспектам,
И в «Контакте» не посылала приветы,
Дыханье от смущенья затаив.
Но я так люблю думать о Тебе,
Как ты? Где ты?
Хранишь ли в своей памяти Меня?
Но... это только на мгновение одно!
А в целом, все прошедшее давно!

РОЗА САЛАХ

В ГРАЦЕ

Грац - после Вены второй по величине город, по красоте, достопримечательностям, богатству ничуть не уступающий столице Австрии. Грац - часть Штирии, федеральной земли. Я, можно сказать, - совершенно счастливый человек: навестила несколько раз этот великолепнейший город, с современными архитектурными сооружениями, своеобразными зданиями, улицами, парками, благоустроенными троллейбусами, трамваями, похожими и непохожими на наших, российских.

«Фиат» Харальда оставили у железнодорожного вокзала в Бруке, сели в поезд и отправились в Грац. И здесь всё по-другому: благоустроенные вагоны, обходительные, очень внимательные проводники. Только и слышишь приветливое обращение обслуживающего персонала: «Грюсс Готт! Данке шён! Видершауен!» С нами и Райнхард. Как без него? Он в выходные дни привык повсюду ездить с родителями. И на этот раз предпочёл экскурсию в Грац, отказался от поездки к бабушке с дедушкой в Миттердорф. Одет он по сезону: на нём осенняя тёмно-синего цвета куртка, на голове такого же цвета спортивная шапочка с помпонами. На улице прохладно, как-никак конец декабря. Солнечно, к обеду снег может растаять, открывая в ложбинках зелень. За вагонными окнами мимо пролетают одно и двухэтажные дома с красными, синими крышами из черепицы, в предгорьях пасутся коровы, овцы. Проезжаем горы, низкие и высокие, кое-где покрытые снегом. На станциях короткие остановки. Дверца купе стеклянные, прозрачные, поэтому видно, как мимо купе проходят пассажиры. В купе вагона тишина, только слышно перелистывание соседом свежей газеты. Нас четверо. Тишину шутками то и дело прерывает Райнхард. Он пересаживается то к матери, то к отцу. Полукасовая езда на поезде его переутомляет. Харальд иногда сыну делает замечание.

- Папа, ты в детстве тоже был непослушным. Тебе от папы ох и доставалось. Больше надо было! Обстановку смягчил проходящий мимо мальчишка: увидев свою похожесть в купе, остановился, прилип к стеклу, глядит, не отрывая глаз. К двери подбежал Райнхард - перед ним стояло его отражение: одинаковые куртки, у обоих из-под шапочки с помпонами выглядывают русые кудри. Так продолжалось минуты пять. Помешали родители мальчика, почти близняшки. Через сорок минут мы на остановке автобуса. Странно, для меня ново - часы и указатель - табло - через пять минут наш автобус.

- Мама, смотрите,- ко мне обращается Харальд,- обратите внимание вот на эти сооружения. Это крупнейший архитектурный ансамбль времён сред-

невековой Европы. Мы находимся на левом берегу реки Мур. Здесь особенно красиво, интересно летом: ежегодно проводятся фестивали: «Штириарт», «Тотенштирия». Проходят выставки, концерты, исполняется классическая музыка.

- В Граце зимой тоже красиво, - беседу прервала Светлана. - Сейчас Харальд повезёт нас в крепость Шлоссберг.

Я не отрываю глаз от автобусного окна, люблюсь яркими разноцветными огнями. Под Новый год Грац наряжен особенно: на каждом повороте, улице, перед домами, даже на крышах частных домов стоят нарядные ёлки с игрушечными дедами морозами, шарами, лампочками.

- На следующей остановке выходим, - предупредил нас Харальд.

Перед нами суровая, могучая крепость Шлоссберг, «Замковая гора», бывшая резиденция императора. Это надо только видеть! Перед воротами толпы туристов с разных концов земного шара: японцы, китайцы, африканцы, европейцы. Разноязычный говор. Народ со всего мира! На вершине горы, привлекая внимание туристов, красуется Часовая башня - символ Граца. Башня возведена в 1561 году. Часть туристов, любители пеших прогулок, на Шлоссберг взбираются по крутой «военной тропе.»

- Возможно, именно этой тропой на крепость поднимались воины-чужеземцы. Поэтому её называли военной. Крепость от врагов оборонялась. Никто вершины не достигал - получал достойный отпор, - почему-то виновато улыбаясь, рассказывает Харальд, - крепость не устояла перед Наполеоном. Помимо «военной тропы», есть горная канатная дорога, лифт и фуникулёр.

Мне страшно стало, не могла представить - лифт на такую, почти километровую высоту. Вдруг, опередив нас, четверых, мальчишка, одиннадцати-двенадцати лет, с роликами на ногах, нажал на кнопку лифта, поднялся вверх. Мы воспользовались фуникулёром, железной дорогой с канатной тягой. Впервые в жизни я на таком виде транспорта. Крутой подъём. Быстро и очень удобно, поначалу было страшновато. Мы не одни. Напротив нас удобно расположились туристы-итальянцы, их - человек пятнадцать. Через считанные минуты мы оказались на самой вершине крепости. Нас встретили те же облака, плывущие прямо над головой. В детстве я стремилась ввысь, мечтая летать и ловить руками эти тучки-облака. Тут вот они! Лови капли дождя, плывущие над тобой! Присели на скамейку отдохнуть - по асфальту на роликах мимо промчался тот мальчишка. Перед нами внизу, под горой, открылась панорама Старого города. Харальд, окинув взглядом всё вокруг, заговорил:

- Смотрите, впереди главная площадь города, в центре - Рагуша. В 1999 году Старый город Граца решением ЮНЕСКО признан объектом культурного достояния мирового значения. Грац является «европейской культурной столицей». Видите? Протекает река Мур. Здесь зима мягкая, в Австрии реки не

замерзают. Вон - свободно плавают лебеди, утки. Их люди подкармливают. На реке для различных развлечений создали искусственный остров.

- Как? - удивилась я.

- В былые времена эта гора на своей вершине несла настоящую крепость, здесь были военные укрепления, массивные сооружения, стояли башни,- продолжает рассказ наш постоянный экскурсовод Харальд.

Шлосберг - и сейчас крепость: каменные стены, здания, лестницы-тропы, ведущие к Замку, к домам, видно, недавно построенным для работников музея-крепости. Как ни странно : зима, а перед крыльцом домов, на несколько минут запорошенным мелкими снежинками, уютно расположились декоративные натюрморты из нескольких тыквинок, схваченных лёгким морозцем кустика с красными ягодками, еловыми ветками.

- Тыква - в Штирии главный овощ, ему даже поставлен памятник,- говорит Светлана.

- В ресторане обязательно закажем блюда из тыквы. Очень вкусно, - добавил Харальд и нас пригласил по лестнице спуститься к орлам.

Огромная, гордая, необыкновенная горная птица не на свободе. Я сначала восхитилась величию, красотой орла, но тут же вспомнила и сравнила его с пушкинским орлом. Жаль, что вольнолюбивый орёл лишён возможности свободно летать над просторами Альпийских гор, по-орлиному наслаждаться жизнью. Для него, музейной редкости, на небольшой горной площади со скалами и несколькими ветвистыми деревьями, отгороженными сетками, создали некоторые условия жизни. Я, как и другие туристы, «встретилась взглядом» с орлом. На прощание невольной птице пожелала свободного полёта «туда, где за тучей синее небо».

* * *

Через год я снова в Граце, но уже в городе молодёжи и студенчества. В Граце всего четыре университета. Для любознательного туриста история университетов очень интересна. Главный Грацкий университет был основан в 1583 году эрцгерцогом Карлом II. Над входом в главный корпус университета крупным шрифтом на немецком языке написано: «Карл-Францес-Университет Грац». В этом университете училась и успешно закончила сестра Харальда Аделхайд Шпрайтцхофер. Недавно она защитила докторскую диссертацию на тему «Афран унд фолген», преподаёт латинский язык. У сестры Харальда своя семья. Аделхайд живёт и работает в Граце.

Для поездки в Грац выбрали воскресенье, выходной день. Другие дни, кроме субботы, и Светлана, и Харальд на работе. Здесь всё очень строго: не отпрашиваются, как это часто бывает у нас, не берут отгулов (их здесь вообще не бывает), пожалуйста, в любой день гуляй, но только в счёт отпуска. Везде

свои законы, порядки. Харальд - вновь наш неутомимый, всё знающий экскурсовод, рассказчик. Говорит он на своём родном языке. Кое-что я понимаю, в качестве переводчика - Светлана, а то и Райнхард. Он с папой общается только на немецком языке. С мамой тоже, но та на все вопросы сына отвечает только на русском. Райнхард запоминает русские слова, с пелёнок слышит русскую речь. Однако без него не обходится ни одна поездка. Нам скучать не приходится: Райнхард нас бесконечно развлекает, переводит, помогая маме, с немецкого на русский: «Артур по-русски говорит хорошо, я - плохо. Почему?» - снова спросил Райнхард.

- Ты тоже будешь говорить по-русски, потому что я русская мама.

Университет закрыт. Перед фасадом университета - таблицы-указатели, в каком здании, где находится тот или иной факультет. В главном корпусе, высоком, с своеобразным архитектурным украшением,- ректорат, деканат немецкого языка. Харальд и Светлана не раз бывали здесь, поэтому знают местонахождение всех факультетов. Напротив главного корпуса - студенческая столовая.

- В столовой для студентов всё очень дёшево, притом вкусно готовят,- говорит Харальд.

- Папа, я вырасту - ты меня так же, как и Артура, привезёшь в Грац и сдашь учиться?

- Артур в университет сам поступил и сам учится, я только помог ему сдать документы.

Да, мой внук Артур Шефер в известный в Австрии университет выдержал вступительные экзамены и учится на факультете межкультурных коммуникаций, выбрал для изучения немецкий, английский, русский языки, желает освоить арабский, для него совершенно незнакомый и очень трудный язык. В метрах ста от главного корпуса - двухэтажное здание с красной черепицей, здесь преподают английский язык.

- Русский и арабский языки обучают в здании подальше, - поясняет Светлана,- на автобусе остановки две, Артур не пользуется услугами автобуса, ходит пешком, а то и бегаёт.

Райнхард выбрал автобус. Издалека заметив его, подошёл к остановке, рукой пригласил нас.

Русский язык изучается только в университетах. К большому сожалению, он преподаётся только в некоторых школах. Все школьники изучают английский (во всех учебных заведениях как обязательный), латинский, итальянский, испанский, французский, но только не русский. Очень обидно! Я стою перед трёхэтажным зданием, где ежедневно, кроме выходных дней, звучит прекрасный русский язык. Представила само преподавание, учителей - доцентов, профессоров. Сравнила: как я в институте изучала немецкий как

иностранный язык? Как мне его предподносили? Почему я не владею им? Если владею, то кое-как.

- Артур - просто молодец! - к такому выводу пришла я. - За каких-то пять лет учёбы в восьмом классе школы второй ступени и гимназии в совершенстве усвоил немецкий. В российской школе как иностранный в пятом, шестом, седьмом классах изучал английский язык. Помимо того, полтора семестра английский язык преподнесли ему и дали хорошие знания американские учителя в школе, организованной при Сити-центре в городе нефтяников Нижневартовске. Он уже, перед отъездом в Австрию, говорил по-английски. Какое терпение, сила воли, трудолюбие в нём, в моём внуке! В течение пяти дней Артуру приходится вставать в пять утра, от дома до железнодорожного вокзала добираться на велосипеде, до Граца пятьдесят километров - на поезде, там - автобусом в университет.

Изучение иностранных языков, знание их - жизненно важно каждому из нас.

ВАСИЛИЙ ЗОЗУЛЯ

МЕЛЬНИК

Под Новый год крепко задумался электромонтёр Рафаэль Сабитов о своих скудных запасах продовольствия. А всему виной штормовой экономический ветер. От него и цены в магазинах скачут, как давление у метеозависимого гипертоника, и бессонница. Думает, гадает Рафаэль над тем, как ему быть, места-то в подвале гаража имеет много, а заполнить его нечем: зарплата – кошки слёзы, урожая на даче нет – спасибо наводнению. Походит он по квартире, где с майских праздников начат ремонт, поднимая цементную пыль с черного пола, сядет на крохотной кухне и пьёт «красненькое», тоскливо глядя на весёлую ребятню во дворе. Своих детей у Рафаэля нет, а жена на месяц уехала к родным в отпуск. Смотрит он в окно на ребятню, смотрит, а только и замечает, что в стекле отражается, кроме него, еще и немытая горка посуды в раковине. Гостей давно не было, а, вот, поди ж ты, накопилось за холостяцкую неделю.

Вдруг звонок телефона.

- Аллоу-хеллоу, - говорит Рафаэль, с трудом ворочая языком.
- Привет! – весело здоровается на том конце провода с ним кто-то.
- Не узнаю, – честно признаётся Рафаэль.
- Брателло, да ты никак нализался уже, – не открывая своего имени, удивляется таинственный знакомец.

- Ещё нет, но собираюсь.
- Зови в гости, дело к тебе есть.
- Срочное дело?
- Стопудовое...
- Приходи! – приглашает Рафаэль.

Через час в дверь его квартиры громко постучали. На пороге с газетным свёртком в руке – Раздобреев, бригадир монтажников.

Рафаэль, узнав гостя, зовёт его к столу, правда, из угощения намерен предложить варёную картошку и получёрствую булку пшеничного хлеба. Никакой выпивки в доме нет. Чай и кофе Рафаэль не держит, считая их продуктами для себя необязательными. Когда заканчивается вино – пьёт кипяток, без сахара, добавляя в него для вкуса топленое баранье сало, прошлогодний гостинец от родственников.

Раздобреев ставит на стол «беленькую» и говорит, скорее упрекая, нежели сочувствуя:

- Скучно живёшь, Сабитов, скучно...
- Жена уехала, - поясняет Рафаэль и принимается за мытьё тарелки и стакана для гостя.
- А она у тебя есть? – спрашивает Раздобреев и, пошатав хлипкий табурет, предусмотрительно садится на подоконник.
- Как у всякого порядочного человека, - без обиды отвечает Рафаэль, сервируя стол.
- Это вопрос дискуссионный, а я к тебе не за этим зашёл. У тебя гараж есть?
- Есть.
- А в нём ты что держишь?
- Да «Жигули» и держу.
- А у меня мука есть...
- Много? – спрашивает Рафаэль, отвинчивая крышку с горлышка «беленькой».
- Тебе хватит, - говорит Раздобреев, беря в руки гранёный стакан.
- Мне мука не нужна, - отказывается Сабитов, осторожно наполняя стакан гостя.
- Так я тебе не килограмм предлагаю, ты килограмм и в магазине можешь купить.
- Могу, - соглашается Рафаэль, и, отпив из металлической кружки, поясняет:
- Но не куплю, у меня денег нет.
- Так и у меня нет! А мука есть! – радуется гость.
- Поделиться хочешь? – глаза хозяина убитой квартиры стали масляными.
- Обмен пойдёт? – спрашивает Раздобреев и опрокидывает в ковшеобразный рот «горькую».

- Я, как бы, не нуждаюсь...

- Это вопрос дискуссионный, - утёр широкой ладонью мокрые губы Раздобреев и потянулся за закуской. - Предложение моё, Рафаэль, тебе выгодное. Век благодарить будешь. Отвечаю. Родному брату так не одолжу, а тебе – только кивни головой.

- Менять муку на что предлагаешь?..

- На твою машину. По весу, заметь, килограмм на килограмм, - Раздобреев поднял вверх указательный палец. - Кто тебе такое предложит?

- Никто.

- Только я. В новом году цены обязательно вверх на муку пойдут, и, представь, в каком ты плюсе будешь...

- Это надо посчитать и с женой посоветоваться...

- А что тут подсчитывать и советоваться, говорю же, по весу обмен будет... Неси паспорт на машину и ключи от гаража, пока я не передумал.

На другой день обмен состоялся: полдня возили в гараж на крыше «Жигулей» мешки с мукой. В багажник Раздобреев загружать не позволил, убираться долго и мучительно пришлось бы. Вся погрузка и разгрузка мешков легла на плечи Рафаэля. Он не роптал, с радостным сердцем заполнял гараж. «Что деньги и машина, - думал он, - их не съешь, а тут – полторы тонны муки! Десять лет, что хочешь из неё пеки и жарь каждый день: из этого мешка – кузикмяки [1]; из этого – кубете[2], пока не надоест. А какие будут эчпочмаки[3], губадии[4], вак-бэлиши[5], зур-бэлиши[6]... Гульнара будет так рада, так рада...».

Не прошло и трёх дней после удачного обмена, как в гараже завелись мыши... Что только ни делал Рафаэль, чтобы избавиться от них, даже пробовал ночевать там после работы, – не помогло, мешки портились один за другим. К весне из пятидесяти мешков у Рафаэля остался целым только тот, что он унёс домой. Пекла ли ему Гульнара что-нибудь из его приобретения – никто не видел и не пробовал. Но с той поры для приятелей он стал – мельником.

[1] Кузикмяки – горячие лепешки из пресного теста, сложенные вдвое, с любой начинкой: будь то картофель с луком, пшеничная каша с маслом, тыквенное пюре, мак и др. в татарской кухне.

[2] Кубете – татарский пирог с мясом и картошкой.

[3] Эчпочмак, учпочмак – тат. и башк. нац. блюдо, печёное изделие из дрожжевого, реже пресного теста, с начинкой из картофеля, мяса, как правило баранины, и лука.

[4] Губадия – блюдо тат. и башк. национальной кухни, закрытый круглый многослойный сладкий пирог к чаю, однако, существуют вариации рецепта, включающие мясо.

[5] Вак-бэлиш («маленький бэлиш») – в тат. и башк. кухне печёный круглый пирожок, обычно из дрожжевого теста.

[6] Зур-бэлиш («большой бэлиш») — бэлиш с бульоном.

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

г. Мегион

Елена
Гостева

Татьяна
Юргенсон

Габибулла
Мирзаев

К лютой зиме
 иль каким-то еще передрягам?
 ... Угрюмый водитель,
 прищурясь, глядит на дорогу.
 Потом улыбнется и скажет
 (меня иль себя убеждая?):
 -Ведь нет гололёда,
 доедем нормально...

А давай-ка пройдем пешком
 Накануне уборочной
 С носким дедовым вещмешком
 По дороге проселочной.
 И проверить бы, и боюсь,
 А жива ли крестьянская
 И работная прежде Русь
 Или вымерла, пьянствуя.
 В стороне от больших дорог
 Сплошь следы запустения,
 Редко старенький тракторок
 Бродит в прежних владениях.
 Лопухи озверело прут,
 Где стояли часовенки,
 А на спусках к реке гниют
 Отслужившие сходенки.
 Где паломники раньше шли,
 И где гнали колодников,
 Мы взыскуем святой земли –
 Чьи незнамо угодники.
 Ну а если придём туда,
 Где поля обихожены,
 По отавам бродят стада –
 Травы вовремя скошены,
 Где пропахли насквозь смолой
 Разульбые плотники,
 Там попросимся на постой
 Да наймемся в работники.

ТАТЬЯНА ЮРГЕНСОН

Я ВИДЕЛА, КАК ПЛАЧЕТ ДЕРЕВО...

Я видела, как плачет дерево -
 Стыдливо и безнадежно,
 И как смеялся ветер
 Над этой минутной слабостью,
 И покрывались слезы те
 Пылью придорожною,
 А ветер купался в них,
 Переполненный своей радостью.
 Я наблюдала за рыдающим утром,
 Накрепко скованным туманом,
 А над ним хохотало море,
 Пася стада своих белых барашек.
 Солнечный луч едва продирался
 По тропе незаметной, обманной,
 Золотя спину морского прибоя
 И утирая слезы озябших ромашек.
 Я плакала вместе со Вселенной
 Бесконечно и вдохновенно.
 Мои слезы превращались в звезды,
 А может, Вселенная стала мною.
 Но было легко истекать водою,
 Становясь призрачным утром
 И деревом, и морской волною,
 И знать, что ничего еще не поздно...

В ПРОШЛОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ...

В прошлой своей жизни
 Я была тростником бамбука
 Из которого нищий поэт
 Сделал свою свирель
 Он бродил по дорогам индии
 Слагая грустные мелодии
 И они светлыми каплями слез
 Стекали по лицам людей.

МОРЕ...

Море лу-
Чилось –
Чинилось,
Как краля
Пред зеркалом,
Отражаясь в небе
На тысячи крайностей –
Раз – и билось
О хмурый берег,
Не видя края.
И старая лодка пела
Скрипом
У-
Ключин,
Ключами к глубинам про-
Странства
И странных
Странников
С крыльями за плечами
Сникшими без дела.
Лишь трепетный парус
Уз
Не ведая мчит
Синей саржей
К месту сра-
Жений
За поражением
Или победой,
Всхрапывая над буг-
Ривой,
Игривой волной,
Ловя ярость
Призывной песни.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Закончилось время колядок
И гаданий в ночи.
Под пристальным сумрачным взглядом
Невинно стекляшка молчит.

Его отраженья фантомны
И просто лишь отзвук страстей
Что роем кружатся в бездомной
Затерянной сущности сей.

Развеет ли морок крещение
Иль по судьбе так дано –
Что в поисках вечных, в мученьях
Жизнь постигать всё - равно.

КОГДА МЕЖДУ МНОЙ И ТОБОЙ...

Когда между мной и тобой
Распахнулись ворота -
Появилась тропинка... дорога
От самых кончиков пальцев
Моих ног до твоих.
И вот мы идем
Друг другу навстречу
То бегом, то шагом
И только навстречу.
Но путь этот странный,
Однажды получив начало,
Не хочет достигать завершенья.
И все так же меж нами
Распахнутые ворота,
И стоит только протянуть руки,
Как пальцы вступат

друг другу в ладони...

Но почему мы не верим рукам,
А продолжаем идти и идти?

ГАБИБУЛЛА МИРЗАЕВ

ДОМОВАЯ ЗМЕЯ

- Я помню, - говорит жена, - в детстве, у нас дома водилась большая змея, в том старом доме, что была с глиняной крышей. Откуда забирал ты меня, невестой. Она спускалась с угла потолка, хвостом держалась там, пила молоко из блюдца на полу, которую наливала ей моя бабушка. Напившись, поднимала голову и, используя своё тело как канат, опять уползала под крышу. Говорили, что бабушка даже разговаривать могла с ней.

- И что дальше? – любопытствовал я.

- Ой, Габиб! Точно не помню всех подробностей. Потом, поедem в отпуск, там мама тебе расскажет. Помню только, что из-за этой змеи у нас умерло четверо детей. Кто сразу, кто постепенно. Заболел ребёнок так, что и врачи не могли понять почему.

Наступившим летом, сидя во дворе под навесами у родителей супруги, я вспомнил про ту историю. Окинул двор взглядом. От привычного старого дома, который стоял здесь в глубине, не осталось и следа. Взамен его выстроили одноэтажный дом с шиферной крышей и широкой верандой.

- Mam, недавно жена упоминала одну историю, про змею, которая жила у вас. Это правда?

- Ой, сынок! Не вспоминай! Из-за неё, зараза, я четверых детей потеряла.

- Целый год ждал, пока в отпуск приедem, что бы услышать её. Пожалуйста, мам, как бы тяжело вам ни было, я б хотел её услышать. Интересно, так!

Тяжело вздохнув, в ответ и присев, она начала свой рассказ:

- Молодой я тогда была, глупая. Свекрови у меня не было. Умерла она, когда братья мужа были ещё маленькими. Их всех подымала, сынок! Жива была бабушка мужа. Иранка по происхождению. Хорошая была женщина! Добрая! Пусть Аллах простит ей все ее грехи и предопределит ей там хорошую судьбу! Для меня как мать была! Учила, подсказывала, какой должна быть женщина в доме, в семье! Помогала во всем, в чём могла! И людей лечила чуть ли не от всех болезней! У кого недуг, у кого бесплодие, кому гланды, кому глаза. Всё знала! Умная была! Помню, сахаром делала надрез под веком – кровь пускала, и лечила глаз. Сама по пояс парализованная, но сидеть могла. Волосы длинные, черные, без единой седины. И голову мыла только отстоявшейся дождевой водой. У неё, по новой, выросли молочные зубы. Больше 100 лет жила! Так было, что она ползком, - боком так, передвигалась в доме. Наливала молоко в чашечку, ставила в углу и звала её – змею. Разговаривала, как с человеком. Мне так страшно было! Я под всяким предлогом убегала оттуда. Змея спускалась с потолка. Тогда камышом накрывали дом и глиной мазали сверху. Хвостом держалась и висела, пока не выпьет молоко. Шипела так,

глядя на бабушку, как будто слушала её или разговаривала по-своему, потом уходила. Очень, сынок, боялась ходить туда. Отправляла еду с детьми, они не боялись. Привыкшие были. Купать ходила после того, как уходила змея. Летом купала во дворе. Детей выгоняла на улицу и купала.

В тот год, я была в положении пятого по счёту ребёнком. По весне люди приводили дома в порядок: чистили дворы, белили заборы, ремонтировали крыши. И вот, когда я расковыривала потрескавшиеся трещины на крыше, чтобы замазать их свежей глиной, я увидела там гнездо с четырьмя небольшими яйцами. Думала гнездо птицы, небольшое такое! Хотела отставить пока в сторону, чтоб замазать, потом, думаю, под крышу занесу обратно, с улицы, чтобы птице удобно было. Подумала и о том, как бы птица не бросила своё гнездо из-за чужого запаха в нём. Взяла снизу. Одно яйцо, не знаю как, соскользнуло и упало на твёрдую глину. Разбилось! Поймать я то яйцо не могла, двое руки были заняты гнездом, чтоб не рассыпалось. Когда из разбитого яйца вместо птенца увидела маленькую змею, я страшно испугалась. Не помня себя, стала кричать и бить лопаточкой ту змейку, а вместе с ней и всё гнездо, откуда снова появлялись маленькие змейки. В ужасе, в страхе от неожиданности, я не слышала никого и ничего! И бабушку не слышала, и просьбы её о том, чтобы не трогала я их. Не могла остановиться. Продолжала кричать так, что всё село, потом сюда сбежалось. Меня сняли с крыши, долго отпаивали и брызгали водой - приводили в чувство. Потом услышала бабушку, которая плакала и спрашивала: – «Зачем, дочка, ты убила их? Что ты сделала?»

Она долга болела. К нам она не выходила и к себе не пускала. Очень переживали за нее. Нас не то чтобы видеть и слышать не хотела. Только просила остерегаться змею, быть внимательными и смотреть, куда наступаем.

Однажды позвала меня к себе и сказала;

- Дочь, моя! Все эти дни просила ее простить тебя и дальше буду просить. Но, видно, она обезумела. Не может. Тебя не будет трогать - грозитя убить детей твоих. За каждого - по одной. Все уговоры мои безуспешны. Сумей, дочка, смириться с судьбой!

Я в таком страхе жила, что готова была сойти с ума. Не могла ни есть, ни пить, ни спать. Мне казалось – она везде, где находилась я. Всегда чувствовала на себе ее взгляд. Я не видела её и не слышала, пока не родился ребенок, которого она «забрала» первым.

В этот день бабушка во дворе была. Стала плакать, просить: – «Уходи! Пожалуйста, уходи! Пожалей его! Прояви милость! Не делай этого!» Громко плакала, как ребенок. Мы не понимали, кому она говорила. Затем сникла и тихо сказала: - «Сходите, посмотрите ребенка, он долго не подаёт голоса».

- «... Мама, он не хочет просыпаться» - кричали дети. - Мы его будим, а он не просыпается!

Ребенок был мертв. Красивый такой, весёлый, здоровый! Так улыбаться любил! Отчего умер, так никто и не понял, пока бабушка не припомнила нам змею!?

- Следов укуса тоже не было? – спросил я, заинтригованный её рассказом.

Она, молча, покачала головой из стороны в сторону, словно не соглашалась со мной.

... После похорон ребенка, бабушка позвала меня к себе, усадила рядом и с болью в голосе сказала:

- И она очень сильно горюет по своим не родившимся деткам. Не может она простить тебя. Говорит, что тот приплод её был от принца.

В страхе, потихоньку я превращалась в камень. Понимала, что мне никто не поможет. Ведь мстила мне мать и мстила, как матери, которая убила ее детей. Она знала, как мстить. Сейчас бы я убила ее, заразу, но тогда я очень боялась. Боялась, потому что после смерти ребёнка поняла, что я натворила. Как околдованная стала жить. Кормила утром детей и уходила на работу до вечера пропалывать виноградники. В каждой виноградной ветке я стала видеть змею, черенки лопат и граблей, даже брошенных рабочими в кучу, представлялись мне переплетением змей. Я не знала, как защитить мне своих детей.

Долго, сынок я так жила пока во мне не родилась мысль или, вернее, не пробудилось во мне материнское чувство, инстинкт. Не знаю как это правильно назвать, сказать, неважно! Я вдруг поняла, что она хочет. И как мне огородить, защитить, сохранить моих существующих детей, тоже. Природа сама дала мне решение. Я поняла: мне надо рожать для неё новых детей. Она так хотела. Живых она не тронет, пока я буду рожать. Она будет ждать новорожденного! Вот что было надо ей! Вот какую игру она навязывала мне.

Каждый последующий год я рожала ей ребенка, зная наперёд его судьбу. После двух месяцев от рождения, когда и четырёх, уже подходя к дому, я чувствовала новую смерть. Душа моя черствела с каждой потерей. Во мне временно заглушились все радости жизни. Я не плакала, только слезы катились. Не знаю почему? В сердце, кроме злости, не было ничего. Внутри, я говорила ей: - «Я, сильнее тебя. И умнее тебя. Я буду рожать тебе ребенка, ещё и ещё. Я разгадала твою гнусную месть! Ты отнимаешь у меня новорожденных детей, чтобы с каждым новым отколотым кусочком моего материнского сердца заглушать в себе свою материнскую боль, наслаждая себя умиротворением того, что, как мать, ты дорого возьмешь за каждую погубленную мною душу своей «твари» от Бога? Хочешь убить во мне мать, чувство матери, каждый раз, отнимая во мне радость нового материнского счастья? Эта твоя месть? Будь ты проклята, зараза! Ты меня не тронешь и не тронешь моих живых детей. Ты ещё хочешь, чтобы я боялась тебя. Но я больше не боюсь тебя».

- Последнего, после того как накормила, помню, как сегодня, перепеленала, уложила в колыбель, накрыв тонким летним одеялом сверху. Когда он уснул пошла во двор, заниматься хозяйством. Как обычно!

На этот раз по тропинке, что ведет в огород, змея дала себя увидеть. Раскачивающая голова над высокой травой приковывала мой взгляд. В ее черных, бездонных глазах я видела, сынок, слёзы. Я правду говорю! Она, зараза, плакала. Ещё я поняла и куда она направилась. Клянусь, поняла! Только я не могла двинуться. Через время у меня слезы пошли и я как бы проснулась. Сразу побежала в дом. Колыбель была не тронута. Всё так же, как я и оставляла. Но когда приподняла одеяло, то увидела её рядом с ребенком. Она лежала, свернувшись, у изголовья и не двигалась. Голова покоилась на лбу новорожденного. Они оба были мертвы.

Стояла тишина. Пролетавшие над двором сороки, воробушки, доселе кувыркающиеся в дворовой пыли под веселое их чириканье, ветерок, несущий с моря временами влагу и морскую прохладу, казалось, в ужасе замерли там, в том дворе, слушая ту трагическую историю о змеиной материнской мести человеку, женщине, тоже матери.

Лишь ее нос, частым шмыганьем, нарушал пугающее безмолвие двора. Она, закончив свой рассказ, некоторое время молчала, блуждая над нашими головами печальным беспомощным взглядом влажных глаз, временами вытирая очередную накатившуюся слезу. Мы понимали, как тяжело давались ей те воспоминания. И, во взгляде было видно сожаление. Сожаленье того, что случилось по воле судьбы, не по разуму своему. Сожаленье того, что было уже не избежать и не изменить. Не изменить то, что уже случилось. Сожаление о том, что время назад было не вернуть! ... Ну, ... и ..., наверное, смиренность с действительностью. Меня поразила воля этой женщины. Сила её духа в желании её, победить. Она сильная женщина! Она, смогла смириться с судьбой, со своей судьбой, предначертанной ей змеёю. Думаю, она теперь и не винила в том, змею. Винила себя за свой страх, за слабость женскую и своё бессилие. Мы, слушавшие её, чувствовали в ней теперь ни страх, ни слабость и ни беззащитность её, а силу её материнства, гордость победы! Ведь она, простая пугливая женщина, ставшая матерью, в тяжелой неравной борьбе с чудовищем, в змеином облики, сумела не сломиться, выстоять и не только выстоять, но и противостоять обезумевшей холодной мерзкой ползучей твари - владычице гипноза. В своём желании - просто быть хорошей матерью для своих детей, своих первенцев, уже родившихся ранее и уже живущих под её крылом, в материнских желаньях - просто сохранить им жизнь, при этом жертвуя собой и своими инстинктивными чувствами от природы, она смогла выстоять, сумев сделать правильный выбор, выбрав из двух зол - наименьшее! Мы и сами были не менее горды за неё!

Перебирая в уме услышанное, я невольно, повернул голову в сторону жены, которая тоже внимательно слушала страшную историю своей матери, о трагической смерти четырёх следующих за ней братьев и сестёр. В мозгу, не без восхищения, молнией пронеслась мысль: - «Так вот ты, из каких матерей будешь - мама моих сыночек?»

- Здесь, этого навеса, раньше не было, - продолжала свой рассказ седая женщина от возраста, смуглая по природе своей и солнца, худая и уставшая от непосильного изнурительного ежедневного труда, с душой железной воли. - Здесь, ... чуть в стороне, ... стоял куст тёрна и рядом большая глыба камня. Временами и люди замечали, что камень уже не там, где находился раньше. Было ощущение того, что он незаметно глазу человека перемещался по двору с одного места на другое. Люди, сельчане в основном, приходили сюда, читали молитвы, вешали косынки, платки, куски материи. Потом это все куда-то пропало. Никто не помнит когда не стало того куста, с камнем. Скажу только, что после всего этого случившегося, тяжело пришлось семье. Трудно было. Бабушка умерла, болезни пошли. Неудачи, недуги, неурожай, проблемы с детьми, всё обрушилось разом на нас. Будто, что забрали у нас. Увели. Отняли. Неприятности до недавних времён так и сваливались на семью, как из ведра ... Не было ни радости, ни счастья, зараза!

Охрипший голос и расстроенные чувства составляли основу жалости и сострадания того рассказа.

- ... Прошло время. Потом я родила Эдика. Растила и всё равно боялась за него. Слава Аллаху! Потихоньку стало всё нормализовываться. Выросли дети. Все обзавелись уже семьями. Появились внуки, а то и правнуки. Сами, видя их радости, радуемся жизни. Всё хорошо, сынок! Грех нам теперь жаловаться!

Через некоторое время, будто чего вспомнила, улыбнулась. В глазах засветилась радость, искорка.

- ... Недавно, - намеревалась она продолжить свой разговор и запнулась, озираясь по сторонам, словно боялась быть кем-то услышанной. Во взгляде промелькнули сомнения. Сомнения чего то, ... боязненного, ...

- Мне кажется, вы нам чего-то недоговариваете, мам? – осторожно спросил я.

- ... Несколько раз, ... я, уже здесь, стала снова видеть новую змею. Она, вот такая, маленькая – показала она её размеры, разводя руками. Она живёт в подвале нашего нового дома! - в ее глазах блеснула не то радость, не то восторг? – Детей я туда не пускаю. Думаю, ... что это, ... - к хорошему! – тихо, как мысли в слух, выговорила она, заливаясь застенчивой краской. Опустив глаза, она застыла сидя, волнительно уставившись на свои огрубевшие руки с искорёженными пальцами и со вздутыми венами под тонкой исцарапанной кожей. Потом, ещё тише, с ноткой надежды в голосе мечтательно изрекла;

- Люди говорят: - «Берекет вернется в дом!»

Осматривая взглядом большой двор, изучая в нем каждую его составляющую, в тишине знойного дня, я вдруг представил себе преобразившийся их дом, двор, наполненный детьми, стариков, сидящих под навесом, с искринкой счастья на лице. В глазах у них светилась радость.

- Аминь! Пусть будет так, – в тишине прошептал я.

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

г. Салым

Любовь
Нерягина

ЛЮБОВЬ НЕРЯХИНА

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Всё было хорошо - семья как семья: отец, мать и сын. Родители работали, оба в каких-то фирмах. Жили в достатке. В относительном достатке. Думали жить ещё лучше. Мечтали - ещё пару лет, и могут позволить себе машину, а там и о новой квартире, более комфортабельной, можно подумать.

Но сейчас такая жизнь, что лучше ни о чём не мечтать. А уж строить многолетние планы вообще ни к чему. И ещё. Но сейчас такая жизнь, что, если хочешь остаться на работе (на хорошей, высокооплачиваемой работе), лучше молчать. Что бы ни видел, что бы ни делалось на фирме - молчи.

Максим знал это, но пришло время, не сдержался - заступился за одного хорошего сотрудника – отличного работника, отличного семьянина, в результате - оказался «за бортом». Сократили без выходного пособия. А того, за кого он заступался, оставили

- будто в укор ему.

А тут и Мария оказалась «за бортом» тоже по сокращению штатов. И опять могла бы остаться - выгодный работник: взрослый ребёнок, на больничном листе почти не бывает, в выходные, если надо, тоже потрудится на благо компании. Но под сокращение попала женщина, у которой двое маленьких детей. Той бы самой постоять за себя. А она в слёзы: «Что я буду делать, на что жить?» Ну, Мария не сдержалась, влетела в кабинет начальника отдела со словами: «Да как вы можете? у неё малолетние дети!» Начальник отдела только качнул головой - что ты, мол, дурочка, наделала?! А когда она поняла, что наделала, была уже на улице. Не любят у нас заступников. Да и что заступаться, если начальство итак знает, кого увольняет? И зачем? Плетью обуха не перешибёшь. Выгородишь кого другого - в немилости окажешься сам.

Марии ещё повезло - ей выдали выходное пособие. Нет, она могла бы обратиться в суд, и, скорее всего, победа была бы за ней. Но какой ценой? Её бы восстановили, но отношения-то испорчены. И, не дай Бог, прогорит фирма. На другую работу её уже не возьмут. Склочников у нас не любят, а она, по всем параметрам начальства, именно склочница.

Жизнь приняла иной оборот. Сначала лишились достатка, потом вообще сошли на нет. Жили кое-как, питались очень скромно. Стыдно было ходить в магазин. Что они могли позволить себе - макароны, картошку, ну и растительное масло, иногда молоко. А рядом стояли тележки, в которые бухали всевозможные банки, бутылки, колбасы, сыры. Но держались. Изо всех сил.

Хуже всего было Егору. Дети, как никто другой, чувствуют настроение

семьи, и не только чувствуют - воспринимают по-своему, и всё это читается на их лицах. Когда-то весёлый, открытый парень, потихоньку сникал. Уже нет новых рубашек, джинсов, кроссовок, а тут сломался сотовый, и отец смог купить ему только дешёвый, а это больше всего удручало, даже бесило.

Дальше было хуже. Егор уже не мог позволить себе сходить на дискотеку - что там делать без гроша в кармане? А дальше и больше - не мог пригласить друзей домой - куда, в эту нищету, где давно не пахло какой-то дорогой кулинарией, где царит хаос и смятение? Нет, лучше не надо. Парень замыкался, грубел. Он стал изгоем общества. Его сторонились, а ему казалось - им пренебрегали, а порой и злорадно смеялись. Да, сейчас не любят неудачников. Хотя им может стать в наш тяжелый век любой и каждый. Но сейчас их время, они на высоте, а ты в низине, если не в самом низу. Ругал, корил себя - когда-то и ты свысока поглядывал на бедных детей, а они были, а они есть, и они будут в любом обществе - ибо это особый класс, и им сейчас всех тяжелее. Тебе бы помочь, приободрить, даже подружиться с кем-то из них - нет, ты был не из их числа, ты был на полголовы выше.

Всё в жизни предопределено, всё приходит вовремя. Каждый поступок, каждая мысль несёт свою энергетику. Как ты сегодня поступаешь с людьми, так завтра жизнь поступит с тобой. Умный понимает это, мудрый вообще не замечает неравенства - ибо все люди на Земле равны уже тем, что, будь ты трижды богатый и будь ты трижды бедный, каждый приходит в своё время, и каждый в своё время уходит. Ни от жизни, ни от смерти откупиться нельзя. Загадано человеку родиться - он придёт на этот свет и придёт в своём качестве, как был создан, как задуман, раскрыт, и придёт именно к тому, кому он предназначен. Одна женщина рожает, а ребёнок оказывается у других родителей именно потому, что для них он и создан, для них пришёл в этот мир.

Также и со смертью – один всю жизнь копил добро, обманывая других, идя по головам. Одна вилла. Другая вилла. А там и жене, сыну кусочек земли с каким-то домиком прихватить. А что получается? А то, что в один прекрасный день он лишается всего этого, именно потому, что его время пришло, вернее, Время Смерти. И никакие деньги, даже баснословные, никакие виллы, никакое золото, даже бриллианты тут не помогут. Смерть не разбирает: бедный ты или богатый, она приходит и уводит за собой. И как же трудно умирать богатым, неимоверно трудно! Как умирать?! Зачем?! Если всю жизнь копил, если всю жизнь холил и лелеял жизнь, если всю жизнь холил и лелеял себя? Нет! Нельзя! Никак нельзя! А это куда?! Виллы, машины...?

Нет, страшно умирать богатым. Ведь всё: и виллы, и машины он оставляет другим - пусть даже детям, внукам. А его не будет, его уже почти нет.

А любовницы уже отошли – только почуяли запах смерти, только увидели, что он уже одной ногой там. Они, что можно, взяли у него, для них есть и

другие – более молодые (пусть даже и не более богатые). Зачем терять время на дряхлого старика?

И уходит он отгороженным - как сам не позволял себе добрых слов в отношении с женой и детьми (хватит с них денег!), так и они не питали к нему нежных чувств. Уходишь – уходи, освободи место другим.

Легче жить бедняку (по теперешним понятиям - середняку, это по отношению к богачам - бедняку). Приходит в мир бедным, трудится, живёт, печётся о своей семье и о своём любимом деле, и умирает бедным, и жаль ему только семью: жену, детей. И им очень жаль того, кто уходит от них – ибо он дал им богатство, несравнимое ни с золотом, ни с бриллиантами, он научил их жить и чувствовать жизнь. Такие люди идут по жизни или рабочими, своим трудом добывая хлеб, или же геологами, путешественниками, или же учёными, учителями, воспитателями, библиотекарями, врачами. К этой же категории относятся и люди искусства: писатели, художники, артисты. неброский достаток - зато души огромны и чисты, в них столько пламени и добра, что хватает не только на свою семью, но и на других людей.

Да, над такими людьми сейчас смеются, злорадствуют в глаза, выставляя напоказ свои цепочки и перстни, скаля золотой рот. Но в душе те же богатые завидуют им - ибо эти люди неподкупны, ибо у них светятся глаза, ибо они несут себя настоящими хозяевами Земли, ибо они от земли, ибо пришли на этот свет не царствовать и повелевать, не казнить и миловать - они пришли творить свой мир, неповторимый, царственно- прекрасный. Эти люди умеют радоваться, новому ребёнку, другу. Эти люди умеют дарить. И подарки их весомы: это красоты мира, это любовь. А как они умеют восхищаться, той же природой мира, её красотой. И бриллианты для них никогда не скудеют - это солнце, это море, это друзья.

Да, Небеса дали этой семье время, чтоб переосмыслить жизнь, чтоб высветить её приоритеты, чтоб задаться вопросом: - «Как дальше жить? И с чем жить?» Чтоб и других увидеть по-новому, чтобы увидеть их отношение к новому себе. Чтоб чётко осознать, что всё в мире соизмеримо. Время не стоит на месте. Отца взяли на другую работу - организовывалось новое предприятие, нужны были дельные работники, люди, что не пасуют перед трудностями, что стоят горой за других, таких же надёжных.

Семья вздохнула – закончилось время трудностей и лишений. Но жить всё равно нечем. Максим не стал просить аванс. Не хотел унижать себя, к тому же нельзя сразу настраивать начальство против себя - ему надо было показать себя, и показать с лучшей стороны, а через унижение это сделать нельзя. Мария понимала мужа, и сын понимал отца, они все понимали, что нужно время, чтобы вернуться на прежний курс жизни. И всё равно уже гордая голова у сына. Гордость во взгляде - а это не скроешь, это видно сразу. И

друзья вновь потянулись к нему, а может и он к ним, кто знает. И всё равно Егор ущемлён - уже тем, что не может, пока не может, сходить на дискотеку, а ещё больше тем, что не может пригласить друзей к себе домой. А так хотелось, так уж хотелось, соскучился по всеобщему веселью, шуткам-прибауткам, просто по общению соскучился парень.

Но он держался. И не только держался, но и подбадривал родителей. Вставал бодрым, уходил бодрым и приходил тоже бодрым. Только иногда вздыхал, невольно, непроизвольно, и эти вздохи больше слов говорили о состоянии сына. Но после вздоха сын ещё больше распрямлялся, подмигивал этак заговорщицки, мол, ничего, зима да лето - переживём и это!

Он знал, что его время не за горами. Они все знали - им продержаться максимум неделю. После этого времени начальник отца сам предложит, даже не так - сам выпишет отцу аванс, и преподнесёт его как подарок за отличную работу. Значит, тем более молчать, тем более терпеть и делать вид, что у них всё хорошо.

Родители крепились - они воспрянули духом, они уже потихоньку строили планы на лучшую жизнь. «Во-первых, купим сыну новые брюки, куртку, рубашки», - эти слова для них сейчас были самыми важными. Парень в одиннадцатом классе, а ни одной обновки за полгода. Так жалко сына, и даже сказать ему нельзя, что жалко его, что готовы вывернуться наизнанку, лишь бы ему помочь.

Трудно растить детей, гордых детей растить ещё труднее, зато потом как сладко душе, когда видишь, что ты создал, что ты подарил миру, той же избраннице, потом жене, тому же начальнику.

Но как сладить с этим сейчас?

«Хорошие мысли просачиваются в сознание Небес и озвучиваются», а вот и другие слова: «Что хочет женщина, то хочет Бог» - эти слова верны, эти слова действенны и верны. Больше всего хотела приподнять своих мужчин: обоих! - Женщина: женщина - жена, женщина-мать. И Небеса снизошли до её мольбы. Да и о чём она просит? Чтоб сытнее накормить семью? Это же мизер, это же так просто - так просто для Разума, для Небес.

Стечение обстоятельств, а стечение ли, а не предопределение Небес? Но так сложилось - муж попросил отыскать брюки - те брюки, что он давно не надевал, что валялись в каком-то дальнем ящике. Но пришло время надеть, да и брюки хорошие, даже обрадовался, что вспомнил о них. Мария отыскала брюки, машинально залезла в карман и обнаружила деньги, небольшие, но они так помогут им, они так им нужны.

Сказала об этом мужу. Тот обрадовался, вздохнул всей грудью. Теперь мы прорвёмся, уж теперь-то мы обязательно прорвёмся! А то уже возникала мысль - попросить этот проклятый аванс, не пухнуть же семье с голоду, а

скоро это грядёт, быть может, завтра. А тут такое. «Да это же подарок Небес!» - только так он мог расшифровать находку жены. Протянул руку к деньгам (никогда так не тянул, всегда отдавал, дарил деньги семье и был счастлив), и Мария вложила в его руку деньги, не так много, но и не так мало, чтоб продержаться, не уронить себя. Пересчитал, да, и пересчитал. Сколько там? Хватит, нет? Мало, но всё же, хоть картошки купим, тех же окорочков, чуть яблок для жены - она так любит яблоки. Крохотные, неприхотливые желания, но как дороги они, как неоспоримы.

Сыну ничего не сказали. Да и говорить-то не о чем, порадовать сына нечем, если только более сытным обедом. Но это он увидит сам. А о большем пока мечтать рановато.

Рынок - тут только картошка, больше ни на что не смотрели. Но картошка, как по заказу, крупная, мясистая, чистая, без противных чёрных глазков, что ополовинивают клубень, да и красоты ему не прибавляют. Хотела чуть, на суп, а брала и брала: один пакет, второй, третий - только тут остановилась, только тут сказала себе: «Хватит!»

- Куда столько?- удивился муж.

- Хочу картошки!- только и ответила жена. Хотя подспудно зрела мысль, радостная, счастливая. Но она прятала её, даже от мужа прятала.

Муж не стал противиться. Обида ожгла сердце – жена хочет картошки. И ещё. И не сказала ни разу. Возмолился в душе: «Боже, если ты есть, помоги! Я больше не могу! У меня нет больше сил!» Душа вздохнула и улеглась.

«Супер - маркет» - название-то какое! Увы, пока не для них. Им бы простенький магазинчик со свежим хлебом и окорочками, но где их теперь взять, особенно в городе, эти простенькие магазины? Вздохнула. Набралась сил. Ничего, грядёт то время, когда они будут заходить сюда как полноправные покупатели, набирать продуктов щедро и расплачиваться тоже щедро. Пока же (гордо неся голову) Мария (муж не пошёл, зачем унижать его?) глазами прошлась по прилавкам, (непринуждённо - это всё у неё есть!) выбрала шоколад (не утерпела, не хотелось унижать себя), потом отобрала яблок, любимых, как по заказу, зелёных, не вытерпела, взяла пять штук красных (гулять, так гулять!) и отошла от фруктов. Так притягивал виноград, сочными боками соблазняла хурма, киви вопрошали: «Почему не берёшь нас, мы так хотим к тебе!» Так же непринуждённо прошла к хлебобулочным изделиям и выбрала не хлеб, а ведь хотела именно хлеб, а тут будто нашёптывал кто: только батоны, вот эти, жёсткие, упругие, и больше, больше! Взяла два. И опять подсказка: ещё, ещё бери! Нет, опять мало, бери ещё! И она взяла пять батонов. Куда это? Не знаю. Но уже знала, подсознательно зрела мысль, и пугала, и радовала: «Неужели? Я так хочу этого? Егорка! Егорка мой!»

Есть ли ещё деньги? Мысленно просчитала - конечно, есть! Значит, колбаса

и сыр для бутербродов. Что ещё? Снова просчитала, всё, лимит закончился, больше ни-ни. Да и не надо, ведь самое необходимое она взяла. Остались деньги, чтобы прожить ещё дня два. Уже идёт к кассе, довольная, счастливая. Она всё взяла, и даже деньги остались. Но вот - нет, не всё! Не всё! - Что же? Что я забыла? – Селёдку! Ты забыла селёдку! А какая картошка без селёдки?!

И она чуть не бегом вернулась назад, лучезарная, ещё более счастливая. День сегодня выдался такой, он сделал её счастливой. И вот: «Чуть не забыла! Мне селёдки! Штук пять!»- и как же счастливо пело сердце, каким же счастьем откликалась душа, пока продавец взвешивала ей селёдку - жирную, пахучую, искрящуюся, переливающуюся как пять солнц, пять планет, что окружают её. Она была на вершине счастья, она была на вершине блаженства.

Вышла из «Супер - маркета» счастливая. Денег ноль, едва хватило на покупки (слава Богу, что хватило, и тут подсказали Небеса), а радости - полные карманы! Только и сказала мужу: «Домой! быстро домой!» И они пошли пешком (на такси денег не было) к дому.

Вечер. Сын неспокоен. Устал быть отвергнутым, устал быть изгоем. Мечется из комнаты в комнату, пробует слушать музыку, опять выключает свой центр, просто лежит, просто не хочет жить. Родители молчат, не сказали ему ни о находке, ни и походе за продуктами - пусть попереживает, это тоже надо, хотя и жалко, страшно жалко сына.

Звонок. Сыну звонок - они чувствовали это, особенно мать. Мать всё чувствует, если она настоящая мать. Сын взял трубку, сын недоумевает - к нему просятся друзья, он ошеломлён, он не знает, что сказать. Мать поняла его, мать бодро сказала: «Приглашай друзей!» И подмигнула этак заговорщицки, что означало - не дрейфь! И сын так же бодро, откуда гордость взялась: «А прибегайте! Да! Да, все! и как о чём-то решённом - Жду!»

И вот она, ватага парней. Шумные, счастливые, будто и не было этой размолвки, будто и буря не шумела меж ними: заскочили, поздоровались, шумно так, весело: «Здрате, этому дому!» Разделись и прошмыгнули в комнату сына. И сразу веселье, сразу тарарам. Молодёжь, такой она и должна быть, шумной, весёлой. Музыка - громкая, озорная, песни - бесшабашные, озорные и такие же бесшабашные, озорные голоса.

Сын прибежал на кухню - чем-то так вкусно пахнет? Чем это, а?! Мать кашеварит. В огромной кастрюле доваривается картошка - вкусная, ароматная, будто сто лет не ел, будто из прошлой жизни. На столе в двух больших тарелках разложена селёдка, а в середине стола огромные яблоки в такой же огромной красивой вазе. А ещё бутерброды, кучи бутербродов в двух огромных тарелках.

- Ма, это что?!- аж задохнулся, дух перевести не может. А он-то переживал. Чем кормить эту ораву? А если ничем, то ему каюк!

- Прости, сынок, что не сказала сразу.- Мать уже жалела сына, ещё больше жалела, что сразу не призналась. – Мы сегодня нашли деньги в старых папиных брюках. Вот и закупили всё это. – Улыбнулась, хорошей материнской улыбкой. - Я сразу, ещё в магазине, решила - ты пригласишь ребят, устроим ужин. А они будто почуяли, сами напросились.

- Вот и хорошо, мама, что не сказала. Это ж так лихо, что они сами напросились! – Обнял, чмокнул в щёку.- Ну, мам, и чудо ты у меня!

- И ты чудо! И ещё какое чудо! – В душе же. Селёдке рад. Так больно, ужасно больно. Будто они работать не хотят, будто лодыри какие. А вот через что пришлось пройти, через что только не приходится пройти человеку.

Убежал сын – напоенный радостью, обласканный тёплыми словами. А мать ничего не может. Застыла посреди кухни, не шелохнётся. Хорошо, мужа нет. Зачем стеснять ребят, да и мешаться у жены под ногами тоже не след. Просто вышел погулять, просто на час - другой испарился.

Но вот опомнилась Мария: «Что это я? Ведь всё хорошо, всё уже хорошо?» Но боль лишь чуть улеглась в глубине души. Ещё не раз вернётся, время надо, чтоб отстала навек. Музыка вывела из полузабытья. Но у неё же всё хорошо. У нас уже всё хорошо.

Да и в комнате сына стало стихать, а вот и совсем стихло. Утомились ребята, пора сделать паузу. Мать выждала момент, чтоб не сразу, но и не опоздать (сын переживает), зашла в комнату и величаво так, непосредственно: «А идёмте-ка ужинать! картошка стынет!»

И вся орава устремляется на кухню (благо она, как по заказу, большая), где накрыт стол, где в центре стола огромное блюдо с дымящейся картошкой и два чуть поменьше блюда с уже очищенной, подбодрённой луком и постным маслом селёдкой. А вот и бутерброды, что ещё надо изголодавшейся ораве? Да ничего!

– Ура! Картошечка!- только и сказала орава, усаживаясь вразной за стол. И как же они ели, и как же они восхваляли картошку. И как же они восхваляли хозяйку дома, и как же они проникались уважением к другу, которого чуть не отвергли (ему казалось, чуть не отвергли). И из-за чего? Страшно подумать, из-за чего. Еда - она сплавляет нас (не вино, именно еда), она расслабляет и наполняет силой, она делает нас великодушнее и добрее. Да здравствует еда! И только слышно было: «Егор! Егорка! – и опять.- Егор!»

Да только ради этого мать сердце своё отдаст, душу свою отдаст. Хотя зачем так кроваво? Пригласи, накорми, будь великодушной, будь хозяйкой, этому же и детей учи.

Смели картошку с селёдкой, туда же улетели бутерброды. Молодёжь, везде задорна: и в музыке, и в еде. Засобирались. «Спасибо! Спасибо! Вы прелесть! Мать у тебя, Егор, прелесть!»

Она им: «А яблоки? Яблоки берите! Чудо яблоки!» Похватали яблоки - пригодятся! Выкатились на улицу. И Егор с ними, на ходу шепнув, матери: «Спасибо!» Ничего не укроешь от матери. Заметила слезу в правом глазу сына. Стылая, звонкая слеза. Эта слеза многого стоит.

Горда мать, за сына горда, за этих ребят горда. Ведь поняли: не в бедности дело. Бедность проходит, человек остаётся. Ведь позвонили, пришли. Знать, не последний человек её сын, знать, чего-то стоит. Гордость в душе матери, радость в душе матери. За всех детей радость, за всех, кто умеет дружбу ценить. Дружба - самое лучшее и самое цельное слово на Земле.

А вот и муж рядом. И у него в глазах слёзы, полные глаза слёз, чтоб не обидно было ей, ведь они заодно.

- Как ты сегодня хороша! Как ты у меня хороша, родная! Как же ты у нас хороша! -

И пусть завтра у них не будет еды, всё пусть, но они выстояли этот день, они подарили его сыну. Этот день дорогого стоит.

Утром Максима вызвал начальник.

- Я хочу предложить вам небольшой аванс, нет, даже не в счёт будущей зарплаты, в счёт залога нашей дружбы. Вы мне по душе, вы столько знаете. Когда-нибудь я вам предложу сотрудничество, пока же хочу предложить отметить нашу работу походом в ресторан, и обязательно с женами.

Вот оно. Вот оно, счастье. Будь человеком, умей видеть других, и оно пребудет с тобой. Только будь человеком...

ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ

г. Ханты-мансийск

Любовь
Миляева

Анастасия
Сенькина

Павел
Черкашин

ВРЕМЯ

Пусто-пусто... Какая-то густая
тишина.

Только беспощадное тиканье –
Это время, тонко и до жути
членораздельно

Шагает-шагает-шагает
Неумолимо сворачивая
Каждый мой нерв
В пружину.

Падёт осенняя листва
Под ноги золотом.
Прощаюсь с юностью шальной,
Как странник с городом.

Опять звонят колокола
По разлучению.
Падёт осенняя листва
Разоблачением

Надежд. И правда наготовой
Едва ль обрадует.
И лишь кружение листвы
Душе отрадою.

ПРИСКАЗКА

Ты молчишь. И какая новая
В сильных руках теряется,
Хмельная от губ отчаянных,
От встречи до встречи мается?
Ты свободен – не мой, не суженый,
Моё прошлое, мне ненужное.
У которой по счёту, глупенькой,
Голова от объятий вскружена?
Весь как маятник – ходишь-маешься,
В окна месяцем смотришь искоса,
В телефонную трубку каешься,
Сказкой вешнюю или присказкой...
И живёшь – в ночь

чужую вхристанный,
«Бог» – с божницы
наотмашь сброшенный,
Свободой своею утренней,
Словно новостью, огорошенный.
И стоишь – в горле ком – каменный.
В жизнь, занозой случайной,
втиснутый.

То ли грешный ты?
То ли праведный
Мир,
Как шар пополам треснутый?
Ты молчишь. И в объятия падаешь,
Как в отчаянье, в холод брошенный.
И к которой по счёту –
к «энной», вдруг,
Ночью явишься –
гость непрошенный?

Ты молчанием, что раскаянем,
Как гитара, знобишь так истово,
Но чужими губами тисканый
Ты останешься вечной присказкой...

АНАСТАСИЯ СЕНЬКИНА

ВНУТРИ МЕНЯ

Внутри меня есть маленькая «я»,
Почти как я, и всё-таки другая,
Есть маленькая «я», а есть большая,
Такая вот раздвоенность меня.
И отраженье в зеркале порой
Покажется чужим и непохожим,
Внутри меня другая, с тонкой кожей,
И что с ней делать, хрупкою такой?
Ты на меня так строго не смотри,
Всего лишь оболочка это тело,
И если я сегодня стала смелой,
Так это та, которая внутри.

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Такой маленький город,
а встретиться невозможно,
Я в толпе потерялась средь
прочих безликих прохожих,
Друг на друга похожих. А я
без лица и без кожи
Пробираюсь по городу,
словно шпион, осторожно,
Спрятав сердце в ножны,
а голову глубже в плечи.
Ты меня не заметишь,
да ты ведь проходишь мимо
Пилигримом уставшим,
что движется к цели незримой.
Мне тебя не догнать,
нас с тобою уже не излечишь.
Если только однажды
услышишь во сне моё имя...
Не зови меня вслух,
не ищи никогда со мной встречи.

Кто бы сказал мне,
что творчества муки
Будут терзать меня
столь беспристрастно...
Слово беру в неумелые руки,
Зная: не быть мне волшебной,
прекрасной,
Недостижимой, невыразимой,
Спящей принцессой,
да просто – красавицей.
Не пережить бесконечную зиму,
Только шататься по улицам пьяницей.
Но не расплавить огненным спиртом
Сердце, застывшее в муке сомнения,
Не расцвести ему розовым миртом
В новой весне своего вдохновения.
Только бродить бесконечно
по улицам,
По переулкам, бульварам и паркам,
Прятать глаза и привычно сутулиться
В вязком тумане капризного марта.

На белом фоне – тёмный силуэт,
Тень на снегу, неясная картина.
Прохожий. Незнакомый... Или нет?
А на глазах – как будто паутина.
Я не могу, хоть силюсь, разглядеть,
Ни образа, ни даже очертаний,
На белом фоне остаются тлеть
Лишь угольки несбывшихся
мечтаний.
О прошлом память часто не даёт
Покоя. Но неясная картина
Расколется, как в марте тонкий лёд,
Лишь на глазах – как будто паутина.

Какая я, наверное, видней
Тому, кто рядом в трудную минуту.
А он, свидетель слабости моей,
Меня считает сильной почему-то.

Он видит только лучшее во мне,
И вслед за ним я верить начинаю,
Что сил моих достаточно вполне.
Какая я? Сама порой не знаю.

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ВЕДУНЬЯ

Коль прознал ко мне ты дороженьку
Да пришёл с тоской подсердечною,
Так присядь теперь тихо рядышком,
Расскажу как есть всё про всёшеньки.
Хвороба твоя, хоть и жгучая,
А не смертная, не печалуйся,
Не казись зазря, не травми себя,
Не кручиною счастье сводится.
Не глядит краса в васильки-глаза –
Дело знакомое, поправимое,
Дело скрытное, дело тайное,
Заговорное, приворотное.
Хоть на вынутый след,
Хоть на кость-гребешок,
Хоть на волос срамной,
Хоть на церквы порог.
А верней всего мятным пряничком
Угостить красу светлым праздничком,
Мятным пряничком наговоренным.
Как вкусит его, так и влюбится.

Как на острове Буяне
В дальнем море-океане
Латырь-камень бел-горюч.
Сторожит с небесных круч
Камень грозная Гагана
Неусыпна, неустанна.
Хоронясь в густой траве,
С ядом гибельным в слюне,
Гарафена ей в подмогу
Стережёт тропу-дорогу
От непрощенных гостей.
Человеческих костей
Превелико там скопилось,
Ста дождями окропилось,
Но по-прежнему змее
Нет покоя на земле.
Нет покоя и Гагане,
Вновь к Буяну чужестране
Едут счастье пытать,
Латырь-камень увидеть.
Но у птицы когти хватки,
Но змеи мудры загадки,
Повторится всё и впредь:
Новым косточкам белеть.

ПЛАЧ МОЛОДОЙ ВДОВЫ

Гой родимый мой, свет очей моих,
Друг сердечный мой,
друз мой ласковый,
Дворянин-душа, мать-отецкий сын,
Ненаглядный мой, неналасканный.
Ты вдохни-вздохни,
поднимись с земли,
Разомкни навстречь руки нежные,
Размежи на мир веки спящие,
На меня взгляни, друг, по-прежнему.

ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ!

Мужи. Первая половина июля. Благословенная пора белых ночей. Необъятен день! Вот уж, казалось бы, и вечер поздний, ложись да отдыхай после дневных забот, а ещё и солнце не село. Щекотит, дразнит усталые глаза, желанный сон напрочь гонит. Лишь ближе к полночи, когда солнце зависает над самым горизонтом, замирает село, только влюблённые парочки да беззаботные стайки молодёжи неспешно бродят по притихшим улицам, затягивают песни.

Влажная простыня ночи не спеша размывает отчаянную синь неба, забеливает даль окоёма. А в вышине – ни звёздочки!

Морошковым краем, страной белых ночей называют в это время года мужевскую землю.

На этих улочках, отвоевавших у тайги место под солнцем, на высоком берегу Оби, прошло детство Толи Шебалина. Позади школа. Но каждый год приезжает он в Мужы после сдачи экзаменов в университете. Так и в этот раз.

Шесть дней прошло, как сошёл Толя с «Метеора» на железный, гулко разносящий шаги дебаркадер. Хлебнул полной грудью родного воздуха и замер: так светло, радостно на сердце стало, что хоть кричи от переполняющего, невесть откуда взявшегося ощущения счастья. Но вместо этого губы лишь едва слышно прошептали:

– Дома!

Ещё по приезду Толя пообещал

младшему брату Юре, что они пойдут на днях встречать восход солнца. У брата глаза загорелись. Каждый вечер спрашивает:

– Ну что, пойдём?

У Толи уже внутри неприятно покалывает: обещал ведь. А как пойдёшь? Тут крёстные в гости пришли, там ещё что непредвиденное. Но вот выдался свободный вечер. Настало время сборов. Толя укладывает палатку, Юра собирает сумку с провизией. Мама тут же в коридоре стоит, наблюдает. Невдомёк ей, чего парням дома не сидится.

– Всё! Готово! – докладывает Юра и, пыхтя, натягивает кроссовки.

Братья выходят во двор. Вышли нарочно попозже, чтобы людей на улице меньше было. Село-то наполовину зырянское. А зыряне – народ любопытный. Всё интересно им, каждую мелочь приметят. Любого хоть завтра в разведчики записывай!

Людей, и, правда, было не много. Вышли Шебалины на окраину. Сейчас луговиной до небольшого пляжа на берегу Югана, а там чуть влево и палатку ставить.

Огненный шар солнца медленно заваливается к северу. В щедрой россыпи предзакатных лучей скрадываются очертания лесистого косогора, едва различима в золотистой дымке соседняя крохотная, в двенадцать домов, деревенька Ханты-Мужи. Воздух за день прогрелся, дышит ласкающим теплом и травными запа-

хами, даже комаров ещё нет, прячутся в сырых низинах.

Пока братья устанавливают палатку, разводят небольшой костерок и готовят в котелке немудрящую похлёбку из пакетного супа с тушёной – уже полночь. Солнце зависло над дальним тальниковым островом и упрямо не хочет садиться. Струит рассеянный свет на раздольный пойменный луг, оттеняет румянцем жидкое серебро витиеватых проток и реки.

Шебалины наперегонки сбрасывают одежду и вприпрыжку бегут к Югану.

Мужающее тело Толи первым взбурливает спокойную гладь. Более осторожно, взохивая от неожиданной прохлады, заходит на глубину Юра. Хоть и не глубок Юган, но даже в жаркие дни вода прогревается лишь на метр, поэтому оба стараются держаться на поверхности, их голые тела почти не скрываются под водой.

Тем временем к Югану неторопливо брёл небольшой табун.

– Наверно, на водопой, – предположил Юра, выбираясь вслед за старшим братом на берег. – Или на тот берег поплывут.

Мимо братьев полностью в своих думах прошли четыре лошади. Остановились у кромки Югана, лениво оглянулись, вразнобой фыркнули и вошли в воду. Поплыли. Вслед за ними с таким же несложным обрядом последовали ещё три. Издалека их рыжая лоснящаяся от воды шерсть казалась медно-огненной, словно

само солнце спряталось в шкуре на покатых боках.

Братья отошли берегом вверх по течению, чтобы не плыть в взбалмученной животными воде, и вновь погрузились в прохладные струи.

Возле палатки Толя, наскоро обтеревшись, одевается, потом берёт ложку, зачерпывает из котелка, дует и, обжигаясь, пробует:

– Ты мне-то хоть оставь! – шуточно возмущается младший, энергично и шумно растираясь полотенцем.

– Сколько ложек? – с ответным юморком отзывается Толя, и братья смеются.

– Ой, а солнце-то село! – всполошился Юра, обернувшись на север.

– Прозева-али, – с сожалением тянет старший.

На севере в полнеба яро алеет заря. Там, где село солнце, далёким костром пышет горизонт. Ощущение – словно огненный шар совсем рядом, просто укрылся за тальниковым островом и, если подняться на холм, то непременно увидишь его приплюснутый, набирающий силы для нового дня круг.

Насытившись, братья спешат под брезент палатки от комаров.

– Час ночи, – отмечает Толя, взглянув на часы.

– Здорово, да?!

– Что?

– Солнце встаёт в один день, а заходит уже на следующий!

– Да-а. Будто и не заходит вовсе.

– В Салехарде, наверно, так и есть. Там же Полярный круг?

– Ага. На Ямале вообще здорово. Кругом только тундра, небо и солнце! Там сейчас и белых ночей нет. Всё день и день.

– Не верится даже.

Незаметно проходит час. Зареву неторопливо передвигается с одного конца острова на другой. С каждой минутой всё ярче раскаляется кромка земли и неба.

Братья выбирают из палатки.

– Сейчас взойдёт, – с ожиданием произносит старший и неотрывно глядит на зарю.

– Ух ты! – выдыхает, обернувшись, Юра. – А в Мужах-то уже взошло!

Толя оборачивается и согласно кивает: – На холме потому что.

В первых лучах розовеют при- тихшие дома. В окнах играет рассвет. С минуту Шебалины любят- ся родным селом и снова устремляют взгляд на север. В то же мгновение тёплый луч ярко ударяет в глаза и заставляет прищуриться. Пона- чалу крохотный, уголёк светила всё больше раскаляется, растёт, пре- вращается в полусферу и наконец, оранжево-красным шаром отрывает- ся от горизонта, заливая светом всю низину Оби.

– Здравствуй, солнце! – радостно

выкрикивает Юра и машет рукой.

Толя весело смотрит на брата и тоже вскидывает руку:

– Привет!

Потом шутиливо прибавляет:

– А мы тут тебя всю ночь ждали!

Целый час и двадцать минут!

Братья раздувают присмиривший огонь. Воспрянувший костёр отго- няет комаров, и они мельтешащей кучей-облачком недовольно отлетают в сторону. От горчащего запаха дыма оживают тёмные валуны дремлющих коней, они поднимают головы и долго нюхают воздух.

На природе время течёт незаметно и быстро. Уже раннее утро. Солнце всё выше поднимается в небо и начи- нает припекать. По Оби пляшет целая россыпь золотых зайчиков.

Пора обратно.

Поднявшись на первый пригорок села, братья ещё раз обернулись назад. Зелёный луг плотно затянулся жёл- тыми облаками. Это один за другим раскрылись, встречая новый день, пушистые солнышки одуванчиков.

Над ещё спящими улицами, над речной низиной зычно разнеслось беззаботное ржание коней. И, словно приветствие, отозвался ему вдрут долгий раскатистый гудок теплохода.

ЯНАО

Ямало-Ненецкий автономный округ

Роман
Ругин

Наталья
Шамрай

Евгений
Матюшенко

Василий
Барыльченко

Ольга
Нургалиева

РОМАН РУГИН

ЛАНГИ

Тавет, закинув за плечо двустволку, шел по берегу неширокой протоки Восяхова, которая ближе к осени обмелела настолько, что местами ее можно было переходить вброд. С правой стороны поднимался коренной берег, поросший молодыми березками, кедрами и лиственницей.

Первые осенние заморозки. Листья берез, похожие на стружки, отрывались от веток и плавно падали на землю.

Но солнце было еще теплым. Тавет с удовольствием подставлял его лучам свое смуглое лицо. Был он среднего роста, широк в плечах. Темноволосая голова крепко сидела на короткой, толстой шее. В поселке иногда посмеивались над ним:

- Эй! Шею-то куда подевал? Может, она с затылкомрослась?

Тавет на подобные шуточки не обращал внимания: пусть себе зубоскалят, если им делать нечего!

Гораздо больше его задевало, когда подтрунивали над Ланги, полуторамесячным щенком охотничьей лайки, которого он начал выводить с собой на охоту. Вот и сегодня утром сосед Ай-Паял крикнул ему вдогонку:

- Хватит людей смешить! Кто таких мальков в тайгу берёт?

Тавет хмуро огрызнулся:

- Не твое дело, Ай-Паял!

Сейчас Ланги, загнув хвост колечком, весело бежал рядом с хозяином. Среди осенней желтизны четко выделялась его темная густошерстная спинка. А когда пёс оборачивался, на груди мелькало белое, похожее на бабочку-капустницу, пятнышко. Стоило Тавету остановиться – останавливался и Ланги. Уши у него вставали торчком, а в черных, словно угольки, глазах загорался вопрос: в какую сторону мчатся? Кого догнать?

«Добрая растет собака!» - радовался Тавет и наклонялся, чтобы потрепать Ланги по мягкому загривку.

Давно мечтал он о чистопородной лайке, с которой можно будет зоревать весной и осенью, надолго уходить в тайгу. Без хорошего пса что за охота? Блуждание в потемках! «Один умный пёс надежней ста помощников. Зверь шерстину на траве оставит, и то собака его сыщет», - говаривали старики ханты. Нынче мечта сбылась – зоотехник Хозяинов, чья лайка недавно оценилась, отдал ему кобелька. Тавет долго выбирал щенка – водил пальцем по кончику носа, щупал уши и зубы: чутье, слух у будущей охотничьей собаки должны быть безупречны! Наконец он остановился на том, у которого на груди белела отметина.

- Назову тебя Ланги! – сказал он щенку. – Ланги, слышишь? Это значит – «бельчатник».

- Красивое имя! – одобрил Хозяинов. – Звучное!

- В старину у нас говорили: «Кто лайкой на белок не владеет, у того ни рук, ни ног, ни глаз нету», - засмеялся, пряча щенка за пазуху, Тавет.

Матери щенок понравился.

- Маленький да удаленький! – сказала она, погладив Ланги. – Смотри-ка, как разумно посматривает!

Щенок, смешно загребая неокрепшими лапами и переваливаясь с боку на бок, пустился обследовать комнату.

Мать завела ему вслед старинное причитание:

Песца пушистого следы
Будешь ты тропить умело,
За лисицей быстроногой
Смело пустишься вдогон,
Белок, скачущих по веткам,
Зорким взглядом не упустишь,
Птиц застреленных отыщешь
И хозяину снесешь!...

Тавет заботливо ухаживал за щенком. Он даже попросил на работе небольшой отпуск. Сам кормил его, выгуливал и, думая о наступлении холодов, смастерил во дворе добротную конуру, обшитую дерматином. По вечерам он читал книги по дрессировке охотничьих собак, и не было в поселке старика из бывших охотников, с которым бы Тавет не затеял обстоятельной беседы о натаскивании лаек. Ланги научился подавать хозяину то правую, то левую лапу, без разрешения не принимался за еду и вообще проявлял редкую сообразительность.

- Молодец! – хвалил щенка Тавет. – Умнейший пес! Умник!

Довольный Ланги вилял хвостом и радостно повизгивал...

Разумеется, Ай-Паял прав: полуторамесячного щенка выводить в лес рановато, - но разве знает сосед, каких успехов достиг Ланги, как стремительно он развивается? Собаку к охоте надо приучать смолоду, и не на словах, а на деле – только тогда из неё выйдет настоящий помощник!

Кое-где в лесу лежал выпавший накануне и не успевший растаять первый осенний снежок. Самое время подстеречь выводок рябчиков или даже косачей! Интересно, как поведет себя, учуяв дичь, Ланги?

Шагая вдоль протоки, по которой шла шуга – вода жила уже последним дыханием, - Тавет вдруг заметил за песчаным сыском двух уток-турпанов. Вскинув ружье, он замер на месте. Утки, в поисках корма, скрылись в зарослях. Тавет

подкрался ближе к берегу. Ланги, насторожившись, последовал за ним. Когда турпаны появились вновь, прогремели два выстрела.

Тавет был метким стрелком. Не промахнулся он и сегодня. Теперь предстояло работать Ланги! Упрашивать щенка не пришлось. Негромко, энергично залааяв, молодой пес короткими прыжками понесся к протоке, и не успел Тавет присвистнуть ему вдогонку, призывая к осторожности, как Ланги, ступив на тонкий ледяной припай в метрах в двух от берега, провалился в холодную осеннюю воду.

С досады Тавет даже пристукнул кулаком по лбу: надо же быть таким дураком! Вывел, называется, пса на охоту! Долго ли щенку простудиться? Правильно насмешничал Ай-Паял, слушаться надо умных людей, а не огрызаться в ответ!

Протока была мелкой, утонуть Ланги не мог.

- Ко мне! Ко мне! Назад! – крикнул Тавет. Но, к его удивлению, щенок не послушался – лишь мельком взглянув на хозяина, всё рвался вперед, к добыче, с треском ломая лапами лед. Впереди блестела на солнце полоса чистой воды.

- Куда ты? – закричал Тавет, бросаясь к протоке. Он еле-еле успел схватить Ланги за загривок: еще мгновение, и пес пустился бы к уткам вплавь – видимо, свой охотничий долг он осознавал в полной мере!

Ланги был очень возбужден. Он чуть не вырвался из рук Тавета и глухо заворчал, когда тот попытался его слегка обтереть и обсушить. Чтобы щенок опять не ринулся в воду, Тавет привязал его ремешком к невысокому сетевому колу, торчащему у протоки. Отыскав подходящей длины жердину, сам побрел по воде за утками. Пес смотрел на него хмуро, исподлобья.

- Ладно, ладно, не сердись, - попытался утешить его Тавет. – Поохотились мы с тобой не худо, но рановато тебе еще со мной в тайгу ходить. Придется подождать малость. Пусть зубы поокрепнут, шерсть отрастет. Тогда тебе никакая вода не страшная будет. Потерпи, пёсик! Мы с тобой еще не раз и зверя, и птицу перехитрим. Вот увидишь! Ведь-ты у меня умный, смыслённый, отважный!

Обычно в ответ на подобные похвалы Ланги радостно повизгивал, но сейчас он молчал.

Тавет встревожился: что-то неладное происходило с собакой. Неужели обиделась на хозяина?

- Я же хотел тебе помочь, глупыш! – стал оправдываться Тавет. - Ну простыл бы ты, закоченел окончательно – вода-то ведь уже ледяная, - и что бы тогда было?

Ланги не отзывался, а если бы умел говорить, то, наверное, сказал бы примерно следующее:

«Привязал меня тут. Как дворняжку какую. Уток сам палкой из воды достаешь. Зачем тогда меня натаскивал? Птичьи крылышки заставлял тебе приносить? Беличьи хвосты? Разве плохо я это проделывал? Ты же сам меня хвалил,

то рыбки, то мяса в награду давал, а то и косточкой баловал! Один раз хвоста не принес – так ты со мной и разговаривать не захотел! Я ведь должен был этих турпанов взять! Должен! Я твердо это знал до сегодняшнего дня, вот теперь – не знаю. Должен или не должен? Лезть мне в воду за дичью следующий раз или не лезть?»

Но Ланги даром речи не обладал, и Тавету оставалось лишь догадываться, почему загрузил его весёлый щенок. Беспокойство в душе осталось, но большого значения происшествию он всё-таки тогда не придал.

Вернулись домой. Тавет разогрел уху из щуки и быстро опустошил свою миску...

За зиму Ланги изрядно подрос, превратился в крепкую молодую лайку. Тавет с нетерпением ждал весны, чтобы испробовать своего любимца на новой охоте.

Как только открылась вода, он снарядил моторную лодку и, посадив пса на корму, поехал вниз по Горной Оби к Птичьему острову. Здесь во время весенних перелетов любили ночевать дикие гуси и утки.

К вечерней зорьке Тавет и Ланги, с трудом переступая через пружинистые, покрытые прошлогодней пожухлой травой кочки, дошли до озера, где водилось особенно много дичи. Тавет притаился в тальниках. Рядом расположился вымазанный жидкой глиной Ланги.

Ждать им особенно долго не пришлось. Четыре шилохвости взлетели из камышей и летали кругами над озером, высматривая место для новой посадки. Тавет выстрелил дуплетом. Утки стали падать вниз. Но одна из шилохвостей была, видимо, лишь ранена – забившись в воде, она поплыла в прибрежные заросли.

- Ланги! Ищи! – скомандовал собаке Тавет.

Пёс не двинулся с места.

- Ланги! Кому сказано?

Собака вскочила и – юркнула в кусты, в противоположную от озерной отмели сторону.

- Куда?! – закричал Тавет. – С ума сошел, что ли?!

Но Ланги и след простыл. Сколько ни звал его хозяин, сколько ни метался по берегу – всё было тщетно. Обозлившись, он сам побрел на поиски уплывшей шилохвости. Но и та куда-то запропастилась. Забилась, наверное, подальше, в камыши, поди, ее теперь сыщи в желтовато-бурых весенних травах без собаки!

Подобрав лишь одну утку, Тавет, уставший и злой, стал караулить других шилохвостей. Но время было упущено – вечерняя зорька догорела, и в сгустившейся темноте слышал он теперь только посвист пролетающих птиц, да в вышине мелькали их неясные силуэты.

Ланги всё не было. Тавет, разыскивая его, едва не сорвал голос. Наконец решил вернуться к лодке... Пёс, как ни в чем не бывало, сидел на носу моторки.

Заметив хозяина, он легко спрыгнул на берег и затрусил к Тавету. Обнюхал единственную шилохвость, болтавшуюся на ремне, и протянул Тавету лапу, - настроение у пса, судя по всему, было отличное. Еще бы, ведь он не помешал хозяину охотиться, дал ему самому спокойно поискать раненную утку!

Тавет разозлился еще больше.

- У-уть! – сердито прикрикнул он на Ланги и замахнулся на него прикладом ружья. – Пошел прочь от меня! Видеть тебя не могу! Всю зорьку мне испортил!

И тут с высоты на освещенную молодой луной гладь Горной Оби ухнула стая белокрылых турпанов. Мгновенно прицелившись, Тавет нажал на курок. Один из турпанов стал падать в воду.

- Ну, Ланги! Вперед! – с надеждой скомандовал собаке хозяин.

Но ситуация повторилась – пёс припустил от берега и растаял в зарослях.

В растерянности Тавет присел на корягу. Хорошенькая история! Это что же, теперь всегда так будет? Мечтал, мечтал об охотничьей лайке, и вот на тебе – все трупы впустую.

Над рекой гулял пронизывающий ветер. Стало совсем темно. Тавет сильно промерз, а Ланги все не появлялся. Еще не хватало тут из-за него ночевать!

Раздосадованный Тавет сновал по влажному песку, свистел, кричал, и когда, наконец, из-за кустов выскочил Ланги, швырнул в него первой попавшейся палкой. Какой это было ошибкой, он понял мгновение спустя – пёс снова исчез.

Измучившись и охрипнув, подзывая собаку, Тавет сел в лодку.

- Раз так, - крикнул он напоследок, - я тебя проучу! Оставайся здесь один. Проголодаешься – сам реку переплывешь, авось умнее станешь! Уже не щенок, чтобы я тебя из холодной воды вытаскивал, - шерсть вон как у медведя! – и дернул за шнур; мотор заревел, дюралька, кренясь, полетела к дому...

Ссориться с собакой ничуть не легче, чем разругаться с близким другом.

Весь следующий день Ланги не появлялся, и Тавет просто места себе не находил – мотался по окрестностям, словно олень, донимаемый в летнюю жару гнусом. То и дело он бегал к реке, всматривался в направлении песчаной косы Кев Ур, откуда, по его расчетам, мог приплыть провинившийся пёс. Но никого не было видно на пустынном берегу, только снежные шапки острогов Полярного Урала, сверкавшие на солнце, слепили глаза.

И зачем он только вчера поддался своему раздражению, уехал, бросив собаку? Да, Ланги вел себя скверно, но разве не он сам, Тавет, в том виноват? Грубо кричал, швырял палкой. А тогда, прошлой осенью? Ведь он просто не понял Ланги, помешал ему исполнить свой охотничий долг и тем самым посеял в нем смятение. Ланги, сбившийся с толку, не знает, как вести себя на окоте, в его поведении есть логика, и бессмысленно теперь на него сердиться. Нужно было проявить побольше терпения, поработать с собакой, добиться послушания лаской, а не безобразными криками.

Под вечер, взяв ружье, Тавет спустился к Оби и завел моторку. Он быстро пересек реку, достиг места вчерашней охоты, тщательно осмотрел всё вокруг. На песке никаких следов – Ланги и не думал искать хозяина. В груди шевельнулась обида, но Тавет подавил ее: нечего упрекать животное, сам во всем виноват!

Он стал не спеша обследовать окрестность. Перебрался на лодке к поросшему кустарником островку: вдруг Ланги приплыл сюда? Здесь можно было разжиться дичью, а то и зайца поймать, косые любят на острове лакомиться корой молодых тальников. Ребятня из поселка всегда ставит тут капканы и петли. Теща себя мыслю, что пес добыл пищу и теперь лежит где-нибудь в подветренном ложке, отдыхает, Тавет время от времени принимался ласково подзывать его:

- Ланги! Ланги! Умный пес, умник! Иди сюда! Я привез тебе косточку! Ланги!

Стало смеркаться. Но Тавет решил не уезжать, пока не отыщет собаку – только так он сумеет заглядить перед ней свою вину!

Вернулся на коренной берег, тщательно всматривался в исхоженный чайками-халеями и утками песок. Ничего! И вдруг, когда он уже почти перестал надеяться, в устье небольшого ручейка глаза приметили что-то похожее на отпечаток собачьей лапы. А может быть, это след лисы? Но нет, тот был бы помельче. Неужели Ланги?!

Сердце Тавета забило сильнее – теперь он уже не сомневался: собака на острове! Нужно только как следует обшарить все тальники и заросли.

Утром Тавет снова отправился на поиски. Наконец в густом березняке на западной оконечности острова он вдруг услышал какие-то странные звуки: не то царапанье по корью, не то шорканье по земле. Кинулся в чащу. Среди корявых полярных березок что-то темнело. Неужели Ланги?!

- Ланги!

Но что случилось с собакой?! Тавет глазам своим не поверил: крутятся и извиваясь среди поломанных веток, пес пытался освободиться от захлопнувшего морду капкана! Так вот почему он не откликнулся на зов хозяина...

Тавет бросился к собаке, разжал ножом пружину капкана, настороженного, видимо, на зайца или лисицу, и высвободил Ланги. Повыше переносицы у того кровоточила довольно глубокая рана. Заскулив, Ланги благодарно прильнул к хозяину и лизнул ему руку.

Слезы подступили к горлу Тавета. Он обнял пса, горячо шепнул ему в ухо:

- Прости меня, пёсик, прости!

И, словно отвечая на эту просьбу хозяина, Ланги еще теснее прижался к нему.

Тавет промыл и посушил кровоточащую ранку, зашил порванную кожу оленьей жилкой. Затем из кармана ватника достал сухари, косточку и вяленую рыбу. Пораненная капканом морда у Ланги еще, конечно, болела, но угощение он съел с аппетитом.

- Поедем домой! – сказал Тавет и пошел было вперед, уверенный, что пёс побежит за ним, но вдруг услышал за спиной жалобное поскуливание. Пытаясь догнать хозяина, Ланги волочил по земле перебитую лапу. Упав на колени, Тавет осмотрел собаку. Как это он сразу не заметил, что у Ланги перебита нога? Правда, большое место скрывала густая черная шерсть, запекшуюся кровь на ней не было видно. Неужто в него стреляли? Похоже на то! Наверное, на острове побывал вчера утром кто-то из молодых неопытных парней-охотников.

- Мерзавцы! – выругался Тавет. – Собаку от зайца отличить не могут!

Подняв Ланги на руки, он понес его к лодке.

Дома Тавет, осторожно положив лайку на пол в сенках, побежал к зоотехнику Хозяинову.

- Николай Петрович, выручайте! Мой Ланги занемог.

Зоотехник осмотрел пса и покачал головой:

- Плохи дела! Рана на бедре загрязнилась, может начаться гангрена. И кабы он, бедняга, мог себе кровь сразулизать! Собачья слюна дезинфицирует лучше всякого лекарства. Но тут случай особый, морду ведь капканом замкнуло...

Тавет повез Ланги в районную ветлечебницу. Там ему прочистили рану, сделали несколько уколов.

После этого случая Ланги еще больше привязался к хозяину. Однако охотничьи навыки привить ему так и не удалось.

- Да, - вздыхала мать всякий раз, как Тавет собирался идти в тайгу, - не повезло тебе, сынок. Зря ты тогда, в первый раз, отогнал его от раненой утки. Вот он и считает, что убитую дичь трогать нельзя, а от выстрелов лучше спрятаться.

- Хватит, не трави душу, сам знаю, - мрачно отзывался Тавет. Обидно было потерять такую собаку. Но что поделаешь? За собственную глупость надо расплачиваться.

Впрочем, Ланги даром своего собачьего хлеба не ел – он теперь видел свой долг в том, чтобы везде и всюду охранять хозяина. По утрам он сопровождал Тавета до школы, где тот работал учителем. Бодро трусил впереди, и дай Бог повстречать им какую-нибудь собаку! Ланги вихрем налетал на неё и отгонял в сторону. В его сердитом лае и слышалось: «Прочь с дороги, бездельник! Не мешайся под ногами, когда мой хозяин спешит на работу!»

Пока шли уроки, Ланги лежал под школьным крыльцом. И какая бы во дворе ни стояла погода, сколько бы ни задерживался Тавет на занятиях, пёс не покидал своего поста. Здесь Ланги ждали и другие обязанности: стеречь дом, предупреждать Тавета о любой опасности или наоборот – о появлении друга. На каждый такой случай пёс лаял по-особому, Тавет понимал его, как говорить, с «полуслова».

К трехлетнему возрасту Ланги так возмужал, что ни одна собака посёлка не решалась вступать с ним в драку. Только соседская овчарка Рекс постоянно зади-

рала его – видно, горделивая осанка Ланги не нравилась ей. Рекс был сильнее, но не отличался изворотливостью, и Тавет испытал удовольствие, наблюдая, как Ланги однажды перехитрил агрессивного соседа. В заборе соседа, который разделял участки, имеется лаз. В него сравнительно легко мог протиснуться Ланги. Он это местечко хорошо знал и не раз им пользовался, когда требовалось почесать во время линьки густую шерсть на спине. В этот вечер Рекс вел себя особенно нагло. Ланги глухо заворчал, опасаясь вступить в открытую схватку. Потом, словно что-то надумав, всё-таки приблизился к овчарке и начал кружить возле неё, то подсакивая, то отступая. Таким образом он заманил Рекса к самому забору. Потом события развернулись следующим образом: Ланги, изловчившись, кунул овчарку. Разъяренный Рекс оскалил зубы и грудью налетел на противника. Тогда Ланги вдруг припал к земле и скользнул в лаз. Рекс, на секунду опешив, ринулся вслед за ним – но не тут было! Более крупная и плотная овчарка застряла в дыре, зажатая со всех сторон деревянными плахами, а лайка как ни в чем не бывало разлеглась в огороде на травке!

Тавет от души хохотал, глядя из окна на эту сценку. Потом он позвал Ланги и потрепал его по мохнатой шее:

- Умнейший пёс! Умник! – А Рексу сказал: - Знай наших! Впредь не будешь обижать собрата!

Однако решительный бой с Рексом был у Ланги впереди.

Неподалеку от дома Тавета, на крутояре, стоял колхозный склад. В начале зимы подле него обычно забивали скот. Разумеется, все собаки посёлка сбегались в эту пору сюда. Здесь разыгрывались ожесточенные драки, и не один пёс потом зализывал себе раны.

Ланги и тут проявил редкую сообразительность. Пока собаки, слепившись в один бешено вертящийся шерстяной ком, дрались из-за какой-нибудь ребухи, сама ребуха оставалась как бы ничейной. Ланги это заметил. Теперь он, явившись к складу, первым кидался к выброшенному куску, провоцируя тем самым драку. Собаки, пытались отогнать Ланги, затевали схватку. Пока они визжали и кусали друг друга, Ланги быстренько оттаскивал в сторону «забытую» всеми добычу.

Рекс, видимо, разгадав тактику соседа, решил ему отомстить: сбив изрядную собачью ватагу, в один прекрасный день окружил Ланги в его собственной конуре. Тому – хочешь не хочешь – пришлось принимать ближний бой. Но, видно, добрые духи были на стороне Ланги: когда клыки Рекса уже коснулись его горла, какой-то гвоздь, валявшийся на земле, впился овчарке в лапу. Взвыв, она подпрыгнула вверх, и лайка успела отскочить к дому, откуда уже в тревоге выбежал Тавет

После этого случая Рекс уже никогда не посягал на владения Ланги, ни не его собачье достоинство.

- Коль унёс ноги от верной смерти, другая уже не настигнет: ей ведь через тень первой перескочить потребуется, - приговаривала иногда мать Тавета, поглаживая Ланги по спине. Она тоже привязалась к собаке, даже, пожалуй, больше чем сам Тавет.

Самые лакомые и кусочки из общего семейного котла доставались Ланги, а в сенках на полу появилась теплая лосинная шкура, на которой он спал в зимние холода. Мать еще и укрывала его своей старой ягушкой.

- Зачем ты балуешь собаку? – рассердился Тавет. – Ведь она не ребенок.

Мать в ответ пристально посмотрела на своего взрослого сына, и Тавет сразу умолк – столько было в его глазах невысказанного страдания. И дернул же кто-то его за язык: «Ребенок!» Разве не знает он, как давняя трагедия разрывает матери сердце, не дает покоя ни днем, ни ночью?

...Время было послевоенное. Трудное, жили впроголодь. Чтобы хоть как-то прокормиться, летом всей семьей выезжали на плавной лов куда-нибудь в дальние, глухие места. О лодочных моторах тогда еще и мечтать не смели, ходили на гребнях или под самодельным парусом. Гребли все – и взрослые, и дети. Тавета возили с собой в берестяной люльке, он был совсем маленьким.

По реке гулял сильный ветер. К полудню он усилился. Волны стали закручиваться белыми барашками. Мать умоляла мужа поднять сеть пораньше и укрыться где-нибудь в тихой заводи, но рыба шла хорошо, и отцу Тавета не хотелось терять лишних муксунов или нельм. Когда же наконец стали выбирать сеть, оказалось, что она зацепилась под водой за «задеву» - корягу-топляк. Лодку начало захлестывать, дно залило водой. Сеть все не отпускало. Отец тянул её из всех сил, три старших брата Тавета – мальчишки-погодки – помогли ему.

-Брось сеть! – кричала сквозь ветер мать. – Брось! Утонем!

Но отец и в момент опасности оставался рыбаком: бросить сеть для него было равносильно тому, чтобы покинуть в беде верного друга.

Но вот сеть подалась и... в это мгновение огромная волна накрыла лодку. Бударка пошла ко дну. Отец метнул в воду спасательный круг, крикнул матери:

- Хватай люльку и плыви!

Отец и три старших сына утонули. А мать каким-то чудом добралась до берега. Чудом было и то, что Тавет не захлебнулся в своей насквозь промокшей берестянке. Обоих подобрали потом жители близлежащего поселка.

С тех пор прошло много лет. Мать стала известной в их краях охотницей, и не было женщины в округе смелее ее: ведь ей пришлось пережить такое, после чего и собственная смерть не страшна. Всю силу своей материнской любви перенесла на единственного, оставшегося в живых Тавета, мечтала о внуках, а пока что баловала собаку...

Тавет продолжал ходить с ружьем в тайгу. Ланги он всегда брал с собой, хотя тот по-прежнему не прикасался к подбитой дичи. Особенно он любил сборы на

охоту и первым бежал по длинному спуску к дюралеевой лодке. Где важно усаживался на переднее сиденье, поджидая хозяина.

В один из весенних дней, в субботу, они отправились на остров Горелый, названный так из-за сильного лесного пожара, некогда на нем бушевавшего. От поселка до острова – километров тридцать по извилистой, неширокой протоке Осхем.

Пристав к острову, Тавет выбрался из лодки и пошел на разведку. Ланги потрусил за ним. Они пересекли несколько небольших болотцев, взобрались на песчаную гриву и вдруг услышали вдали гортанные крики диких гусей.

Тавет молниеносно перезарядил ружье, сменив четвертый номер дроби на более крупный и нулевой. Гуси! Надо же, такая удача! Теперь только бы не промахнуться!

Вот со стороны Куншольского сора показалась небольшая стая. Кружа над болотом, гуси высматривали место для посадки. Тавет выругался с досады: птицы явно не собирались подлетать ближе, а с такого расстояния целиться бесполезно. Чем бы их подманить? Наконец его осенило, – как же он мог забыть, что гуси всегда реагируют на бегающую по земле собаку?

– Эй, Ланги! – крикнул он. – Вперед! Туда! – и указал на болото. Для верности он сдернул с головы и швырнул подальше свою шапку. Шапка – не утка. Ланги обязательно постарается принести. А гуси наверняка заметят пса.

Так и произошло. Гуси, увидев собаку, подались к песчаной гриве. Укрывшись за березой, Тавет взвел курок. Но помешала мелькнувшая перед глазами веточка – она вдруг прикрыла мушку. Пришлось выскакивать на открытое место, время было потеряно, и он, конечно, промазал. Гуси тем временем отлетели уже далеко. Раздосадованный Тавет пнул носком болотного сапога нарастающий ком снега. И тут случилось непредвиденное: под снегом, видно, оказался какой-то пенек. Тавет от неожиданности потерял равновесие, споткнулся и начал падать. Инстинктивно отводя в сторону руку с заряженным ружьем, он нечаянно нажал пальцем на курок. Прогредел выстрел, и левое бедро пронзило резкой болью.

«Дурак! – выругал он сам себя. – Я же забыл поставить предохранитель!»

Кровь тёплой струйкой побежала вдоль икры. Превозмогая подступившую слабость, Тавет сел на ягель и стал стаскивать с себя сапог и толстые ватные брюки. Как хорошо, что он надел сегодня именно их: иначе весь заряд сидел бы в ноге!

Сильно шла кровь. Но вена, кажется, осталось неповрежденной. «И почему только он не взял походную аптечку? Всегда берет, а сегодня, как назло, оставил в лодке...» Что же делать? – лихорадочно думал он. И вдруг вспомнил: мать говорила, что внутренние пластинки березовой коры хорошо останавливают кровь. С их помощью она однажды спасла соседа, проткнувшего себе в лесу руку острым ножом-сёхаром.

Кое-как доковылял до росшей неподалеку березки, Тавет отодрал кусок белой коры, отщепил прозрачную берестяную пленку и наложил на рану. Потом, разорвав нижнюю рубаху, перевязал бедро. Попробовал идти – но на раненую ногу ступить не мог. «Неужели задета кость? – Он снова опустил на ягель. – Да... в хорошее положеньице я угодил!.. – с горечью усмехнулся Тавет – И главное – сам опять во всем виноват!»

Нужно добраться до лодки, но как? Ведь до неё не менее километра, а идти он не может... тем более по болоту, по кочкам... И еды с собой нет... Ведь мать приготовила, а он от нее отмахнулся: дескать, зачем лишнюю тяжесть таскать, к вечеру вернусь, поем. Боль в ноге становилась все нестерпимей. Но Тавет все же потащился к березняку, охотничьим ножом срезал молодое деревце. Расщепил его слегка посредине, сделал небольшую поперечину. Опираясь на это сооружение – нечто вроде костыля, можно было немного передвигаться. Но далеко, конечно, так не уйдешь.

Тавета охватило отчаяние. Вечерело. Солнце, словно рыба, купалось среди облаков. Скоро станет темно. Тавет почувствовал, что сильно проголодался. «Может, удастся подстрелить хотя бы утку? – подумал он. – Но ведь Ланги не допросишься за ней сбегать... Пустой номер!»

А чирки и шилохвости, как нарочно, то и дело низко пролетали над самой его головой. Не утерпев, Тавет все же сделал пару выстрелов. Две утки упали в болото.

- Ну! – с надеждой сказал Тавет крутившемуся неподалеку псу. – Ну же, Ланги! Сделай такую милость! Возьми уток!

Но собака, услышав просительные, ласковые интонации в голосе, подбежала к раненному хозяину и, ласкаясь, протянула ему правую лапу в знак особой благожелательности.

- Тьфу! – сплюнул со злости Тавет. – И в кого ты только такой уродился? Разве что в меня, дурака?

К счастью, чирки свалились неподалеку. Опираясь на костыль, Тавет все сумел подобрать их. Кое-как развел костер и бросил уток в раскаленные угли. Никогда в жизни жаренный чирок не казался ему таким вкусным. Одного Тавет, поделившись с Ланги, съел, а второго оставил про запас.

Подкрепившись, он решил всё-таки добраться до лодки. Пожалуй, надо идти по песчаной гриве. Это гораздо длиннее, но, по крайней мере, будет сухо, в случае чего и присесть можно, передохнуть – не то, что в болоте.

Уже в сумерках Тавет двинулся в путь. Всё небо заволочло тяжелыми черными тучами. Дул холодный северный ветер. Не успел он пройти и сотни метров, как повалил снег.

В ельнике они застряли надолго – до самого утра. Слава Богу, удалось развести костер, да и чирок у них был. Еще раз перекусив, Тавет прижался спиной к

уцелевшемуся Ланги, прикрыл себе ноги еловыми лапами и забылся тяжелым сном.

Проснулся он на рассвете, дрожа от холода. Снег перестал, а ветер, наоборот, усилился. Всё кругом заволокло пеленой – уже не разберешь, где болото, где песок. Разворошив кострище, Тавет нашел несколько тлеющих угольков и снова развел костер. Идти дальше он пока не решался: пусть хотя бы уляжется ветер. Ланги заскулил. Крылышко чирка – не слишком обильный ужин для здорового, сильного пса, а на завтрак ни ему, ни хозяину не досталось и этого.

- Все четыре лапы у тебя в порядке. Промысли себе что-нибудь, - посоветовал Тавет собаке. И приказывал: - Идти! Ищи!

Лайка, порывав в ельнике, нашла мышиные следы. Комья земли так и полетели в разные стороны, но мышиная норка оказалось пустой. Ланги, зарывав, помчался по гриве в сторону берега.

Одному Тавету стало совсем тоскливо. Нога болела всё больше и больше – не началось бы заражение. Озноб сменился сильным жаром, явно поднималась температура.

Ланги не было довольно долго. Но каково было удивление Тавета, когда он вдруг увидел своего пса... с увесистым зайцем в зубах!

- Ну, Ланги! – обрадовался Тавет. – Такого я от тебя не ожидал! Молодчина! Умнейший пес! Умник!

Неужели в собаке наконец проснулся инстинкт охотника? Или Ланги затравил зайца в порыве горячего желания помочь раненому хозяину?

Как бы то ни было, пища теперь у них есть, огонь тоже, а с этим ханты ни в какой тайге не пропадет. Теперь надо только набраться сил, а там видно будет, что делать дальше.

Тавет освежал зайца, и вскоре над заснеженными болотами поплыл аппетитный запах жареного мяса.

- Шашлык на острове Горелом! – пошутил Тавет. – Будем его потом вспоминать, а, Ланги?

Пес ответил радостным заливым лаем.

Еще через час Ланги приволок к костерку растрепанного ястреба – тетеревятника, и Тавет понял, откуда у лайки на носу глубокая ссадина: Ланги со свойственной ему хитростью воспользовался случаем. Ястреб терзал зайца, а пёс, оказавшись свидетелем маленькой лесной трагедии, решил ее исход в свою пользу. В общей схватке досталось и ему.

- Молодец! – сказал Тавет и поцеловал собаку в теплую мордочку. – Ты, конечно, пройдоха, но друг – настоящий. Спасибо!

Тем временем снова поднялась пурга. Утихла она лишь на следующий день. Тавет, преодолевая боль, тронулся в путь. Ему казалось, что он идет довольно быстро, но когда обернулся, увидел: ельник темнеет совсем рядом. Он со своим березовым костылем не проталился к полудню и четверти километра!

Тавет чуть не заплакал, а вместе с подступившими слезами пришел новый приступ слабости. Глаза заливал пот, хотелось пить. Пожевав снег, Тавет опустил на землю. Когда Ланги подскочил к нему, обвязал его шарфом, а концы прикрепил к своему поясу. Теперь с помощью собаки, отталкиваясь локтями и коленом здоровой ноги, он медленно пополз к протоке.

К вечеру показался берег. Лодка была на месте. До нее оставалось не более сотни метров, когда Тавет вдруг потерял сознание.

Очнувшись он от неистового собачьего лая. Над головой маячила кедровая ветка. Сквозь нее просвечивало серое небо.

- Ланги! Потише! – попросил Тавет. И подумал: «На кого это ты так расшумелся?»

Переводя взгляд в сторону берега, он оцепенел: возле лодки стоял огромный медведь.

Тавет нашарил двустволку. Слегка приподнявшись, достал из кармана патроны. Не успел он перезарядить ружье, как медведь, мотая головой, двинулся прямо к нему.

«Весна! – мелькнуло в мозгу Тавета. – Медведь голоден! Голоден, зол и опасен! Если промажу – конец».

Хозяина тайги явно раздражал собачий лай. Не натасканный на медведя, Ланги не слишком боялся зверя, но как вести себя – толком не знал. Он то подскакивал к берегу, то мчался обратно, а медведь медленно приближался к редкому кедрачу, где лежал Тавет. Метрах в десяти он вдруг взревел и встал на задние лапы.

У Тавета замерло сердце. Он положил палец на спусковой крючок и застыл в страшном напряжении. Ланги в страхе прижался к нему.

Неожиданно медведь развернулся и длинными прыжками устремился в лес.

Напряжение спало, но теперь Тавет вконец ослабел... Он распластался на ягеле, не в силах даже пошевелиться. И вскоре впал в новое забытие.

Сколько оно длилось – Тавет не знал. День снова клонился к вечеру. И снова нестерпимо хотелось есть. Нашупав на земле кедровую шишку, он с трудом выколупнул из неё несколько прошлогодних орешков и сжевал их вместе с кожурой. Ланги тоже понюхал шишку, но есть не стал.

Вокруг со стороны реки донесся еле слышный рокот подвесного мотора. Лодка! Люди! Возможно, что Тавета ищут!

Теперь главное – дать о себе знать!

Тавет выстрелил в воздух. Шум мотора стал удаляться. Неужели не услышали?!

- Ланги! – закричал он. – Голос! Пёсик мой, го-лос-с!

Вся надежда была только на собаку.

Ланги тотчас оказался возле лодки и залаял так, что у Тавета зазвенело в ушах, а с ближайшего болотца поднялись испуганные птицы.

Неужели и теперь не услышат?

Не слышали... Наверное, мешал мотор, относивший звуки в сторону от реки.

Мотор на мгновение притих, потом заработал снова. Было ясно, то лодка, обогнув Горелый, спускается дальше, вниз по течению.

«Наверное, просто для заправки остановивались», - подумал Тавет. И еще подумал, то протока, по которой они с Ланги добрались до острова, могла за эти дни обмелеть. Тогда на остров нет иного пути, как через более глубокую протоку Мехот-Пухар, а это лишние полсотни километров. В поселке, поди, и не сообразят, что он подался в такую даль – ведь матери сказал, к вечеру, мол, буду дома.

Значит, выход один: во что бы то ни стало доползти до своей лодки.

Цепляясь руками за мокрую от растаявшего снега прошлогоднюю траву, он продвинулся немного вперед. Каждый метр давался ему с огромным трудом, перед глазами стоял туман, перехватывало дыхание. Но, кусая до крови губы, Тавет упрямо полз к лодке...

Наконец, сделав последнее неимоверное усилие, он схватился ладонью за корму.

Тут его ожидал новый удар. Рюкзак со съестными припасами – хлебом, чаем, маслом, сушеной рыбой, был разодран и пустой валялся на дне. Пробка бензобака выдернута, а сам бак свернут в сторону. Весь бензин вытек. Хозяин тайги похозяйничал здесь в свое удовольствие. Не такой уж он, значит, был голодный!

- Дьявол косолапый! – выругался Тавет. – Ободрал меня подчистую! Чтоб тебе провалиться!

Забравшись в лодку, Тавет примостился рядом с мотором. Идти на греблях? Но вряд ли у него хватит на это сил. В лодку запрыгнул Ланги. Предвкушая поездку, он устроился на своем излюбленном месте – на самом носу.

- Зря радуешься! – усмехнулся Тавет. – Никуда мы не едем...

Какое-то страшное безразличие вдруг овладело им. Нога словно закаменела, видимо, сильно опухла. Тяжелым туманом наполнил сон. Откинувшись к заднему сиденью, Тавет уснул.

Ему снились бесконечные крутолобые сугробы, среди которых он скользил на своей дюральнойке, снился медведь, оскливший клыкастую пасть. Протянул руку, Тавет хватал зверя за мощный загревок и силился позвать собаку: «Ланги! Ланги! Поему ты не помогаешь? Ланги?», но язык не слушался, и пес лишь с недоумением глядел на хозяина. Наконец удалось крикнуть: «Ланги! Спасай!»

Видимо, он кричал во сне, потому что, вздрогнув, тотчас проснулся. Лайки в лодке не было, на берегу – тоже.

- Ланги! Где же ты? Ланги! – проронал Тавет.

В ответ лишь прошелестел легкий ветерок. Похожие на спины гигантских осетров отроги Полярного Урала розовели на закатном солнце. Кругом было тихо. Заметно потеплело, снег почти растаял.

«Куда могла подеваться собака? Неужели опять медведь?»

- Ланги! – еще раз тихо позвал Тавет. – Вернись, Ланги! Я же без тебя совсем пропаду...

Пес все не возвращался.

Но вот наконец за дальним мыском раздался собачий лай.

- Славу Богу! – облегченно вздохнул Тавет.

Вскоре из-за кутов тальника, облепленный глиной м грязью, показался Ланги. Увидев хозяина, он взвизгнул и устремился к нему. Лизнув Тавету висок, снова умчался в лес. Потом опять прибежал. «Чему он радуется? – удивился Тавет. – Может, какую дичину промыслил?»

Но тут в редьком кедраче, метрах в ста от берега, показался какой-то человек.

Тавет протер глаза: наяву или во сне?

Но человек быстро шел к лодке.

Тавет не удержался, заплакал...

- Ладно, ладно, успокойся! – сказал человек. – Теперь все будет в порядке...

- Это ты, Микупур? – улыбнулся сквозь слезы Тавет.

- Я самый, забыл, что мы с тобой в одной школе ребятишек учим? – засмеялся тот.

- Как же ты нас нашел?!

- Пса своего благодари! Я к родственникам на лодке ездил. Возвращаюсь мимо Горелого, смотрю, какая-то собака на крутояре сидит и волком воет. Подошел поближе к берегу, пригляделся, смотрю – Ланги! Э-э, думаю что-то тут не так, с Таветом, видно, беда...

- Понимаешь, оступился, на курок нечаянно нажал...

- А ну повернись, покажи ногу-то.

- Угораздило, понимаешь...

- Молчи, молчи, разговаривать потом будем. На охоте всякое бывает...

Пролежав месяца полтора в районной больнице, Тавет начал потихоньку ходить.

К осени решилось, что его переводят на работу в город. Первого сентября уже надо было приступать к новым обязанностям, а квартиру еще не дали.

- Поживете пока в гостинице, - сказали Тавету в гороно. – Потом с жильем все уладим.

«А как же Ланги? – сжалось сердце Тавета. – Для матери место в гостинице, конечно, найдется, но кто пропишет собаку?»

Стали готовиться к переезду.

Вещи, книги, охотничье снаряжение – всё в доме вверх тормашками.

Чувствуя какие-то перемены, Ланги с беспокойством крутился среди этого беспорядка.

- Ну что ты тут вертишься? – с досадой спрашивал его Тавет. – Иди погуляй! Не видишь разве, как мне тошно?

Ему и в самом деле было не по себе: куда девать собаку? Разумеется, в поселке есть кому приютить Ланги, а то вовсе забрать к себе. Но ведь не всякой семье доверишь такого пса, как этот! Там грубоватый подросток растет, тут за собакой толком присмотреть некому, у тех вечный кавардак – и сами поесть во время не успевают, и Ланги не накормят.

Мать тоже нервничала. Ей трудно было расставаться не только с Ланги, но и с поселком, в котором прошла её жизнь...

Как-то вечером к Тавету наведалься его старый приятель – Логи.

- Узлы вяжешь? – спросил он, встав на пороге. – Давай помогу!

- Узлы-то я сам соберу,- вздохнул Тавет, - а вот что с лайкой делать – ума не приложу. В город не повезешь, здесь тоже не придумаю, с кем оставить.

- Мало думаешь! – улыбнулся Логи. И присвистнул: - Джек. Ко мне!

В комнату вбежала темно-серая мохнатая дворняга. Ланги, поставив уши торчком, вытянул морду в сторону гостя. Потом, приблизившись к нему и обнюхав со всех сторон, добродушно оскалился.

- Вот видишь, - сказал приятель, - наши песики уже нашли общий язык. Поему бы тебе не оставить Ланги у меня?

- Хм, - отозвался в раздумье Тавет.- Это мысль!

- И неплохая.

- Правда, твой Джек бывает и агрессивным. Помнишь, как они однажды подрались с Ланги?

- Помню. Это когда ты у Джека попросил лапу, а твой красавец вздумал тебя ревновать?

- Стал Джека отпихивать и сам лапу подал...

- А мой, конечно, такого нахальства не стерпел и пустил в ход клыки... Еле мы их растащили тогда.

- Что поделаешь, собачья дружба без драк не обходится.

- И не только собачья!

Они вышли на крыльцо покурить. Псы мирно играли во дворе. Решение было принято. Ланги оставался в поселке.

В день отъезда Тавет перетаскил во двор к другу собачью конуру. Чтобы не возбуждать у Ланги никаких подозрений, он не стал с ним прощаться. А Ланги, увлеченный свежей костью, не заметил его поспешного бегства.

Мать с вещами ждала теплоход, идущий с Омска до Салехарда. Стоянка была недолгой – всего полчаса. Тавет грузил узлы, книги, чемоданы, а на душе было спокойно. Он тоже вырос в этом поселке, работал здесь в школе, у него тут много

друзей...Трудное дело – переезд на новое место... Угнетало Тавета и чувство вины перед любимой собакой. Пусть Ланги нехудо пристроен у хорошего человека, но все-таки тот для него не хозяин... И вряд ли привыкнет к нему...

Матросы уже собирались убирать трап, как вдруг на деревянные сходни метнулась чья-то мохнатая тень.

Ланги!

Мгновенно сыскав Тавета в толпе пассажиров, пес забросил ему лапы на грудь. Он тяжело дышал, свесив язык, но глаза у него были счастливые. Еще бы! Ведь он нашел хозяина!

Мать заплакала и отвернулась. Тавет и сам с трудом сдерживал слезы. Он погладил лайку по упругой спине.

- Молодец, Ланги. Умнейший пес! Умник! А теперь иди,, иди!..

Ланги в ответ лизнул Тавета в щеку.

- Знаешь что? – обрадовался Тавет. – Конечно, возьмем!

В это время раздался басовитый гудок теплохода. Расталкивая людей, к ним протиснулся помощник капитана.

- Товарищ! Вozить животных на пассажирских судах без намордника запрещено. Сейчас же уберите пса. Слышите?! Мы и так опаздываем!

Пришлось схватить Ланги за ошейник и спустить на дебаркадер.

-Держи его! – крикнул Тавет стоявшему на пристани Логи. -Держи покрепче! Я скоро за ним приеду! Счастливо!

Теплоход отчалил. Скрывшись в каюте, Тавет долго еще слышал душераздирающий вой свое верной собаки.

Прошло полтора года. Тавет с матерью жили в гостинице, обещанной квартиры все не было. За это время Тавет, как ни рвался, не смог выбраться в родные края повидать Ланги – дела не пускали.

Потом пришло письмо от приятеля.

«Должен тебя огорчить», - писал тот. Не удастся мне совладать с твоей лайкой. Поначалу вроде стала привыкать к нашему дому, но как гудок теплохода услышит, так сама не своя. Не ест, не пьет, Джека моего чуть не загрызла, когда он к ней сунулся. А в последнее время Ланги и вообще одичал. Пропадает неделями. Часто видит его возле твоего бывшего дома. Тяжело мне про такое писать, ведь вроде сам вызвался за собакой приглядывать, но ничего поделатъ не могу...»

Только следующей осенью удалось Тавету поехать в поселок. Прямо с пристани поспешил он к дому своего друга. Но собаки там не было...

- Секи повинную голову! Не знаю, где Ланги. Уже месяца два его не видел, - развел руками приятель.

Тавет побрел по знакомым улицам.

- Не видели мою лайку? – спрашивал он у каждого встречного.

Люди пожимали плечами – в северном поселке столько собак, разве за каждой из них уследишь?.. Но кто-то ему все же сказал:

- Старика Кулю знаешь?

- Это который на отшибе живет?

- Да, подслеповатый такой.

- Знаю, конечно.

- Загляни к нему. Может, туда твой пес прибился? У него часто приبلудные собаки живут.

Прибавив шагу, Тавет заторопился на топкую окраину поселка, где в бревенчатом пятистенном доме жил старый Куля. По дороге он заскочил в магазин, набил карманы печеньем и сахаром – побаловать Ланги, если он там. А для деда купил бутылку портвейна.

Ланги действительно оказался у Кули.

Но лучше бы Тавет его не видел.

Нечто включенное, облезлое, тощее, лежало, растянувшись, на деревянном крыльчке. Если бы не белая отметина, похожая на бабочку-капустницу, Тавет не признал бы Ланги.

Ошеломленный, он присел на корточки, погладил собаку по костлявой спине и с ужасом заметил, что в темно-серой шерсти белеют седые волосы.

- Ланги, - шепнул он. – Бедный мой Ланги...

Пес даже не шелухнулся, только скосил на него гноящееся глаза.

- Умнейший пес. Умник...

Эти некогда такие вожделенные слова, казалось, что-то пробудили в собаке. Она поднялась, села и потянула носом воздух.

Но, видно, и запах Тавета был уже не таким, как прежде, - Ланги, зевнув, снова улегся на крыльце и безучастно установился в одну точку.

- А, это ты, Тавет? – послышался старческий голос.

В дверях избы стоял Куля.

- Здравствуйте, - сказал Тавет.

- Здравствуй, здравствуй. Значит, снова в наших краях?

Дед присел на рыбный ящик, достал прокуренную до черноты трубку.

- Так, так... Соскучился, значит, по родным местам? – вздохнул он. – Не надо уезжать. Я вон всю жизнь на одном месте сижу... Здесь родился, здесь и помру. Теперь уж скоро. Ноги не держат...

Голубой табачный дымок поплыл над болотцем. Тавет молчал, не зная, что сказать. На душе у него было тяжело.

- Собаку-то свою признал? – продолжал Куля, - Постарела она. Глухая, стала, слепнет, вроде меня. Жаль, жаль... Хороший, говорят, был пес. Он ведь тебя однажды от верной смерти спас, когда ты себе на Горелом острове прострелил ногу. Было такое?

- Было.

- Да-а, вот так-то.

Дед умолк, посасывая свою трубку. Тавет вручил ему портвейн, а печенье и сахар положил на крылечко под самую морду задремавшего пса.

- Привязался ко мне, - дед ткнул пальцем в сторону собаки. - Заявился однажды - вот и живет. Я его не гоню. Мы с ним как раз пара - последние денечки на белый свет смотрим...

- Ланги!- снова наклонился к нему Тавет. - Пойдем со мной! Я ведь за тобой приехал. За тобой, слышишь?!

Старик встревожился.

- Что это ты надумал? Пес совсем плох. Только измучаешь его в дороге. Да и меня последней радости лишишь. Я привык к нему, все не один в доме.

Ланги тем временем проснулся и захрустел печеньем. Но и ел он как-то вяло, без удовольствия, не выражая ни малейшей благодарности. Тавет был уже для него Никем.

«Да, - подумал он, - животное, как и человек, не прощает измены».

- Видишь, - кашлянув, сказал дед. - Не признает он тебя. Оставь уж его здесь, не мучай...

На следующий день Тавет уезжал. На пристань проводить его пришел Логи со своим Джеком, а в последнюю минуту у дебаркадера появился вдруг старый Куля. За ним понуро плелся Ланги.

- Смотри, кто пришел! - сказал Логи.- Поднимайся скорей на трап!

Теплоход дал гудок. Лайка дернулась и бросилась к реке.

- Ланги!!! - изо всех сил закричал Тавет. - Прощай! Прости меня! Умнейший пес! Умник!

Пальцы его, вцепившиеся в поручни, побелели. Горло сдавил горький тугой комок.

Пес с размаху влетел в холодную воду. Белое пятнышко на его мохнатой груди в последний раз мелькнуло перед глазами Тавета.

Через несколько минут на поверхности реки можно было разглядеть лишь вспененные буруны от винтов теплохода.

С берега что-то кричали Логи и старик и Куля, но скоро и они скрылись из виду.

Когда за излучиной реки показался остров Горелый, Тавет ушел в каюту. Лег на койку лицом к стене и пролежал так, не двигаясь, до самого вечера.

НАТАЛЬЯ ШАМРАЙ**ДИВНЫЙ КРАЙ ЯМАЛ**

Манящая свобода зовёт меня с собой.
И голос на перроне

объявит поезд мой.

Пути назад не вижу, засыпана тропа.
Столица за порогом, надолго?
Навсегда!

А может мне всё сниться?

Не в силах я бежать.

Но голос на перроне зовёт меня опять!

Манящая свобода

возьмёт меня с собой

А голос на перроне

объявит поезд мой.

Край дивный на планете.

Ямал его зовут.

Прекрасней всех на свете.

Я здесь нашла приют.

ЯМАЛЬСКИМ ПОЭТАМ

Нас бьют враги, нас душит непогода.

А критика сжигает сердце нам.

И кажется, что гибнут год от года

Поэты, отдавая жизнь строкам.

Но мы родимся заново, и вновь.

Неровен путь любви и жизни нашей.

Как в первый раз

напишем про любовь.

Всё повторится, только ещё краше.

Ямалу песнь поём, слагая жизни гимн.

Союз поэтов вновь непобедим.

ОСЕНЬ НА ЯМАЛЕ

Снова тундра золотом одета
Звонко в небе плачут журавли.

Вспоминая солнечное лето,

Улетая от родной земли.

Не горюйте! Солнце жарким светом
Озарит безбрежные снега.

Вновь вернётся в нашу тундру лето.

Стихнет вьюга, замолчит пурга.

Серебриться иней на висках,

Осень наступила незаметно.

Но не гложет сердце нам тоска.

На душе весна и даже лето.

Не пугают вьюги нас и годы.

Мир прекрасен, где стоит наш дом.

Пьём нектар любви родной природы.

На Ямале мы с тобой живём.

ЕВГЕНИЙ МАТЮШЕНКО**ЯМАЛЬЦЫ**

Здесь край мерзлоты

и болот комариных,

Зима здесь почти круглый год.

О крае ямальском слагают былины,

Живет здесь особый народ.

Народ-исполин и народ-испытатель,

Его ни морозы, ни норды не гнут,

Порой романтический,

порою мечтатель,

Он нефтью и газом снабжает страну.

Бывают нередко задержки с зарплатой,

Порою подолгу ее не дают,

ВАСИЛИЙ БАРЫЛЬЧЕНКО

ТАЙГА

Здесь вокруг тайга, как ежик, соснами,
Где-то рядом бродит дикий зверь.
Это край, куда судьбой мы сосланы,
Здесь смеяться, плакать нам теперь.

Выстоим, мы выстоим, мы сможем
(Сводки почитаете потом),
Здесь мы город юности заложим,
По болотам трассы проведем.

Нефтяные вышки к небу выкинем,
Поглядим на дальний горизонт,
А иначе просто не привыкли мы,
Нам иначе просто не резон.

Вырастут дома, в пространствах улиц
Будет смех веселой детворы,
Там, где мы, под ветрами сутулясь,
Разводили первые костры.

На веселый праздник с фейерверками
Прилетит знакомый вертолет.
Жаль не все из тех, кто были первыми,
К нам на этот юбилей придет.

А вокруг тайга, как ежик, соснами,
Где-то рядом бродит дикий зверь.
Этой край, куда судьбой мы сосланы,
Здесь смеяться, плакать нам теперь.

НЕНЦЫ

Кто видел их не в кадрах киноленты,
Тот знает, где нагали нам легенды.
У них у всех обветренные лица,
Они живут в лесу, совсем как птицы.
Домов не строят, у костра ночуют,
Врага и друга чутким сердцем чувю,
Разделят с каждым пищу и приют.
Они не мстят, они не предают.
Они на зло не отвечают злом,
Им хитрость и коварство

наших дней
Неведомы, и тем они сильней.
Но только ночь над ними,
только ночь!

И я не вижу жаждущих помочь.
Как жаль, но их все меньше остается,
Сто, двести лет пройдет –
и песня их прервется.

ОБЩЕЖИТИЕ

Посредине комнаты два тазика
Собирают капли с потолка,
За окном гудят КАМаз с УАЗиком,
Кто-то матом кроет из окна.
За стеной расплакался ребенок,
На кота исходит лаем пес,
Запах непростиренных пеленок
И сгоревшей каши режет нос.
Кто-то просит до получки денег,
В трудной жизни признается мне...
И на все на это смотрит Ленин
Из багетной рамы на стене.

ОЛЬГА НУРГАЛИЕВА

Разлетелись под ногами лужи
Сочным хрустом битого стекла,
Наконец-то после зимней стужи
Нам чуть-чуть достанется тепла.

ОЧАРОВАНЬЕ БЕЛОЙ НОЧИ

Когда с ночного небосвода
Луч солнца уходить не хочет,
Нам преподносит в дар природа
Очарованье белой ночи.

Дрожит струной прозрачный воздух,
Окутан лес закатной дымкой,
Ночная мгла ушла на отдых,
И ночь вдруг стала невидимкой.

Уж полночь на часах доходит,
А в небе все горит заря...
Плутовка-ночь нас за нос водит,
С полярным летом сговорясь.

Закат сменяется рассветом,
Глаз солнцу некогда сомкнуть,
Мир озаря ярким светом,
Оно по небу держит путь.

Когда кружить не хватит мочи,
На западе замедлит ход...
Очарованье белой ночи
Уснувший Север в плен берет.

Яркие созвездия брусники
Мне под ноги рассыпает осень...
Я к стволу сосновому приникну,
Залюбуюсь на речную просинь.

Греется в скупых лучах заката
Облетевший и притихший лес,
Трудно мне представить, что когда-то
Я жила вдали от этих мест.

Закрутив метели белый локон,
В город пробирается зима,
Теплым светом, льющим из окон,
Греются озябшие дома.

Нам еще нескоро ждать капли
И цветущей вербы над рекой.
Здесь, на этой снежной параллели
Трудно лету справиться с зимой.

Крупными горошинами дождик
Провожает нас до самолета,
Впереди маячит летний отдых,
Позади – заботы и работа.

Но минует срок определенный,
И по зову сердца компас сверив,
К удивленью стаи перелетной,
Осенью мы двинемся на Север.

Северным неброским покрывалом
Осень вновь укутывает лес...
Поняла, чего мне не хватало:
Грустно мне вдали от этих мест.

Школа литературного мастерства АКРОСТИХ

Акрості́х (др.-греч. ἀκρο-στίχis, ἀκρο-στίχιδος, ἀκρο-στίχίδα от др.-греч. ἄκρος — край + др.-греч. στίχος — ряд, линия, стихотворная строка; славянское: краегранёсие краестрочіе[1]) — 1). осмысленный текст (слово, словосочетание или предложение), сложенный из начальных букв каждой строки стихотворения; 2). литературная форма: стихотворение, в котором некоторые (как правило, первые) буквы каждой строки составляют осмысленный текст (слово, словосочетание или предложение).

ИСТОРИЯ АКРОСТИХА

От античности и до средних веков выбор этой формы чаще связан с сакральными мотивами (читается имя Христа, Девы Марии и т. п.), или с обращением поэта (к своему покровителю, собрату по перу), или с подписью, встроенным в первый столбец букв авторским именем (считается, что именно так использовал акrostих его изобретатель, древнегреческий поэт и драматург Эпихарм; у истоков русского акrostиха также стоят акrostишные подписи жившего в XVII веке иеромонаха Германа, занимавшегося переложением псалмов: например, его переложение 140-го псалма показывает по первым буквам фразу «Герман монах моляся писах»).

ТИПОЛОГИЯ АКРОСТИХА

В функциональном отношении этим трём случаям соответствуют три типа акrostиха:

Акростих-ключ: читаемый по первым буквам текст в концентрированном виде выражает смысл произведения и, по авторскому замыслу, должен быть замечен всяким читателем; частный случай такого решения — стихотворение-загадка с разгадкой в первых буквах:

Довольно именем известна я своим;
Равно клянётся плут и непорочный им,
Утехой в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна,
А меж злодеями — не быть я создана.

Юрий Нелединский-Мелецкий

Акростих-посвящение: читаемый по первым буквам текст называет его адресата; часто этот адресат указан в тексте и другим способом (в названии, в эпиграфе, прямо в стихотворении), иногда других указаний нет, и тогда посвящение заметно только очень внимательному или подготовленному читателю:

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

Анна Ахматова, Песенка

Акrostих-шифр: читаемый по первым буквам текст не имеет прямого отношения к содержанию стихотворения и вводит в произведение новую, побочную информацию. Часто такой тип акrostиха использовался как средство обойти цензурные или иные запреты. В различных мемуарах встречаются упоминания об акrostихе Феликса Чуева с зашифрованным девизом «Сталин в сердце», об опубликованных в советской провинциальной периодике акrostихах Николая Глазкова «Дорогому Леониду Ильичу» (само стихотворение носило невинный лирический характер, что делало иронию в адрес Л. И. Брежнева одновременно безобидной и едкой) и Евгения Шешолина «Христос воскрес». Особенно известна история воронежского поэта Павла Мелехина, продававшего свои стихи более удачливым советским авторам и однажды, вместо собственной авторской подписи, зашифровавшего в первых буквах акrostиха своё отношение к поэту Михаилу Касаткину, купившему и опубликовавшему это стихотворение («И» в начале последней строки поставлено вместо «Ы»):

Месяц в городе ночью не виден,
Как над сквером — отдельный плафон.
Ах, зачем так безмолвен Никитин,
Словно морем огней напоён.
Автоматы у входа в аллею
Тоже будто бы странники тут,
Как слепцы — ни о чём не жалеют,
И даяния медного ждут.
Нам-то кажется полночь пустою,
Грубоватым — неоновый свет.
Он хоть движется, зреньё — в застою:
Вот чего опасайся, поэт!
Ну а чтоб глубоко, не парадно
Оценить, как мы нынче живём,
Встать на место Никитина надо —
И не в сквере, а в веке былом...

Ещё один тип акrostиха — алфавитный акrostих (абecedарий), при котором первые буквы стихов или строф образуют алфавитную последовательность. Примером такого акrostиха является ветхозаветный Плач Иеремии, первые четыре песни которого состоят каждая из 22 строф, причём каждая строфа начинается с новой буквы, в последовательном порядке еврейского алфавита.

Формальными разновидностями акrostиха можно считать более редкие телестих и месостих, в которых дополнительный текст читается не по первым, а соответственно по последним и по средним буквам стихотворной строки, а также акротелестих. В XX веке был опробован ряд усложнений формы, начиная с двойных и тройных акrostихов (первые, третьи и пятые буквы в каждом стихе), встречающихся в поэтической переписке Михаила Лозинского и Константина Липскерова. Крупнейшим современным мастером русского акrostиха является Валентин Загорянский, в чьих стихотворениях (автор называет их акрограммами) дополнительный текст может читаться сразу во многих направлениях (по первым, последним и средним буквам, обеим диагоналям и тому подобном).

Изредка аналогичная акrostиху форма встречается и в прозе: так, известен относящийся к самому началу XX века фельетон Александра Амфитеатрова, в котором антиправительственный лозунг читался по первым буквам слов. Последний абзац англоязычного рассказа Владимира Набокова «Сёстры Вейн» (англ. *The Vane Sisters*, 1951) также организован таким образом: первые буквы всех слов выстраиваются во фразу, представляющую собой ключ к рассказанной в основном тексте истории. В этих случаях, однако, правомернее рассматривать такое проявление акронимии не как самостоятельную форму, а как литературный приём, поскольку речь идёт об организации лишь определённого фрагмента текста, а не произведения целиком.

Вчера-Сегодня-Завтра

Литературное событие Тюменской области

ПОЭТ ИЗ ТЮМЕНИ СТАЛ ЛИТЕРАТУРНЫМ АКАДЕМИКОМ

Отрадная весть: наш земляк поэт Николай Шамсутдинов избран академиком международного сообщества писательских союзов «Академия поэзии», созданной в 1998 году.

Такое решение было принято на заседании академического президиума совсем недавно. А на днях стало известно, что в издательстве «Вектор Бук» издана 41-я книга Николая Меркамаловича — «Патрицианка».

В разные годы почётного звания академика «АП» были удостоены такие прославленные литераторы, как Анатолий Жигулин, Расул Гамзатов, Белла

Ахмадулина, Юрий Кузнецов, а также целительница Джуна. Всего их было 20. В последнее время в Академии поэзии числились только три академика: из Москвы — Евгений Рейн и Станислав Куняев, из Санкт-Петербурга — Глеб Горбовский. Шамсутдинов стал первым и единственным на сегодняшний день литературным академиком из российской провинции вообще. Любопытная деталь: в 1982 году молодой поэт, тогда ещё проживавший в Сургуте, также лидировал и с писательским статусом — стал первым членом Союза писателей СССР на огромном нефтяном материке Среднего Приобья.

При этом известность его простиралась далеко за пределы нефтяного региона. Сам Евгений Евтушенко на Всесоюзных днях Маяковского в Грузии назвал Шамсутдинова Николая Меркамаловича «автором гениальных образов». А в 1990-х французский филолог-славист Ренэ Герра поднял за Николая Меркамаловича тост как за «великого русского поэта».

Шамсутдинов не только поэт, но и публицист, переводчик. А также председатель региональной организации Союза российских писателей, член Международной ассоциации ПЕН-клуб, заслуженный деятель культуры РФ. Его стихи переведены на древнетюркский, грузинский, чеченский, белорусский, украинский, армянский, датский, немецкий, словацкий, английский языки. Сам он переводил произведения с татарского, аварского, грузинского, чеченского, абхазского, киргизского языков. Николай Меркамалович является лауреатом четырнадцати литературных премий, из которых девять имеют статус международных (они были получены в Украине, Германии, России, Чехии, Черногории). Среди наград, имеющих в творческом багаже поэта, — Всероссийская премия имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, Общенациональная премия имени А.М. Горького, Международная премия «Югра», а также литературные премии УрФО и губернатора Тюменской области. Кроме того, Шамсутдинов — обладатель Гран-при Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Республика Крым), высокого звания «Золотое перо России». В 2017 году он в пятый раз стал стипендиатом Государственной президентской стипендии в области литературы.

Гостиница журнала «Лифт»
Израиль

Евгений
Браверман

ЕВГЕНИЙ БРАВЕРМАН

ЛИМОН В МИНОРЕ

Печален мой нынешний стих,
Давно он не в праздничной тоге,
И голос уставший притих –
Охрип на житейской дороге.

Читатели вовсе не те,
А те – так давно уж далече,
И зябнут всё чаще уже
Поникшие дряблые плечи.

Сужается медленный круг
Старинной компании нашей,
Последний оставшийся друг
Мне сердцу дороже и краше.

И в каждый последующий миг
Мой пульс всё замедленной бьётся
И каждый последующий стих
Лимоном в миноре прольётся.

ЛИКИ ЛЮБИМЫХ

Лики фотографий полиняли.
Серыми, как стены дома стали,
А когда их сняли со стены –
Стены дома пятнами пошли.

С тех времен прошло не мало лет,
Многих близких и знакомых нет,
Но осталось на душе тепло,
Как на стенке светлое пятно.

КАШТАНЫ

Я забыт и заброшен богами,
Жизнь моя уподобилась сну –
Всё, что сеял своими руками,
Нынче я с сожалением жну.

Всё прошло, словно вешние воды,
Просочились сквозь зыбкий песок
И друзья, и родные, и годы,
Только память, как пуля в висок.

Я менял регионы и страны,
Климатические пояса,
И таскал я, таскал я каштаны
Для кого-то, но не для себя.

И ТАК - ВСЮ ЖИЗНЬ...

И так – всегда: без истины и сердца!
И так – всю жизнь: с мозгами набекрень!
С упорством гениальнейшего Терца
Мы догоняем собственную тень.

Но тень догнать, увы, не суждено нам,
И нечего завидовать другим –
Не стал богатым – значит не дано вам,
Будь лучше бедным, но зато любим.

«ТОТ СОН О ТЕБЕ»

Ты часто мне снишься,
То снежный, то знойный,
Возникший, как чудо в Приобской тайге,
И сон мой под утро всегда беспокойный,
О, мой Нижневартовск!
Тот сон о тебе!
Был праздник,
Не помню какой (их там много),
Весь город шумел, веселился, гулял,
И я по широким, просторным дорогам
Прошелся чуть-чуть - я тебя не узнал.
Я вышел к реке, чтобы там отдышаться,
Глядел на прибрежные чудо – огни,
Я долго бы мог так стоять, любоваться
Просторами вечно могучей Оби.
Но тут, невзначай,
Я подумал тоскливо:
«А что, если край этот – Родина мне,
Ведь я появился и прожил счастливо
Вот в этой,
Для многих несчастной, стране?»
И сердце, не выдержав,
Сжалось впервые,
Я понял, как дороги мне города,
Бескрайние степи и чащи лесные,
Которые я
Потерял навсегда.

Гостиная журнала «Лифт»
Болгария

Ангел
Марин

АНГЕЛ МАРИН

ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ

Когда-то давным-давно на Земле был остров, на котором жили все человеческие ценности. Но однажды они заметили, как остров начал уходить под воду. Все ценности сели на свои корабли и уплыли. На острове осталась лишь Любовь. Она ждала до последнего, но когда ждать уже стало нечего, она тоже захотела уплыть с острова. Тогда она позвала Богатство и попросилась к нему на корабль, но Богатство ответило:

- На моем корабле много драгоценностей и золота, для тебя здесь нет места.

Когда мимо проплывал корабль Грусти она попросилась к ней, но та ей ответила:

- Извини, Любовь, я настолько грустная, что мне надо всегда оставаться в одиночестве.

Тогда Любовь увидела корабль Гордости и попросила о помощи ее, но та сказала, что Любовь нарушит гармонию на ее корабле.

Рядом проплывала Радость, но та так было занята весельем, что даже не услышала о призывах Любви. Тогда Любовь совсем отчаялась. Но вдруг она услышала голос, где-то позади:

- Пойдем Любовь, я возьму тебя с собой.

Любовь обернулась и увидела старца. Он довез ее до суши и, когда старец уплыл, Любовь спохватилась, ведь она забыла спросить его имя. Тогда она обратилась к Познанию:

- Скажи, Познание, кто спас меня? Кто был этот старец?

Познание посмотрело на Любовь:

- Это было Время.

- Время? - переспросила Любовь. - Но почему оно спасло меня?

Познание еще раз взглянуло на Любовь, потом вдаль, куда уплыл старец:

- Потому что только Время знает, как важна в жизни Любовь.

МНОГО РАЗ Я СПРАШИВАЛ СЕБЯ

Много раз я спрашивал себя:
«Сколько стою я? Насколько стоящий?»
«Если в деньгах», – был ответ -
«То - ни черта!»

А в друзьях
Себя лишь одного годами помнящий.
А в улыбках
Хмурое лицо. Хмурое, да с подозрением.

А в годах - забытое давно
Будущее
Прошлым
Поколением.

Много раз я спрашивал себя - так и эдак -
Не найти прозрения.
Голова болит, болит душа,
Продолжая это выяснение.

И пока я ждал, искал ответ
Много утекло воды, вина и песен.
А она, которой рядом больше нет,
Не смогла понять, что был ответ известен.

Просто я как Кай у Королевы Снежной
Не могу сложить то слово.
Слово ВЕЧНОСТЬ.

перевод - Светлана Яковлева

Колонка критика

Михаил
Рябий

МИХАИЛ РЯБИЙ

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ – СУРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК С РАНИМОЙ ДУШОЙ

Так случилось, что познакомился я с Николаем Ивановичем в канун пушкинского двухсотлетнего юбилея. Было это в мае 1999-го, когда совместно с писателями, студентами и преподавателями мы готовились к научно-практической конференции в Ханты-Мансийске. В этом щуплом человеке, угадывалась какая-то подспудная сила. Был он прост в обращении, независим и не «зазнаист». Кто-то из тогдашнего круга писателей Югры его любил, кто-то терпеть не мог, кто-то боялся, кто-то заискивал... Возглавляя окружное отделение Союза писателей России, ему, по сути, человеку доброму, приходилось быть строгим и принципиальным при отборе кандидатов в организацию и на страницы редактируемого им альманаха «Эринтур».

За три срока его правления региональная словесность значительно преобразилась. Случилось это благодаря усложнению задач, поставленных перед нею. Они претерпели значительные изменения. Во-первых, в литературном ежегоднике публикации становились содержательнее. Во-вторых, в нем стала появляться своя «доморощенная» критика. В-третьих, альманах оказал влияние на проведение читательских конференций, по итогам которых в «Эринтуре» печатались лучшие отзывы о творчестве писателей. В-четвертых, в округе стали в большей степени цениться серьезные книги, а подделки «под литературу» все больше игнорировались. Читатели, участвовавшие в писательских встречах, научились анализировать их содержание: им было намного легче ориентироваться в литературных новинках. Николай Иванович как мог, пытался воспитывать своего читателя-гражданина для того, чтобы вести с ним серьезный разговор о персонажах югорской литературы – жителей

нашего края. Героями книг самого Коняева были простые люди, а также исторические и героические личности. В каждом персонаже можно было встретить частичку «сибирского» характера и они, действительно, являлись выразителями народного духа. Николай Коняев – внешне человек сдержанный, даже суровый, преобразался на глазах, когда речь заходила о чьей-либо книге или о творчестве вообще.

Вспоминается его образ – образ горячего спорщика, человека со своей философией и знанием людской психологии, уклада жизни соотечественников в мельчайших подробностях, которые сполна развернуться в его героях. Сюжеты повестей и рассказов Коняева, как правило, достаточно грустные, но (удивительное дело!), пережив с его героями все коллизии их непростой жизни, расстаешься с ними со светлым чувством. Их писатель не идеализировал и не романтизировал. Любой из них при своей «обычности» был далек от какого-либо крайнего индивидуализма, хотя при этом был человек вовсе не слабый. Даже коняевские «чудики» были выписаны настолько живо, необычайно, что можно было только догадываться, какой пласт был поднят из глубин земли сибирской для ее творческого возделывания. На этой почве у него, как художника, практически нельзя было обнаружить «гноса» всякого рода. Племя гадких и трусливых, подлых по природе ему всегда было не по душе.

К православной вере Коняев относился очень серьезно: он считал, что об этом таинстве души сегодня среди писательства многих пустых разговоров. Николай Иванович любил повторять: «О вере всегда лучше помолчать». Многие его персонажи при этом, как догадывался проницательный читатель, были люди верующие. Иначе бы роль каждой отдельной личности в его повествовании была бы размыта и, в лучшем случае, минимизирована. Его герои из народа стараются жить по совести, хотя, может быть, и не всегда это им удается. Однако, поскользнувшись, они всегда встают на ноги и продолжают свой непростой путь в поисках истинного смысла жизни.

Надо назвать еще одно качество этого замечательного писателя: умение не только слушать, но и слышать своих литературных персонажей. Как порою этого не хватает тем, кто пытается выдавать желаемое за действительное, не видя со стороны свою скороспелую реальность, такую незнакомую и непонятную народу. самого главного глазами, действительно, не увидеть: реальность должна быть выношена писательским сердцем, выстрадана его духом.

Земляки-тюменцы и северяне были в его творческой мастерской, как глина – лепи, что захочешь. Но выходило на проверку, что этот «рабочий материал» оказывался крепче мрамора и бронзы, из которых иные возводили своих «эталонных» героев. Все это, конечно же, не удаляло Николая Коняева от нашей сибирской истории, а, напротив, приближало к ней.

В последнее время он уделял внимание историческим исследованиям и публицистике, в результате которых появилась многожанровая книга «Моя нечаянная родина», сборник «Право на профессию» и его первый исторический роман, так до конца не оконченный. Главной своей задачей писатель считал сопоставление современности с тем, что удалось сохранить в народной культуре от предков.

Творчество Николая Коняева – не повод для разговора мимоходом, книги этого автора нуждаются в серьезном исследовании.

Добавим в заключение нашего повествования, что писателями становятся те, кто не может не писать, поскольку есть необходимость души в творческом выражении. Прозаик Николай Коняев один из тех немногих сибирских писателей, чьи книги открывают читателям мир провинции, где еще сохраняются сострадание к ближнему, память о предках, вера в добро. А сохранить человечность невозможно без знания прошлого, без сострадания к ближнему, без любви к Отечеству, без веры, а также без хорошей и умной книги.

Вечный огонь

Роза
Сарьянова

Николай
Коняев

РОЗА САРЬАНОВА

СУХАРИКИ

Внучка Евгения вернулась домой расстроенная. Она сегодня в пух и в прах разругалась со своим молодым человеком. А вечер начинался так прекрасно. Слава подарил ей огромный букет роз, пригласил в кафе отметить годовщину их знакомства. Танцевали до упаду, под взглядом влюбленных глаз Славы Жене было так хорошо, она купалась в лучах счастья.

Все произошло в одно мгновение. Женя по привычке стала подбирать со стола крошки хлеба, машинально отправляя их в рот. И заметила насмешливый взгляд Славы: «Ты что, Женя, голодная, не наелась? Может, ещё заказать блюдо? Я достаточно зарабатываю, пора тебе отвыкнуть от этой привычки нищих». Женя вспыхнула и сказала все, что думает о жлобах и новых русских. Встала и выбежала из ресторана. Села в проезжающее такси и уехала домой, не обращая внимания на извинения Славы.

Дома быстро, еле сдерживая слезы, прошла в свою комнату и зарыдала. Слезы текли ручьем. На расспросы бабушки Зинаиды ничего не отвечала. «Всё пропа-а-а-ло, разругались мы со Славой, а я ведь его так лю-ю-блю, бабушка!» И причину своего горя она не могла рассказать бабушке. Так и уснула вся в слезах.

Утром, проснувшись, она вспомнила все события вчерашнего вечера. На душе стало ещё тяжелее. Подумалось, что зря она обидела Славу. Он добрый, хороший. Она сама виновата. Действительно, пора избавляться ей от своих детских глупых привычек.

Женя с детства замечала, как бабушка Зина бережно подбирала крошки хлеба со стола, не выбрасывала ни кусочки хлеба: сушила из них сухарики.

За завтраком, увидев, как бабушка опять собирает крошки хлеба со стола, она сердито посмотрела на неё и с издевкой сказала: «Ты что, бабушка, не наелась? Может, еще положить кашу?»

Бабушка Зина подняла на неё удивленные глаза, сказала с обидой:

– Спасибо, внученька, наелась, а это привычка осталась ещё с военных лет. Хлебные крошки и сухарики спасли мою маму и моих двух маленьких братьев.

– Ты никогда не рассказывала об этом, бабушка, – извиняющимся голосом произнесла Женя.

– Наверное, случая не было. Тяжело вспоминать те голодные военные годы. Сухарики и крошки хлеба, внученька, человека в военные годы от голодной смерти спасали. Вот слушай, – начала бабушка свой рассказ.

В тысяча девятьсот сорок втором, как только окончили школу, нас, шестнадцатилетних девочек, призвали на военные работы. Кого-то определили

в санитарные части, а меня и ещё одну девчонку отправили на военный завод в столицу нашей республики. Заводом считать это огромное предприятие можно было с трудом. Довоенный завод с оборудованием был эвакуирован с Украины. На пустом поле, далеко от города, построили строение: наскоро возведенные стены, пол земляной, зацементировано только под станками. Отопления нет: летом ещё можно работать, а зимой страшный холод. Подучили нас, девчат молоденьких, и поставили к станку. Специалистов не хватало. Несмотря ни на что, завод уже работал, выпускал танки и снаряды для фронта. Вот и нас каждого научили точить определенную деталь к снаряду. И начались трудовые будни. Рост у меня маленький, не дотягивалась до станка. Тогда соорудили скамейку: вот постоишь смену, нагнувшись над деталью, к концу смены ног не чувствуешь – немеют от напряжения и холода. Только к концу войны вытянулась я, тогда скамейку убрали.

Трудно ли было, спрашиваешь ты. Сама посуди: работали в две смены. Двенадцать часов около станка, а потом сон. Рядом в бараке жили, поочередно с девчонкой спали на одной кровати – почти не встречались, я прихожу – а её уже нет, я ухожу – она приходит. Иногда, чтобы экономить время, спали тут же, в цеху, в загороженном закутке на углу. Нет, грохота станков не слышали, дойдешь до койки – сразу и заснешь. Было холодно: спали, прижавшись друг к другу, так теплее. Бывало, к утру одежда примерзала к стене, волосы отдирали со льда. Что удивительно, не болели, то ли организм молодой спасал, то ли чувство долга помогало выстоять.

Потом, уже после войны, психологи придумали объяснение: дескать, организм мобилизовал скрытые силы. Может, так и было. Об этом тогда не думалось – нужно было в каждую смену, несмотря ни на что, выполнить норму. Каждый понимал, ведь от того, как ты работаешь, зависела судьба солдат на фронте, в конечном итоге, и победа над врагом.

Конечно, было тяжело, и плакали втихомолку. Пожалеть некому, нет рядом мамы. Только раз в месяц положены два дня отдыха.

Я старалась в эти дни съездить домой за сто сорок километров – там ждали мать и два младших брата. Важно было не столько их повидать, сколько отвезти им сухариков, которые, отрывая от своего пайка хлеба, сушила в течение месяца и хранила в тумбочке.

Моего приезда ждали как чуда. Семье жилось очень тяжело, голодали они. Мать после смерти отца тяжело болела, оглохла даже. Помочь нашей семье некому, она не имела даже тех льгот, которые были у других, чьи отцы сражались на фронте. А наш отец погиб до войны, спасая табун лошадей от пожара. И поэтому нашей семье не положен был аттестат за погибшего. Хотя старший брат воевал на фронте, но почему-то не считался кормильцем семьи.

Младшие братья ещё очень малы, одному к началу войны было пять лет, второму исполнилось три годика. Они отца почти и не помнили.

Понимала, что я для семьи единственная опора и кормилица. Поэтому трудилась ударно, перевыполняла план, всегда подменяла заболевших товарищей – получала премиальные за сверхурочный труд – паек хлеба. Старалась экономить каждый кусок хлеба, ела не весь паек, научилась обойтись супом и кашей. Все-таки мы считались военнообязанными, нас кормили горячим обедом, а ещё выдавали за сутки шестьсот граммов ржаного хлеба. Вот этот запас я и отвозила домой матери. И ждали моего приезда больше, чем сейчас маленькие дети ждут прихода Деда Мороза.

Железнодорожный билет покупать денег не было. Добирались с подружкой, обычно, пробравшись на крышу вагона. Привязывали себя веревкой, чтобы не выпасть на ходу. Если уж совсем повезет – то в теплушках, пока нас не обнаружат и не прогонят. Иногда от проверяющих ревизоров откупались хлебом, иногда убегали.

Дома мать старалась тот маленький запас хлеба тянуть до моего следующего приезда. Хотя, конечно, еды им все равно не хватало. Ели всё: лебеду, крапиву – весной перекапывали огород в надежде найти перегнивший картофель. Сушили его, перемалывали, готовили на золе лепешки. Но такая еда не спасала, было постоянное чувство голода. Картофеля было мало, пахали, впрягшись в плуг, бабы сами, а детишки копали. Земля оскудела. И сажать ведь тоже не было семян, сажали картофельные очистки. Вот поэтому осенью и выкапывали скудный урожай, и до весны его не хватало.

Однажды случилось со мной такое страшное событие, что даже сейчас, через пятьдесят лет с тех дней, не могу вспомнить без содрогания. Оставалось два дня до выходных. И ведь как повезло: в этот раз поеду не «зайцем», а в вагоне. Мне за ударный труд выделили проездную literу – так назывался железнодорожный билет.

А когда пришла с работы, то остолбенела. Дверца тумбочки раскурочена, сухариков нет. Зарыдала, как по покойнику, навзрыд. Долго не могла остановиться. Прибежали на рев девчата из моей смены. Привели коменданта, сурового мужчину, бывшего фронтовика. Узнав, в чем дело, он в сердцах ругнулся. Вора не нашли. Отчитал и меня комендант: «Зачем, раззява такая, в тумбочке держала? Почему на сохранение ко мне не принесла?»

Ревы, не реви, концов не найти. С чем теперь поеду к матери? Осталась я работать. Ещё ту же затянула ремень, уже совсем не ела хлеба, договорилась с комендантом и отдавала сухарики ему на хранение.

Матери отписала, что всё хорошо. Только вот, мол, не отпустили на этот раз, заказ большой получили. В следующий месяц непременно приеду. Осунулась за этот месяц, почернела от дум тяжких о матери и братьях. Как они там, живы ли, чем питаются?

А когда через месяц поехала, с железнодорожной станции двенадцать километров не шла, бежала. Спотыкалась, падала, опять поднималась и бежала. Успеть бы, не опоздать бы. Сколько раз слышала от девчат, как умирали от голода в деревнях.

Успела вовремя. Братья уже не могли ходить, опухли от голода. Пытались улыбнуться потрескавшимися губками. Радоваться даже у них не было сил. Подтопила я печку, вскипятила воду, сухарики развела в воде и накормила ребятешек и маму отваром. Двое суток не отходила от них.

Мать и братья просили еще хлеба, но знала – нельзя. Могут умереть от переедания, нужно кормить понемножку. На третьи сутки братья порозовели, начали ходить. Спасла я семью от голодной смерти. А уже пора было уезжать. Мать на прощание целовала мне руки, благодарила, спасительницей называла. И братьям велела встать передо мной на колени, благодарить сестру. Положила на их маленькие головки руку, сказала: «Меня не будет, вот вам и мамка, и нянька, и тятка, слушайте во всем сестру».

Действительно, умерла мать рано. Братья выросли, живут своими семьями. Откуда не приедут, первым делом ко мне заходят, обнимут и скажут: «Мамка-нянька, а это тебе гостинец, спасительница ты наша».

– Вот так, внученька, в войну крошки да сухарики спасали от смерти.

Женя обняла бабушку:

– Прости меня, бабушка, за грубость.

А Славе она обязательно расскажет бабушкину историю. Он поймет, если любит.

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

ОТГОЛОСОК

Шёл 1958-й - четырнадцатый послевоенный год.

В колхозе жилось несладко, беда подступала за бедой: ураганные северные ветры с проливными дождями сменялись суховеями из казахстанских степей, хлеба то ломало, то гноило на корню, то выжигало зноем. Наши отцы и деды всё реже вели разговоры о минувшей войне, она для них отошла на задний план...

Только однорукий конюх дядя Семён, единственный сын которого, рассказывали, сгорел в танке, всё ещё донашивал полинялую фронтovou гимнастёрку, дотапывал порыжелые, выдавшие виды сапоги. Каждый вечер под окнами своей избы он бил себя в сухонькую грудь жёлтым кулаком, матерился и слёзно выговаривал спрятавшейся в горнице жене:

- Дура ты, Граньк! Ду-ра! Эт я-то пиньчужка? Да я вот этими руками под огненным Курском в сорок третьем вражину в дугу согнул! Да я кровушкой своей аж на самом Берлине расписался! А ты? Эх ты-ы!

А мы, пяти-шестилетняя деревенская детвора, выхвалялись друг перед дружкой в отбеленных временах армейских пилотках с тёмными отметинами звёзд, подаренных старшими братьями, и, выдавая пилотки за «всамделишные» - фронтовые, подражая дяде Семёну, колошматили себя кулаками.

Мы целыми днями носились по улице с деревянными пистолетами и автоматами наизготовку, и тишину оглашало наше пулемётно-автоматное «тра-та-та». Спали и видели себя на войне. И горевали, что опоздали родиться. Война для нас была далеко-далеко в прошлом...

Но вот на улице появлялась высокая седая старуха. Про неё в деревне шептались: мать Фимки-изменника. Мы прекращали «бои» и провожали её любопытствующими взглядами.

Сухая, как соломина, в расхристанном плюшевом жакете с подвёрнутыми концами облезлых рукавов, в грязно-белых валенках на калошах, она шла, сутулясь, с отрешёнными глазами на плоском бескровном лице. Такой она и запомнилась мне - Плоской женщиной.

Домик её, скособоченный от ветхости, по окна вросший в землю, с мшистой прозеленью на трухлявой крыше, обнесённый высоким глухим забором, стоял на задах, где мы, детвора, летом играли в лапту, зимой на плашках и салазках катались с горки, а взрослые каждый год устраивали бегунцы - бега верхом на лошадях.

Плоская жила одна. Хозяйства, не считая многочисленных собак и кошек, у неё не бывало. Только почтальонша раза два в последние полгода принесла ей

весточки от сына, который, по слухам, отбывал срок за предательство в плену. Нигде старуха не работала. Говорили, правда, что в войну со всеми наравне чертоломила в колхозе, но однажды приняла неловко мешок с зерном или мукой и рухнула наземь – надорвалась.

На людях Плоская почти не показывалась. А если и выходила изредка из таинственного своего мирка, то шла по улице всё как-то боком, боком, скорёхонько, не поднимая глаз, и не только мы, детвора, сторонились её, но и взрослые невольно расступались. Очередь при её появлении в магазине умолкала, собравшиеся посудачить у колодца или на лавочке бабы спохватывались и расходились.

Жизнь Плоской являлась тайной. В деревне высказывались самые немыслимые и противоречивые догадки и предположения. Почтальонша уверяла, что в домике полным-полно икон, каждая сама по себе светится, а хозяйка (хотите - верьте, хотите - нет!) с ног до головы в чёрном тенью ходит по комнатам, замаливает Фимкины грехи.

Сельповский сторож, древний старик, доказывал, что, напротив, не Богу служит Плоская, а сатанинской силе, сам видел, как - свят, свят! - ночью из печной трубы выкатился огненный шар размером с клубок, завис над крышей, потом взметнулся ввысь и рассыпался искрами...

Однажды, это случилось зимой, из городского автобуса вышел незнакомец: громадный - глыба глыбой. С бельмом на глазу, в замызанной до лоска ватной телогрейке, в шапке-ушанке с одной болтающейся на ветру завязкой.

Я и теперь ясно вижу его мясистый нос, тяжеловесный, раздвоенный лиловым шрамом подбородок, толстые неопрятные губы, красный лоб и жилистую шею. Он вышел из автобуса с полупустой котомкой, которую держал перед собой обеими руками, словно там был пуд соли. Тогда он показался почти стариком, хотя, думаю, ему не было и сорока.

Под изумлёнными взглядами оказавшихся поблизости баб и мужиков, под шелест старушечьих губ («Фимка-хриstopродавец вернулся!») незнакомец скорым шагом через всю улицу проследовал к домику Плоской. Вскоре за оградой вскрикнула и заголосила хозяйка, взлаяли посаженные на цепи собаки, потом всё стихло, а через час-другой на огороде затопилась баня...

Вечером того же дня мы, детвора, с неизменной дразнилкой «Дядя Сёма из назёма» увязались за пьяненьким дядей Семёном. Обычно бежали за ним от конюховки до магазина, свистели в четыре пальца. Конюх не злобился, часто останавливался посреди дороги, топтался на месте, негнушимся крючковатым пальцем манил к себе. Мы робели, но смельчак всегда высккивался, подходил, с настороженным любопытством глядел, как долго одной рукой дядя Семён шарил по карманам и в конце концов протягивал своему преследователю пересыпанную табачной трухой горсть медных монет. Затем, хлопнув пятернёй

по колену, как бы всплясывал и не запевал - выкрикивал с молодецким задором: «Только вышел на да-ро-гу, штой-то свистнуло у ногу, три часа би-из па-амяти лежал!». Тряс головой и шёл к своей избе, а мы облепляли счастливица, пересчитывали выручку и, недолго думая, бежали в магазин, покупали комок слипшейся карамели, которая, помнится, никогда там не переводилась.

Но в тот вечер дядя Семён был неузнаваем. От конюховки зашагал не домой мимо магазина, как всегда, а на зады, к домику Плоской. За спиной у него болталось ружьишко с обмотанным медной проволокой ложем. Он обернулся на выкрики и так грозно глянул, что мы отпрянули и, недоумевая, стали следить за ним издали. Но любопытство перебарывало страх, помаленьку двигались следом. Дядя Семён шёл, держась прямее обычного, ступая широко и твёрдо, и, казалось, не было в те минуты силы, могущей остановить его. Он дошёл до калитки, саданул её сапогом, затряс, задёргал изо всех сил. Взлаяли собаки.

- Здравствуй, Фимушка, сын Иудин! - чужим голосом сказал дядя Семён, яростно громыхая калиткой. Она не поддавалась, видно, была изнутри на вертушках, и это выводило конюха из себя. - Выходь поздороваться, землячок, давненько не виделись! Заждался я тебя, разжеланного! - И столько нечеловеческой злобы, ненависти, отчаянной решимости прозвучало в его голосе, что нам сделалось не по себе. Мы уже догадались, что сейчас на наших глазах произойдёт нечто страшное, непоправимое...

- Самолично спросить тебя желаю, за сколько кусков проданся, за скольк наших жизней свою поганую выкупил? Ты думал, всё, сполна расплатился? Думал, смысл кровушку нашу с рук своих? Не-ет, не будет тебе, душегубу, на земле покоя!

Из домика, однако, никто не показывался. Собаки рвались с цепей, захлёбывались лаем. Обессиленный, дядя Семён грудью навалился на калитку, задохнулся в беззвучном кашле. Но вот он резко выпрямился, сдёрнул из-за спины одностволку, взвёл курок, держа ружьё под мышкой...

Прогремел выстрел. На лавке у крыльца вдребезги разлетелась стеклянная банка. Ружьё выпрыгнуло из руки, отлетело в сторону. Хватанув ртом воздуха, дядя Семён опустился на снег. На выстрел сбежался народ.

Мужики подхватили конюха, поставили на ноги, растормошили. Он, сам ещё, по-видимому, не осознавая, что произошло, стоял покорный и послушный. Его повели домой, и он не сопротивлялся.

- Как же так, - шептали его губы, - Фимка, стервец, вернулся, Фимка будет жить, а мой парнишка?..

Через неделю Фимка уехал. Ранним утром его видели на большаке всё с той же котомкой. Одного. Плоская не провожала.

С отъездом сына она, казалось, вовсе отрешилась от всего земного. Её неделями не видели и не слышали. Только ночной перебрёх собак, бряцанье

цепей, тусклый квадратик света на завалинке из единственного выходящего на улицу окна свидетельствовали о жизни за глухим забором...

В деревне праздновали масленицу. Днём откатали на тройках, отугощались блинами, вечером в домах наяривали гармошки, топотали плясуньи, из окон выплскивались озорные частушки.

И вдруг неистово залаяли у Плоской собаки.

Старуха в ярости крушила забор. В проломе было видно, как сплеча она лупила колуном по упругим доскам, а они, прогибаясь, пружиня, дребезжали и звенели. Колун отскакивал, как от резины, удары с каждым замахом становились всё глуше, бессильней.

И опять, как на выстрел дяди Семёна, сбежался народ. Никого вокруг не видя, ничего не слыша, Плоская лупила и лупила по неподдающимся доскам, вкладывая в удары всю свою остатнюю силушку. И не кричала уже, а выла, выла, медленно оседая на снег, босая, взлохмаченная...

Все в каком-то мрачном оцепенении стояли поодаль.

- Господи! - перекрестилась одна из старух. - Да что же это делается, а?

- Жись, - глубокомысленно изрекла другая. - Чужая жись - потёмки.

- Фимка, стервец, запродался, а матери каково? Она-то тут при чём? - вставила третья.

В кругу заговорили, загалдели:

- Воспитала змейку на свою шейку, вот и расплачивайся теперь горячими слезами!

- Яблоко от яблони недалеко, сказывают...

- Разве она его на изменушку толкала?

- Нехорошо так, люди добрые! Не по-людски!

А Плоская всё выла...

Откуда ни возьмись, очутился подле неё дядя Семён. Трезвый. Он, к нашему сожалению, не пил с того памятного выстрела. Конюх выхватил из рук обезумевшей Плоской колун, запустил его через забор в сугроб.

И тотчас Плоскую окружили бабы и старухи. Кто-то заохал, заахал, кто-то запричитал, кто-то помог ей подняться на ноги, но она вырывалась, выскальзывала, снова падала в снег, билась головой о край обледенелой доски, изгибаясь длинным телом. А мы во все глаза таращились на неё, пока тот же дядя Семён не гаркнул на нас, и опять он был неузнаваем, только в глазах блестела не злоба и решимость, а боль и сострадание...

Шёл 1958-й, четырнадцатый послевоенный год...

Мы, детвора, спали и видели себя на войне. И горевали, что опоздали родиться. Война для нас была далеко-далеко в прошлом. Теперь я понимаю, как близко она была. Она и по сей день живёт во мне смутным отголоском надрывного стога Плоской.

Авторы журнала

Александрова Марина.....	106
Андреева Ирина.....	42
Ангел Марин.....	185
Баранов Юрий.....	78
Барыльченко Василий.....	171
Белова Галина.....	76
Бородкина Наталья.....	96
Браверман Евгений.....	182
Володина Екатерина.....	34
Гостева Елена.....	120
Губина Ольга.....	94
Денисов Николай.....	90
Журавушка (Лидия Журавлева).....	107
Зозуля Василий.....	115
Иванов Леонид.....	14
Картишкина Валентина.....	85
Колесова Шварц Наталья.....	37
Коняев Николай.....	198
Костенецкая Светлана.....	36
Кошкина Татьяна.....	97
Крымова Надежда.....	84
Кушнарёв Владимир.....	48
Лебедева Маргарита.....	20
Маркова Антонина.....	19
Матюшенко Евгений.....	169
Миляева Любовь.....	140
Мирзаев Габидулла.....	123
Мищенко Александр.....	23
Моор Вета.....	22
Неряхина Любовь.....	130
Новопашин Александр.....	12
Нургалиева Ольга.....	173
Попова Зинаида.....	77
Путина Татьяна.....	110
Рамазанова Светлана.....	109
Ругин Роман.....	150
Рябий Михаил.....	187
Салах Роза.....	111
Сарьянова Роза.....	194
Сенькина Анастасия.....	142
Тоболкин Зот.....	49
Фоминцева Елизавета.....	102
Хохлова Светлана.....	30
Черкашин Павел.....	143
Шамрай Наталья.....	169
Шамсутдинов Николай.....	8
Юргенсон Татьяна.....	121